

Вѣстникъ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

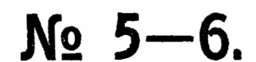
Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 мая—7 іюня.

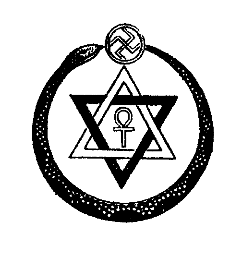

№ 5—6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

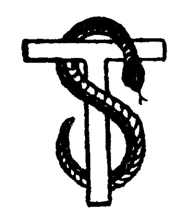
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 мая—7 іюня.

№ 5—6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ,** доктора **Рудольфа Штейнера,** *Alba, П. Н. Батюшкова, А. Ф. Вельцъ, Н. Г., М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, А. Минцловой, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф.* и др.

Въ Журналѣ печатаются слѣдующія статьи: Древняя Мудрость, **А. Безантъ;** Новая Психологія и Теософія, **ея же;** Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ, д-ра **Р. Штейнера;** Великіе посвященные, *Э. Шюре* и др.

Цѣна **4** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**2** р. **20** к., за 3 мѣсяца—**1** р. **10** к. Отдѣльный №—**50** к. За перемѣну адреса—**20** к.

Подписка для иногородныхъ **только черезъ контору Редакціи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ

майской—іюньской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Отъ Редакціи.

1. Опытъ минувшихъ мѣсяцевъ убѣдилъ Редакцію въ томъ, что на ряду со статьями, отражающими въ чистомъ видѣ теософическое міросозерцаніе, къ ней притекаетъ матеріалъ, иногда очень талантливо обработанный, съ высокимъ настроеніемъ, но не вполнѣ выдержанный въ духѣ Теософіи. Желая по возможности шире охватить всѣ оттѣнки мысли, искренно, мучительно и пытливо ищущей отвѣта на самыя разнообразныя проблемы Духа и Жизни, Редакція открываетъ съ настоящаго номера новый отдѣлъ „Духовныхъ Исканій", въ которомъ будутъ помѣщаться статьи субъективнаго характера, не выражающія всецѣло взглядовъ Редакціи, но подходящія подъ духъ и тонъ журнала. Въ виду незначительнаго формата журнала, подъ статьи этого отдѣла можетъ быть отведено не болѣе одного печатнаго листа мелкаго шрифта.

2. По случаю лѣтняго времени, эта книжка выходитъ подъ двойнымъ № 5—6; слѣдующая книжка выйдетъ 7 іюля подъ двойнымъ № 7—8. Начиная съ 7 сентября книжки будутъ выходить ежемѣсячно въ прежнемъ количествѣ печатнаго матеріала. Интересы подписчиковъ отъ лѣтняго перерыва не пострадаютъ, такъ какъ до настоящаго времени каждая книжка, вмѣсто обѣщанныхъ пяти листовъ, заключала въ себѣ отъ 7—8 печатныхъ листовъ. Такимъ образомъ, полугодовые подписчики получили, вмѣстѣ 30, уже 35 печатныхъ листовъ, а годовые, вмѣсто 60, получатъ свыше 70 печатныхъ листовъ.

3. Лица, подписавшіяся на 1/2 года, срокъ подписки коихъ истекаетъ 7 іюня сего года, благоволятъ внести очередной взносъ не позже 1 іюля сего года, во избѣжаніе задержки въ полученіи слѣдующаго номера.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 4 „Вѣстника Теософіи" въ статьѣ д-ра Паскаля „Главныя теософическія положенія" вкралось нѣсколько важныхъ опечатокъ, на которыя мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе нашихъ читателей:

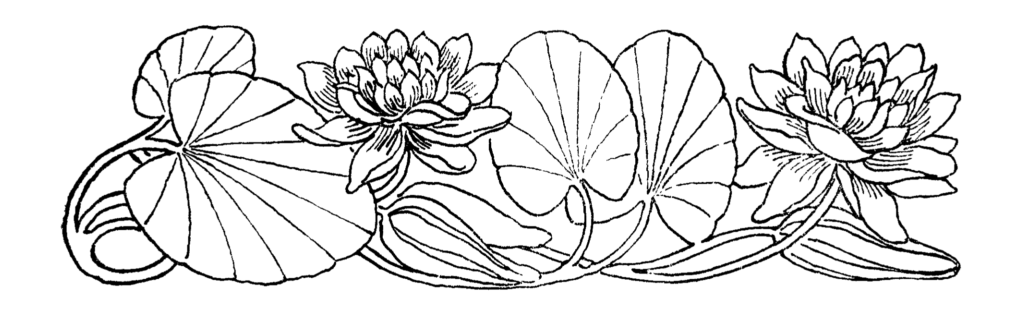
	Напечатано.	Надо.
Стр. 6 строка 13 снизу.	двадцатигранника	двѣнадцатигранника.
„ „ „ 10 „	восьмиугогольника	правильнаго восьмигранника.
„ „ „ 5 и 6 „	четырехугольника	правильнаго четырехгранника.

Въ теченіе лѣта 1908 года докторъ Р. Штейнеръ прочтетъ серію лекцій въ нѣсколькихъ городахъ Германіи:

1) въ Гамбургѣ (отъ 18 до 31 мая): Евангеліе Св. Іоанна.

2) въ Нюренбергѣ (отъ 17—30 іюня): Теософія въ свѣтѣ Апокалипсиса.

3) въ Штутгартѣ (отъ 4—16 августа): Міръ, земля и человѣкъ.

Главныя теософическія положенія. Соотношенія теософіи съ наукой, философіями и религіями *).

Д-ръ Т. Паскаль.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

Соотношенія Теософіи съ философіями **).

Философія есть изученіе мышленія (силъ мысленныхъ), также какъ наука есть изученіе формъ (силъ физическихъ), и какъ религія есть изученіе душъ (силъ духовныхъ).

Мы коснемся четырехъ главныхъ вопросовъ философіи; мы увидимъ, какъ различныя системы ихъ истолковываются и я постараюсь показать вамъ, что и здѣсь теософія, озаряя ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и объединяетъ.

Эти вопросы слѣдующіе: Богъ, Вселенная, человѣкъ, нравственный законъ.

* * *

Теософія различаетъ Бога Совершеннаго (абсолютнаго) отъ проявленнаго.

Богъ абсолютный—это Безконечный, Совершенный, Непознанный, Существо чистѣйшее, Существо въ Себѣ сущее, То, что превосходитъ разумъ, То, что самые великіе философы не могли опредѣлить иначе, какъ только отрицаніями; это То Существо—

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 4, стр. 1.

**) Выдержка изъ „Журнала“ (Journal) ноябрь 1900 г., перепечатанная въ довольно большомъ количествѣ другими журналами.

истина, Котораго Вселенная есть только одно отраженіе, одна незначительная точка, Существо, которое мы не можемъ постичь, которое такъ отлично отъ существа конечнаго, что Его опредѣлили какъ Небытіе. Это Сознаніе совершенное, которое такъ далеко отъ нашего сознанія ограниченнаго, что Его опредѣлили какъ Несознаніе; это Движеніе per-se такое отличное отъ движенія видимаго, конечнаго, что Его наименовали *Непреложный*.

Объ этомъ абсолютномъ Богѣ, пока, мы ничего не знаемъ и только въ минуты самаго возвышеннаго созерцанія нашему сознанію передается неясное предчувствіе того, что Онъ можетъ быть.

Но это Существо, Которое есть все, которое все обнимаетъ Собой—все что мы знаемъ и все чего мы не знаемъ—Которое внѣдряетъ въ Себѣ нашъ настоящій міръ, также какъ всѣ міры прошлые и будущіе, это неисповѣдимое Существо, Которому греки воздвигали алтари, проявляетъ Себя чтобы множиться, чтобы творить души „по образу Своему и подобію“ по словамъ Ветхаго Завѣта.

Восхотѣвъ проявиться, Онъ сначала является нашему ограниченному видѣнію, какъ центръ въ Безконечности; это Безконечность, которая ограничиваетъ себя, которая становится „Я“ конечнымъ, „точка“ пиѳагорійцевъ, высшая Монада; это зародышъ Вселенной, который появляется; Богъ Отецъ христіанъ, Логосъ непроявленный платониковъ.

Сотвореніе начинается точкой въ кругѣ (нуль) Одинъ проявляющійся двумя: двѣ противоположности, о которыхъ говорилъ я, по поводу закона причинности (Карма), двѣ противоположности, безъ которыхъ никакая вселенная не можетъ быть создана.

Одинъ и *два* составляютъ *три*, Троица, Богъ въ трехъ лицахъ христіанъ, треугольникъ Пиѳагора.

Изъ Троицы—божественной призмы—исходятъ семь цифръ; эти высокія отвлеченныя понятія о Божествѣ философія пиѳагорейцевъ выражала числами—семь Духовъ Первенствующихъ, а отъ нихъ всѣ другія семиричныя группы Высшей Іерархіи существъ отъ Бога до человѣка, отъ человѣка до простѣйшаго атома.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе теософическаго ученія о Богѣ.

Теперь вы поймете, почему Теософіи легко примирить различныя ученія о Богѣ, установленныя атеистами, монотеистами, пантеистами, политеистами.

Есть два рода атеистовъ: атеистъ невѣжда и атеистъ философъ. Первый изъ нихъ видя, что Богъ не отвѣчаетъ на его мольбы, не даетъ никакихъ признаковъ благости, не мѣшаетъ огню пожирать неосторожныхъ и даже невинныхъ—напримѣръ младенца въ колыбели—допускаетъ стихіямъ поглощать корабли, опустошать земли и всюду вносить разореніе, говоритъ себѣ: „Если бы существовалъ Богъ, этихъ ужасовъ не было бы".

Атеистъ-философъ разсуждаетъ иначе; онъ говоритъ: „Богъ безконеченъ, Онъ не можетъ быть тѣмъ Богомъ, о которомъ учатъ церкви, Богомъ, который, какъ люди, награждаетъ, наказываетъ, думаетъ и дѣйствуетъ. Я отрицаю того Бога, котораго призываютъ; Онъ ограниченъ, я же признаю Существо неограниченное, для насъ какъ бы несуществующее".

Оба грѣшатъ, по невѣдѣнію; первый отрицаетъ всякаго Бога, какъ личнаго такъ и безличнаго, потому, что не знаетъ, что только непрестанному дѣйствію Бога вселенная обязана своимъ существованіемъ и жизнью, что зло по необходимости сопровождаетъ процессъ эволюціи, какъ результатъ поступковъ, совершенныхъ людьми въ теченіе послѣдовательныхъ существованій; второй считаетъ Безконечное какъ бы для насъ несуществующимъ, отрицаетъ существованіе личнаго аспекта этого безконечнаго, потому что не понялъ, что этотъ аспектъ необходимо сливается съ Безконечнымъ безличнымъ и не можетъ существовать какъ только въ Немъ и Имъ.

Далѣе слѣдуютъ пантеисты. Они говорятъ: разумъ и жизнь всюду, и существа менѣе всего развитыя менѣе всѣхъ ошибаются; такъ кристаллъ образуется молекулярнымъ отложеніемъ, которое совершается вдоль его осей кристаллизаціи; растеніе, заключенное во мракѣ, неизмѣнно направляется къ отверстію, дающему ему свѣтъ жизни; пчела и бобръ возводятъ постройки лучше и легче людей,—какъ же не признать, что Богъ всюду и во всемъ?

Пантеистъ правъ—Богъ воплощенъ въ мірѣ, вселенная Его проявленіе, Его тѣло—сказалъ св. Павелъ; не правъ онъ только въ томъ, что отрицаетъ въ другихъ системахъ ихъ долю истины, потому что, какъ и атеистъ, онъ видитъ только одну грань Бога.

Монотеистъ можетъ постигать только единаго Бога, и Бога личнаго, обладающаго своимъ „Я". Это справедливо: есть только Богъ единый и, очевидно, Богъ есть „Я". Но и монотеизмъ видитъ Бога только съ одной стороны и не можетъ еще понять, что все есть только одинъ аспектъ божества, что непрестанно въ нѣдрахъ Безконечнаго создаются богоподобные центры, что

центры эти, называемые нами существами, пребываютъ потенціально въ нѣдрахъ Бога и проявляются въ теченіе эволюціи, не порождая двойственности божества (дуализма). Не могутъ монотеисты постигнуть, что существуетъ другое „Я“, безконечно болѣе великое, чѣмъ то, которое они понимаютъ и допускаютъ, „Я абсолютное“, Существо въ Себѣ сущее, и вотъ почему они одинаково предаютъ анаѳемѣ какъ атеистовъ, такъ и пантеистовъ и политеистовъ.

Теперь приступимъ къ политеистамъ; когда они односторонни, то также являются людьми недостаточно развитыми, неспособными обнять всего центра и самыхъ высшихъ аспектовъ божества; они признаютъ только его низшіе аспекты, силы, которыми управляются стихіи—агентовъ Бога во вселенной. Теософія же понимаетъ всѣ эти грани божественной Истины; она постигаетъ всѣ аспекты Бога во Вселенной; она знаетъ, что всѣ философскія системы содержатъ въ себѣ частицу Истины. Поэтому она никого не гонитъ; она просвѣщаетъ, чтобы объединить; она говоритъ борющимся: „Всѣ вы правы, но не вполнѣ; вы это поймете, когда увидите всѣ грани Бога. Вмѣсто того, чтобы сражаться, любите и вы поможете другъ другу лучше видѣть“.

* * *

Что такое Вселенная?

Для Теософіи Вселенная есть тѣло Бога проявленнаго, личнаго, совокупность матеріи, которая даетъ формы существамъ, зарождающимся центрамъ сознанія, долженствующимъ совершить свое восхожденіе до божества. Вселенная въ основаніи едина съ Богомъ; она аспектъ Бога, Существа безконечнаго; если бы она не была одною изъ формъ божественной дѣятельности, то въ Существѣ была бы двойственность, тогда рядомъ съ Богомъ была бы Вселенная, значитъ, Богъ бы не являлся безконечнымъ.

Вселенная это божественная энергія, которая проявляетъ то, что открывается нашимъ чувствамъ какъ сила—матерія; это Божественная энергія, которая проявляется то какъ чувствительность, то какъ мысль, то какъ любовь и преданность, еще выше—какъ воля и такъ дальше во всѣхъ неизвѣстныхъ еще намъ состояніяхъ матеріи, гдѣ проявятся способности, развивающіяся на стадіи сверхчеловѣческой эволюціи.

Это все та же божественная матерія, которая образовываетъ атомы, создаетъ различныя моря извѣстной и неизвѣстной матеріи,

творитъ формы видимыя и невидимыя; это та же самая разумная сила, которая направляетъ безконечныя эволюціи міровъ видимыхъ и невидимыхъ, это все частицы Бога, формы его Божества.

Теософія понимаетъ и матеріализмъ и спиритуализмъ и примиряетъ ихъ между собой.

Матеріалисты утверждаютъ, что въ мірѣ видимомъ ничто не существуетъ внѣ силы—матеріи, что все измѣняется съ измѣненіемъ силы—матеріи, что способности, кажущіяся самыми отдѣленными отъ нея, тѣмъ не менѣе являются ея же скромными данниками. Такъ, сознаніе, разумъ, память, воля зависятъ отъ простого молекулярнаго безпорядка въ мозгу; онѣ рождаются и развиваются съ развитіемъ мозговыхъ центровъ, ослабѣваютъ и исчезаютъ съ ослабленіемъ тѣхъ же центровъ.

Что можно отвѣтить на эти утвержденія? Ничего. Это истина. Покуда матеріализмъ стоитъ на этомъ, онъ правъ и на твердой почвѣ—онъ неоспоримъ.

Но онъ не правъ, утверждая, что не существуетъ разумной силы, которая создаетъ силу—матерію и направляетъ ее въ ея соединеніяхъ и когда одаряетъ онъ эту силу—матерію возможностью зарождать самолично, только собой, проявляемыя ею способности. Если бы не было электрическаго тока въ нашихъ бѣлокалильныхъ лампочкахъ, мы видѣли бы только однѣ эти лампочки, но свѣта въ нихъ не было бы. Если бы не было Существа, которое есть въ одно и то же время и сила—матерія и все то, что внѣ ея, то существовала бы только одна эта сила—матерія, но не было бы способностей, проявляемыхъ ею.

Идеалисты или, если вы предпочитаете, спиритуалисты отрицаютъ силу—матерію, говоря, что она не существуетъ per—se, что это одна только иллюзія, являющаяся благодаря Духу, т. е. Божественной дѣятельности.

До сихъ поръ они правы; сила—матерія есть только отраженіе, только форма божественной дѣятельности. Но если бы идеализмъ прибавлялъ, что эта форма Бога не существуетъ, что эти формы не имѣютъ между собой вибраціонныхъ соотношеній, то глубоко бы ошибся; оставалось бы только посовѣтовать одному изъ этихъ отрицателей кинуться въ огонь; тогда онъ убѣдился бы, что одно изъ отраженій божественной дѣятельности, называемое силой—матеріей человѣческаго тѣла, существуетъ, и что соотношеніе его съ этимъ другимъ аспектомъ, называемымъ огнемъ, совершенно опредѣленно и постоянно.

То понятіе, которое мы имѣемъ о силѣ—матеріи, очевидно ложно и только вслѣдствіе иллюзіи (происходящей отъ нашего невѣжества) мы отличаемъ эту силу—матерію отъ Духа, отъ Существа, отъ Бога, но она существуетъ—отрицать ее нельзя.

И здѣсь, также, теософія примиряетъ обоихъ противниковъ.

* * *

Перейдемъ къ человѣку.

Человѣкъ есть существо, достигшее особенной стадіи эволюціи, стадіи самопознанія, стадіи, въ которой „я“ ясно установлено. Необходимо, чтобы существа достигали развитія своего „я“, своей самости; невозможно стать разумнымъ, невозможно понять, невозможно достичь безсмертія иначе, какъ самоутвержденіемъ. Мы всѣ вѣчны въ Богѣ, но составляемъ только его частицы; божественная же частица становится безсмертной только тогда, когда достигаетъ сознанія своего существованія.

Человѣкъ безсмертенъ потому—что онъ самосознателенъ, онъ совершилъ уже половину пути. Вторая половина даетъ ростъ его сознанію (его познанію) и когда онъ доведетъ его до той точки, когда можетъ обнимать имъ всю Вселенную, познавать все, что совершается вокругъ, отвѣчать эхомъ на вибраціи всѣхъ существъ, когда сольется въ одно съ сознаніемъ Бога, воплощеннаго въ міръ—тогда онъ достигъ цѣли, окончилъ свое странствованіе—онъ сталъ богомъ въ Богѣ; создался новый центръ: въ центрѣ превысшемъ, центръ сознательный, всевѣдущій, всемогущій, онъ знаетъ, что онъ слился съ Богомъ, что его индивидуальность, его „я“, составляетъ единое съ великой индивидуальностью вселенной, съ высшимъ „я“ и онъ познáетъ великую Тайну, Тайну Существа абсолютнаго и существа проявленнаго, тайну жизни божественной и жизни человѣческой, тайну эволюціи.

Тѣло, черезъ которое во всей полнотѣ проявляется „я“, и которое создаетъ человѣка (ибо человѣкъ есть существо, достигшее до стадіи „я“) есть тѣло ментальное, высшее, тѣло причинности (corps causal), о которомъ мы уже говорили. Животное не имѣетъ тѣла причинности, оно обладаетъ только очень простымъ ментальнымъ тѣломъ; животное думаетъ, разсуждаетъ, помнитъ, соображаетъ, но его мысли просты, очень конкретны *и никогда не бываютъ абстрактны:* эта послѣдняя черта ясно отдѣляетъ человѣка отъ животнаго.

Существуетъ одна способность человѣка, о которой различныя философскія школы много спорили и никогда не приходили къ соглашенію; это таинственная свобода. Одни говорятъ, что человѣкъ совершенно свободенъ; другіе—что онъ прикованъ къ законамъ вселенной, къ судьбѣ, третьи утверждаютъ, что человѣкъ—это былинка, его движенія (дѣйствія) всецѣло зависятъ отъ направленія дующаго вѣтра.

Всѣ правы въ томъ, что они утверждаютъ, всѣ видятъ ясно почву, которую они изслѣдуютъ, но всѣ ошибаются въ томъ смыслѣ, что не знаютъ, что вся почва, въ цѣлости, больше части, которую они разсматриваютъ, и что истина заключается въ умѣніи видѣть всѣ части этого вопроса.

Что такое свобода, свободная воля?

Это есть свобода дѣйствія, свобода рѣшенія независимо отъ всякой причины внѣ себя. Это есть могущество Воли, божественной „да будетъ такъ", которымъ, въ зачаточномъ или развитомъ состояніи, обладаетъ всякое существо. Всякое существо обладаетъ имъ потому, что всякая космическая частица составляетъ часть Великаго Цѣлаго и всякая частица потенціально обладаетъ качествами цѣлаго. Но эта способность пріобрѣтаетъ извѣстную силу и проявляется только у существъ, дошедшихъ до извѣстной стадіи развитія, все равно какъ листья, цвѣты и плоды, всѣ вмѣстѣ пребывая потенціально уже въ зернѣ, только тогда показываются, когда дерево достигаетъ извѣстной степени своего роста.

Надо тщательно отличать способность свободно дѣйствовать отъ условій, которыя позволяютъ осуществлять дѣйствія. У Бога эта власть осуществляется безпрепятственно, у человѣка же, который еще только богъ зарождающійся, она можетъ осуществляться только въ извѣстныхъ границахъ—границахъ, которыя налагаютъ на него степень его развитія,—и его сила. Такъ заключенный, скованный цѣпями, свободенъ подчиниться своей судьбѣ или же бороться, чтобы разбить свои оковы, но обыкновенно свобода его не имѣетъ достаточной энергіи пробиться наружу, чтобы побѣдить сковывающія его препятствія. Сцѣпленіе частицъ желѣза обладаетъ извѣстной силой и пока энергія воли заключеннаго не будетъ достаточно развита, чтобы побѣдить его, желѣзо будетъ его сковывать; когда же сила эта возростетъ до того, что будетъ господствовать надъ сцѣпленіемъ желѣза, то оковы его спадутъ. Подобное явленіе часто совершалось у святыхъ

всѣхъ церквей и подобныя же явленія наблюдались въ спиритизмѣ *).

Итакъ, существо не можетъ проявлять свою свободу, не развивъ до извѣстной степени своей силы. Человѣкъ дошелъ до этой степени; его свобода начинается, и съ эволюціей безпрестанно увеличивается; вполнѣ проявить ее онъ можетъ лишь слившись съ закономъ; если же идетъ онъ противъ него, то идетъ противъ божественной воли, напоминая этимъ пловца, плывущаго противъ теченія рѣки; силы его въ извѣстную минуту слабѣютъ и потокъ увлекаетъ его. И такъ будетъ всегда; онъ не будетъ вполнѣ свободенъ, пока не станетъ богомъ, пока не разовьетъ силы, равной силѣ Закона, равной силѣ эволюціи; пока не разовьетъ силы равной силѣ Бога, такъ какъ Богъ совершаетъ эволюцію, Богъ есть Законъ міра; тогда онъ станетъ богомъ, станетъ всемогущимъ сотрудникомъ этого божественнаго Закона, который есть высшее Добро.

Такимъ образомъ только одинъ Богъ совершенно свободенъ, ибо онъ знаетъ Законъ вполнѣ, Онъ самъ Законъ и въ свою очередь человѣкъ достигнетъ полной свободы только тогда, когда станетъ божественнымъ.

Что такое рокъ?

Это препятствіе, которое законы Природы противоставляютъ волѣ человѣка; это божественная сила, противодѣйствующая невѣжеству человѣка, которая сталкивается съ нею, это необходимость противодѣйствующая свободѣ. Если бы не было вмѣшательства Бога, то фатальность была бы абсолютная и свобода не могла бы зародиться въ человѣкѣ, она была бы заглушена въ своемъ зародышѣ: цѣль эволюціи, цѣль Вселенной не могла бы быть достигнута. Но Богъ помогаетъ человѣку; по своей волѣ Онъ уступаетъ зарождающейся свободѣ существъ, когда та противится Закону міра, для того, чтобы свобода эта упражнялась и развивалась; могущественной десницей своей Онъ снимаетъ съ человѣческихъ плечъ гнетущую тяготу Закона, оставляя на нихъ лежать только то, что человѣкъ можетъ снести: и такимъ образомъ сила человѣческая возростаетъ, до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ цѣли—божественности. Та сумма энергіи, какую человѣкъ разовьетъ, составляетъ его свободу, всѣ-же силы Природы, превосходящія его личную силу, образуютъ его судьбу.

---

*) У Цёльнера: трансцендентальная физика: феномены колецъ, которыя выходятъ изъ ножки столика. Пролома нѣтъ, происходитъ дематеріализація и снова матеріализація этихъ колецъ.

Вотъ почему человѣкъ въ одно и то же время и свободенъ и подчиненъ судьбѣ; вотъ почему онъ не вполнѣ свободенъ и не вполнѣ рабъ; вотъ почему онъ становится тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе развивается, чѣмъ болѣе приближается къ цѣли, и вотъ почему онъ только тогда свободенъ, когда достигаетъ того, чего желаетъ Богъ—становится богомъ въ Богѣ, сыномъ, подобнымъ Отцу.

Перейдемъ къ детерминизму.

Часто могущество хотѣнія и свободы воли смѣшиваютъ съ побудительными причинами, приводящими его въ дѣйствіе; онѣ очень многочисленны; на человѣка вліяютъ страхъ, надежда, удовольствіе, страданіе, любовь, ненависть и много другихъ страстей и чувствъ.

Но всѣ эти побудительныя причины не суть хотѣніе или свобода воли: онѣ только силы дѣйствующія на свободу. Человѣкъ, движимый страстью, прежде чѣмъ дѣйствовать, можетъ разобраться въ томъ, что его побуждаетъ, и только послѣ анализа—уступить или же устоять. Его воля можетъ оказаться слабѣе силы страсти, въ подобномъ случаѣ человѣкъ уступаетъ и падаетъ. Но по мѣрѣ того, какъ могущество свободы увеличивается, а увеличивается оно, несмотря на свои пораженія, упражненіемъ, оно становится сильнѣе страсти, которая нѣкогда его порождала. Такъ мы видимъ вокругъ себя энергичныхъ людей, которые наступили на голову змія искусителя, людей, которые побѣдили животныя силы, которые даже восторжествовали надъ человѣческой силой—эгоизмомъ, людей, которые господствуютъ надъ своими мыслями, какъ и надъ своими страстями; люди эти высоки, потому что ихъ хотѣніе велико и въ то время, какъ мы видимъ вокругъ себя людей, которыхъ жизнь кидаетъ, какъ вѣтеръ соломенку, они стоятъ твердо, ихъ дѣйствія направляетъ только ихъ созрѣвшій разумъ и ихъ божественная самоотверженность; ихъ могущество дѣйствовать болѣе не подчинено ничему, не предопредѣлено: оно вмѣстѣ съ божественностью господствуетъ въ человѣкѣ.

Мнѣ хочется выразить вамъ это въ другой формѣ.

Надобно различать силу хотѣнія отъ силы чувства или страсти. Всякое чувство, всякая страсть есть какъ бы умная суть; *сила ея—есть ея хотѣніе*; человѣкъ содержитъ въ себѣ всѣ силы (силы духовныя, интеллектуальныя, страстныя и физическія); силы физическія находятся въ его видимомъ тѣлѣ, силы страстей—въ его тѣлѣ чувственномъ, силы интеллектуальныя—въ его тѣлѣ ментальномъ. Силы страстей преобладаютъ въ человѣкѣ низшей природы,

силы умственныя преобладаютъ въ человѣкѣ обыденномъ, силы же духовныя—въ человѣкѣ высшей природы; но есть сила высшая, сила, которая хорошо разовьется только въ будущемъ, сила, которая будетъ преобладать надъ всѣми предыдущими силами, потому что она ихъ общiй корень, она ихъ источникъ: это хотѣнiе, свободная воля. Когда эта сила достигаетъ своей зрѣлости, она дѣлается Властителемъ, могуществомъ человѣка, ставшаго божественнымъ, она болѣе не предопредѣлена, она сама предопредѣляетъ все.

Такимъ образомъ, предопредѣленiе дѣйствительно существуетъ; хотѣнiе человѣка тѣмъ болѣе „предопредѣлено", чѣмъ человѣкъ этотъ менѣе подвинутъ въ своей эволюцiи. Въ началѣ онъ подчиненъ своимъ страстямъ, потомъ силѣ своего эгоизма, потомъ силѣ божественности, которая становится его „я", когда онъ достаточно созрѣлъ, когда онъ сталъ „богомъ"; и только тогда онъ дѣйствительно свободенъ, только тогда онъ болѣе не подчиненъ предопредѣленiю.

Такимъ образомъ примиряются и свободная воля и судьба и предопредѣленiе.

* * *

Послѣднимъ пунктомъ будетъ—нравственный законъ; и въ этомъ тоже случаѣ, вѣрный моей цѣли, я постараюсь показать, что можно примирить всѣ системы, ибо всѣ ищутъ истины и желаютъ добра.

Я объединю въ три главныя формы различные виды нравственнаго закона, которые привлекли вниманiе людей. Ихъ можно наименовать: нравственность, основанная на откровенiи, нравственность, основанная на разумѣ, и нравственность, основанная на интуицiи.

Нравственность, основанная на откровенiи, есть та, которая существуетъ у народовъ первобытныхъ, состоящихъ изъ очень молодыхъ душъ. Она дана откровенiемъ Великими существами, переступившими человѣческую стадiю и перевоплотившимися добровольно, чтобы помогать своимъ младшимъ братьямъ; объ этихъ существахъ говорятъ всѣ древнiя традицiи: это тѣ таинственныя личности, которыя появляются у колыбели человѣчества, Ману, Менесъ, Моисей, Орфей — боги, полубоги и герои. Они сходятъ на землю, чтобы помочь младенческимъ нуждамъ; для этой трудной работы необходимы глубокая мудрость и то обаятельное влiянiе, которое дается любовью, благородствомъ,

знаніемъ и чудеснымъ могуществомъ. Нужно быть мудрымъ, чтобы начертать путь, быть благороднымъ и добрымъ, чтобы возбуждать довѣріе и любовь, могущественнымъ, чтобы внушать къ себѣ полное уваженіе тѣхъ, которые уже признали своимъ руководителемъ существо мудрое, самоотверженное, божественное.

Существа эти налагаютъ нравственныя требованія на братьевъ во младенчествѣ; они помогаютъ послушанію ихъ страхомъ наказанія или приманкой награды, они предоставляютъ обширное поле слабостямъ и требуютъ только основныхъ правилъ добродѣтели; требуютъ только того, что могутъ тѣ дать. Не такъ ли поступаемъ мы съ дѣтьми? Предъявлять запросы невозможнаго нелѣпо; требовать совершенной нравственности у душъ младенческихъ это то же, что желать, чтобы слабая рука ребенка была сильной рукой Геркулеса.

Эти великіе Просвѣтители мудры, они дали первобытнымъ народамъ законы, которые намъ, какъ расѣ болѣе зрѣлой, кажутся безнравственными. Прочтите Библію и вы увидите, что Моисей установилъ законъ возмездія, многоженства, кровавыя жертвы.

Законъ Христа былъ не таковъ, потому что еврейскій народъ созрѣлъ съ годами; души возросли, когда Іисусъ пришелъ проповѣдовать новое Евангеліе; поэтому, Его ученіе было строже и болѣе возвышено; еще болѣе возвышены будутъ заповѣди послѣдующаго Мессіи, того, который положитъ основаніе зданію той религіи, что будетъ руководить культурой будущей расы.

Но когда люди выросли, когда сознаніе ихъ пробуждено, они не желаютъ болѣе слѣпого послушанія; они хотятъ знать, почему оно нужно, и тогда они вступаютъ въ новую эру. Они оспариваютъ преподанные имъ законы нравственности, устанавливаютъ другіе, создаютъ теоретическія системы, изъ которыхъ выводятъ практическія примѣненія; они измѣняютъ, уничтожаютъ, перерабатываютъ по мѣрѣ того, какъ ихъ разумъ и опытъ доставляютъ имъ новые матеріалы и показываютъ новые горизонты.

Человѣчество находится именно на этой стадіи; самая передовая его часть отбросила заповѣди, переданныя религіозной традиціей, и направляетъ свои дѣйствія согласно разуму; а разсудокъ доказалъ, что полезнѣе всего всѣмъ Добро. Нравственность разсудка—это нравственность утилитарная; критеріумъ ея таковъ: то, что будетъ способствовать улучшенію большинства, хорошо. То, что полезно только меньшинству, плохо.

И это правильно; личность должна уступать обществу; нужно отдаваться другимъ, прежде чѣмъ думать о себѣ. И человѣ-

чество передѣлываетъ, очищаетъ безпрестанно свой нравственный законъ, руководствуясь разсудкомъ и свѣтомъ разума.

Но человѣкъ, Душа, возростаетъ безпрестанно; сердце его расширяется, рождается любовь, появляется новый свѣтъ: этотъ свѣтъ переходитъ въ пламя—пламя, которое тоже освѣщаетъ, но его свѣтъ не есть холодный свѣтъ мозга, результатъ расчета, разсужденія—это свѣтъ жизни, который налагаетъ свою печать, жизни, которая выбивается наружу, которая озаряетъ и шепчетъ тихимъ голосомъ, который все же сильнѣе міра—голосомъ совѣсти, совѣсти возросшей, достигшей божественности. Эта новая эра зачинается, голосъ совѣсти говоритъ, повелѣваетъ, и его повелѣнія суть законы; онъ говоритъ—просвѣщая.

Достигши этой стадіи развитія, человѣкъ знаетъ то, что долженъ совершать; ему болѣе не нужны правила нравственности откровенія, онъ уже перешелъ заключенія, выработанныя его разсудкомъ, онъ чувствуетъ Законъ въ себѣ самомъ, законъ болѣе требовательный, болѣе строгій, болѣе суровый, чѣмъ всѣ предыдущіе, и онъ долженъ слѣдовать ему, онъ это чувствуетъ и знаетъ.

Таковы три формы нравственнаго Закона. Всѣ три помогаютъ эволюціи и ведутъ къ цѣли разными дорогами: одна изъ нихъ ведетъ путемъ младенчества широкимъ и усыпаннымъ цвѣтами; другая слѣдуетъ зигзагами, производимыми различными попытками колеблющагося разсудка; послѣдняя же ведетъ прямо къ цѣли по крутому обрыву, по которому могутъ идти только души самыя твердыя, самыя отважныя, самыя благородныя.

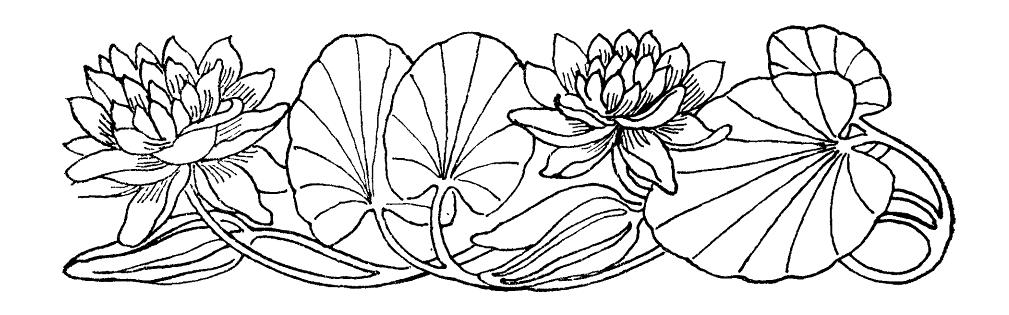
Пер. М. Карель.

Лучшее, есть одно, а болѣе дорогое, иное; оба связываютъ человѣка съ противоположныхъ сторонъ. Хорошо, если человѣкъ выбираетъ лучшее; падаетъ тотъ, кто выбираетъ то, что ему дороже.

(„Упанишады“ *).

*) Упанишады состоятъ изъ нѣсколькихъ частей. Данныя изрѣченія взяты изъ той части, которая называется „Катха Упанишады“.

Древняя мудрость.

А. Безантъ.

(Продолженіе *).

Глава III.

Камалока (Чистилище).

Камалока, въ буквальномъ переводѣ—мѣсто или жилище желаній; оно, какъ уже было упомянуто, представляетъ собою часть астральной сферы, „часть" не въ смыслѣ опредѣленной мѣстности, а по условіямъ сознанія тѣхъ существъ, которыя принадлежатъ къ ней **).

Это умершія человѣческія существа, которыя потеряли свои физическія тѣла и должны пройти черезъ опредѣленные процессы очищенія, прежде чѣмъ перейти въ тѣ счастливыя и мирныя условія жизни, которыя назначены для истинной человѣческой сути, для души человѣческой.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1908 г. № 4, стр. 10.

**) Индусы называютъ это состояніе *Pretaloka*—жилище *Pretas*. *Preta* означаетъ человѣческое существо, которое потеряло свое физическое тѣло, но продолжаетъ быть обременено оболочкой своей животной природы. Человѣкъ не можетъ вознести ее съ собою, и онъ остается связаннымъ съ ней до тѣхъ поръ, пока она не распадется. Подъ душой здѣсь подразумѣвается человѣческій разумъ, связующее звено между Божественнымъ Духомъ въ человѣкѣ и его низшей личной природой. Это и есть *Ego*, индивидуумъ, *Я*, которое развивается благодаря эволюціи. На теософическомъ языкѣ это—*Manas*, мыслитель. Умъ есть его энергія, проявляющаяся въ предѣлахъ физическаго мозга.

Эта область представляетъ собою именно тѣ условія, которыя описываются какъ различные виды „ада“, чистилища и переходнаго состоянія и которыя принимаются всѣми религіями какъ временное мѣстопребываніе человѣка, послѣ того, какъ онъ покинетъ свое тѣло, и прежде, чѣмъ достигнетъ „неба“. Это, конечно, временное состояніе, ибо вѣчный адъ, о которомъ и до сихъ поръ толкуютъ узкіе религіозные фанатики, не болѣе какъ бредъ невѣжества, ненависти и страха. Но Камалока заключаетъ въ себѣ, дѣйствительно, условія страданій, временныхъ и очищающихъ по самой природѣ своей, какъ бы вытравленіе тѣхъ прегрѣшеній, которыя совершались въ земной жизни человѣкомъ, испытывающимъ очистительныя страданія. Это постольку же естественно и неизбѣжно, какъ неизбѣжны и дурныя послѣдствія въ этомъ мірѣ, слѣдующія за дурными поступками, ибо мы живемъ въ мірѣ, управляемомъ незыблемымъ закономъ, и изъ каждаго сѣмени выростаетъ неизбѣжно это, а не другое растеніе. Смерть не измѣняетъ ничего въ нравственной и умственной природѣ человѣка, и перемѣна состоянія, вызванная переходомъ изъ одного міра въ другой, уноситъ его физическое тѣло, но самого человѣка оставляетъ такимъ же, каковъ онъ былъ на землѣ.

Условія Камалоки повторяются въ каждомъ подраздѣленіи астральной сферы, такъ что можно говорить о семи областяхъ Камалоки, называя ихъ: первая, вторая, третья и вплоть до седьмой, начиная съ низшей и считая вверхъ*).

Мы уже видѣли, что матеріалы каждаго изъ подраздѣленій астральной сферы входятъ въ составъ астральнаго тѣла, и особенность этихъ матеріаловъ, которую мы сейчасъ объяснимъ, состоитъ въ томъ, что существа, пребывающія въ одной области, отдѣлены отъ существъ, находящихся въ другой, и только обитатели одной и той же области способны приходить въ общеніе.

Области эти, или подраздѣленія астральной сферы, отличаются одна отъ другой по плотности, и плотность наружной формы обитателя Камалоки опредѣляетъ границу, далѣе которой онъ не можетъ переступить.

Эти различія въ свойствахъ матеріи представляютъ естественныя препятствія для перехода изъ одной области въ другую.

*) Часто эти области считаютъ въ обратномъ порядкѣ: за первую принимается самая высшая, а за седьмую самая низшая. Хотя рѣшительно все равно, какъ ихъ считать; я считаю вверхъ для того, чтобы сохранить соотвѣтствіе со „сферами“ и „началами“ человѣка.

Существа, пребывающія въ одной области, не могутъ приходить въ соприкосновеніе съ существами изъ другой области такъ же, какъ рыба изъ морской глубины не могла бы войти въ общеніе съ орломъ, ибо среда, необходимая для жизни первой, на орла подѣйствовала бы разрушительнымъ образомъ.

Когда физическое тѣло сражено смертью, эфирное тѣло, унося съ собой „прану" *) и остальныя начала человѣка, выдѣляется изъ плотнаго тѣла. Всѣ покидающія тѣло жизненныя энергіи втягиваются въ одинъ центръ и собираются „праной", и ихъ выдѣленіе изъ тѣла выражается оцѣпенѣніемъ, которое овладѣваетъ физическими органами чувствъ; послѣдніе остаются неприкосновенными, физически невредимыми, готовыми дѣйствовать, какъ они всегда дѣйствовали, но „внутренній повелитель" ушелъ, тотъ, который черезъ нихъ видѣлъ, слышалъ, обонялъ, вкушалъ, осязалъ, а безъ него, сами по себѣ, они не болѣе какъ агрегаты матеріи, не лишенные жизни, но неспособные къ воспріятію. Медленно „повелитель" тѣла удаляется изъ него, облеченный въ сѣро-лиловое эфирное тѣло и занятый созерцаніемъ панорамы всей своей жизни, которая въ смертный часъ развертывается передъ нимъ во всѣхъ пережитыхъ подробностяхъ. Въ этой картинѣ жизни запечатлѣны всѣ событія его земного существованія, и великія и малыя. Онъ видитъ все, чего домогался въ жизни: и свои обманутыя ожиданія, и усилія свои, и торжества, и неудачи, и свои привязанности и антипатіи; преобладающій смыслъ *всей* жизни выступаетъ опредѣленно, ея руководящая мысль выясняется и запечатлѣвается глубоко въ душѣ, опредѣляя ту область, гдѣ будетъ протекать бóльшая часть загробной жизни умершаго. Торжественна бываетъ та минута, когда человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу съ своей жизнью и изъ устъ своего прошлаго слышитъ предувѣдомленіе относительно своего будущаго. На короткое мгновеніе онъ видитъ себя таковымъ, какъ онъ есть, узнаетъ истинную цѣль жизни и убѣждается, что законъ непреодолимъ, справедливъ и благъ. Вслѣдъ за тѣмъ магнетическая связь между плотнымъ и эфирнымъ тѣломъ прерывается, товарищи земной жизни разъединяются и, кромѣ исключительныхъ случаевъ, человѣкъ погружается въ мирное безсознательное состояніе.

Тихо и благоговѣйно должны держать себя всѣ, кто собрались вокругъ умирающаго, и торжественное молчаніе не должно

---

*) Организующее связывающее жизненное начало внутри физическаго тѣла.

нарушаться, чтобы не отвлекать отходящаго отъ обзора проносящейся передъ его внутреннимъ взоромъ истекшей жизни.

Громкій плачъ и шумная жалоба могутъ потревожить умирающаго и нарушить сосредоточенное вниманіе его души, и потому врываться со своимъ личнымъ огорченіемъ въ тишину, которая помогаетъ и успокаиваетъ отходящаго, и грубо, и эгоистично. Религія обнаружила мудрую предусмотрительность, предписавъ читать отходныя молитвы надъ умирающими; благодаря такимъ молитвамъ, сохраняется тишина и въ окружающихъ вызывается стремленіе помочь отходящему, что, какъ и всякая мысль любви, защищаетъ и ограждаетъ того, къ кому она направлена.

Черезъ нѣкоторое время послѣ смерти, обыкновенно по истеченіи тридцати шести часовъ, человѣкъ выходитъ изъ своего эфирнаго тѣла, покидая и его, въ свою очередь, какъ безчувственный трупъ, который, оставаясь вблизи своего плотнаго двойника, раздѣляетъ его участь. Если физическое тѣло опускается въ могилу, эфирный двойникъ витаетъ надъ ней, медленно распадаясь на составныя части, и то непріятное чувство, которое многіе испытываютъ на кладбищахъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ присутствія этихъ разлагающихся эфирныхъ труповъ.

Но если тѣло сжигается, его эфирный двойникъ распадается очень быстро благодаря тому, что теряетъ свой физическій центръ притяженія, и это одна изъ многихъ причинъ, почему сжиганіе труповъ предпочтительнѣе погребенія.

Удаленіе человѣка изъ эфирнаго двойника сопровождается исхожденіемъ изъ него „праны", которая тутъ же возвращается въ великій резервуаръ космической жизни, тогда какъ человѣкъ, готовый уже перейти въ Камалоку, претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія въ своемъ астральномъ тѣлѣ, которое должно приспособиться къ очистительному процессу, необходимому для освобожденія самого человѣка*). Во время земной жизни человѣка различнаго рода астральныя матеріи проникаютъ въ составъ его астральнаго тѣла такъ же, какъ частицы твердыя, жидкія, газообразныя и эфирныя проникаютъ въ физическое тѣло. Измѣненія, происходящія послѣ смерти въ астральномъ тѣлѣ, и состоятъ въ раздѣленіи этихъ матеріаловъ, сообразно ихъ относительной плотности, въ цѣлый рядъ концентрическихъ оболочекъ

*) Результатомъ этихъ перемѣнъ является то, что носитъ названіе *Vâtanâ* или страждущее тѣло; въ случаѣ же, если умершій былъ очень дурной человѣкъ и въ его астральномъ тѣлѣ преобладала самая грубая матерія, тѣло это называется *Dhruvam* или крѣпкое тѣло.

или „скорлупъ“, при чемъ самая тонкая располагается внутри, а самая плотная снаружи, и каждая „скорлупа“ образуется изъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ соотвѣтствующаго подраздѣленія астральной сферы. Такимъ образомъ, астральное тѣло становится сочетаніемъ изъ семи наложенныхъ одинъ на другой слоевъ, или семисоставнымъ покровомъ изъ астральной матеріи, въ которомъ человѣкъ остается заключеннымъ до тѣхъ поръ, пока распаденіе этого сложнаго покрова не освободитъ его. Теперь становится понятнымъ, какое огромное значеніе имѣетъ очищеніе астральнаго тѣла во время земной жизни. Человѣкъ задерживается въ каждомъ подраздѣленіи чистилища до тѣхъ поръ, пока оболочка изъ матеріи, соотвѣтствующей проходимой области, не распадется настолько, чтобы человѣкъ могъ свободно подвигаться дальше. Болѣе того, сила, съ которой его сознательность дѣйствовала въ каждомъ изъ видовъ астральной матеріи, дѣлящейся, какъ было упомянуто, по своимъ свойствамъ на семь отдѣловъ, рѣшаетъ, пройдетъ ли онъ черезъ данную область въ сознательномъ состояніи или же въ безсознательномъ, погруженный въ „розовыя сновидѣнія“ и задержанный тамъ ровно настолько, сколько потребуется времени для чисто механическаго процесса разложенія его наружной оболочки.

Духовно развитой человѣкъ, очистившій свое астральное тѣло настолько, что въ его составныя части входятъ только наиболѣе тонкія частицы изъ всѣхъ подраздѣленій астральной матеріи, проходитъ черезъ чистилище безъ всякаго замедленія, причемъ астральное тѣло его разрушается съ чрезвычайной быстротой, и онъ безпрепятственно направится къ предѣлу, до котораго его можетъ допустить достигнутая имъ ступень эволюціи.

Менѣе развитой человѣкъ, но жизнь котораго была чиста и воздержана, который не отдавалъ души своей за земныя блага, пронесется менѣе быстро черезъ чистилище, но тоже въ мирной дремотѣ, не сознавая окружающаго, пока его ментальное тѣло будетъ постепенно освобождаться отъ астральныхъ оболочекъ, сбрасывая ихъ одну за другой, чтобы проснуться лишь послѣ достиженія небесной обители.

Люди, еще менѣе развитые, пробудятся послѣ прохожденія низшихъ областей, вернутся къ сознанію въ той области чистилища, съ которой была связана работа ихъ сознанія въ теченіе земной жизни, ибо сознаніе пробуждается лишь тогда, когда до него достигнутъ привычныя вибраціи, хотя теперь онѣ воспринимаются уже непосредственно, черезъ астральное тѣло, безъ по-

мощи физическаго. Что касается людей, которые жили, отдаваясь животнымъ страстямъ, они пробудятся въ подходящей для нихъ области, ибо каждый человѣкъ направляется въ буквальномъ смыслѣ „къ своему собственному мѣсту“.

Посмертныя переживанія людей, выхваченныхъ внезапно изъ физической среды, благодаря несчастному случаю, самоубійству, насильственной смерти или иного рода внезапной кончинѣ, отличаются отъ переживаній умершихъ вслѣдствіе упадка жизненной энергіи, вызванной болѣзнью или старостью.

Если они были чисты и духовно настроены, ихъ послѣ смерти усердно охраняютъ, и они спятъ счастливымъ сномъ до окончанія ихъ срока жизни. Но въ другихъ случаяхъ, самоубійцы или безвременно убитые сохраняютъ сознаніе и продолжаютъ въ теченіи нѣкотораго времени переживать послѣднюю сцену своей земной жизни, не замѣчая, что они уже потеряли свое физическое тѣло и находятся въ той области астральной сферы, къ которой принадлежатъ по составу наружнаго слоя своего астральнаго тѣла; въ этихъ случаяхъ нормальный очистительный періодъ начинается по истеченіи естественнаго срока ихъ земной жизни, а до тѣхъ поръ они живо сознаютъ какъ свою астральную, такъ и свою физическую среду.

Одинъ человѣкъ, совершившій убійство и казненный за это*), переживалъ въ чистилищѣ снова и снова сцены совершеннаго убійства и дальнѣйшій ужасъ своего ареста и казни. У самоубійцы будутъ автоматически повторяться чувства отчаянія и страха, которыя предшествовали его самоубійству, и онъ будетъ переживать свою предсмертную борьбу съ страшной настойчивостью. Одна женщина, погибшая среди пламени въ настроеніи дикаго ужаса, въ неистовыхъ попыткахъ спастись, создала вокругъ себя такой вихрь страстей, что пять дней спустя она все еще продолжала метаться въ отчаяніи, воображая себя все еще среди огня и дико отталкивая всѣхъ старавшихся успокоить ее, между тѣмъ какъ другая женщина, погибшая съ ребенкомъ на груди въ морской пучинѣ во время ужаснаго шторма и сохранившая мужество и сердце полное любви, погрузилась послѣ физической смерти въ мирный сонъ, наполненный счастливыми и яркими видѣніями любимыхъ мужа и дѣтей.

Въ болѣе обыкновенныхъ посмертныхъ переживаніяхъ, смерть отъ несчастнаго случая все же приноситъ человѣку вредъ и бы-

*) Свѣдѣніе это дано однимъ изъ Учителей Востока.

ваетъ вызвана какимъ либо серьезнымъ его проступкомъ *), ибо сохраненіе полнаго сознанія въ низшихъ областяхъ чистилища, тѣсно соприкасающихся съ землей, связано со многими тревогами и опасностями. Человѣкъ еще полонъ всѣми интересами и планами, которые наполняли его во время жизни, и онъ сознаетъ присутствіе людей и вещей, которые связаны съ нимъ; его почти неудержимо толкаетъ попробовать повліять на дѣла, къ которымъ все еще тяготѣютъ его страсти и чувствованія, и онъ испытываетъ сильное влеченіе къ землѣ, хотя и не имѣетъ болѣе физическихъ органовъ дѣятельности. Единственное средство, въ такомъ случаѣ, чтобы обрѣсти покой, состоитъ въ томъ, чтобы рѣшительно отвернуться отъ всего земного и обратить свое сознаніе на высшее; но сравнительно немногіе способны сдѣлать такое усиліе, даже и съ помощью тѣхъ, которые всегда готовы поддержать страдающихъ въ астральной сферѣ, обязанность которыхъ и состоитъ въ поданіи помощи покинувшимъ земной міръ **).

Нерѣдко такіе страдальцы, истомленные своимъ безпомощнымъ бездѣйствіемъ, ищутъ поддержки у медіумичныхъ субъектовъ, съ которыми они могутъ вступать въ сношенія и черезъ нихъ снова вмѣшиваться въ земныя дѣла; нерѣдко они овладѣваютъ подходящими медіумами, чтобы пользоваться ихъ тѣлами, чѣмъ и навлекаютъ на себя большую отвѣтственность въ будущемъ. Не безъ оккультныхъ основаній англійскіе священники включили въ свои молитвы.

„Отъ войны, убійства и *отъ внезапной смерти* избави насъ, Господи!“

Теперь мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію—одного за другимъ—различныхъ подраздѣленій чистилища, чтобы получить нѣкоторое понятіе о тѣхъ условіяхъ, которыя человѣкъ, благодаря своимъ наклонностямъ и желаніямъ въ теченіе физической жизни, приготовилъ для своего переходнаго состоянія; при этомъ необходимо помнить, что степень жизненной энергіи въ любой изъ астральныхъ „скорлупъ“, а слѣдовательно и срокъ заключенія человѣка внутри нея, зависятъ отъ степени энергіи, съ которой въ теченіе земной жизни вибрировалъ въ немъ тотъ видъ астральной матеріи, изъ котораго скорлупа эта состоитъ.

---

*) Не всегда проступокъ этотъ совершенъ именно въ *этой* жизни; законъ причинъ и послѣдствій будетъ объясненъ въ гл. IX, гдѣ пойдетъ рѣчь о „Кармѣ“.

**) Эти помощники суть ученики Великихъ Учителей, которые руководятъ человѣчествомъ, помогаютъ ему, и ихъ дѣло въ астральномъ мірѣ состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать души, нуждающіяся въ помощи.

Если низшія страсти были въ энергичной дѣятельности, самыя грубыя частицы астральной матеріи будутъ заряжены жизненной силой, и самое количество ихъ будетъ—сравнительно—велико. Этотъ законъ дѣйствуетъ во всѣхъ областяхъ чистилища, и потому человѣкъ еще при жизни можетъ совершенно опредѣленно знать, *какое* будущее готовитъ онъ себѣ непосредственно послѣ смерти.

Первое или низшее подраздѣленіе чистилища заключаетъ въ себѣ условія, описанныя во многихъ индусскихъ и буддійскихъ писаніяхъ подъ названіемъ „адовъ" различнаго рода.

Нужно помнить, что человѣкъ, переходящій въ одно изъ такихъ состояній, не освобождается отъ страстей и дурныхъ желаній, которыя привлекли его сюда; они сохраняются—какъ часть его характера—въ скрытомъ видѣ въ его душѣ, оставаясь въ состояніи прозябанія до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время для нихъ снова проявиться; время это настанетъ тогда, когда начнетъ формироваться новое „тѣло желаній" для послѣдующаго воплощенія того же человѣка въ физическомъ мірѣ *).

Пребываніе человѣка въ самой низшей области чистилища зависитъ отъ присутствія въ его „тѣлѣ желаній" (Kâma-Rupa) матеріи, принадлежащей этой области, и онъ останется въ ней узникомъ, пока бо́льшая часть этой матеріи—„скорлупа" не разложится настолько, чтобы допустить соприкосновеніе человѣка съ слѣдующей высшей областью.

Атмосфера этого мѣста мрачна, тяжела, печальна и подавляюща въ необычайной степени. Оно кажется наполненнымъ испареніями всевозможныхъ злыхъ проявленій, враждебныхъ добру, и такъ оно въ дѣйствительности и есть. Создаются эти тяжелыя вибраціи людьми, которыхъ притянули въ это мрачное мѣсто ихъ злыя страсти. Всѣ желанія и чувства, которыя способны вызвать содраганіе, находятъ здѣсь матеріалы для своего выраженія. Это на самомъ дѣлѣ самая мрачная трущоба со всѣми ея ужасами, скрытая отъ физическаго зрѣнія и выставленная здѣсь на показъ во всей своей обнаженной мерзости. Ея отталкивающій видъ усугубляется еще и тѣмъ, что въ астральномъ мірѣ характеръ выражается и внѣшнимъ образомъ, и человѣкъ, полный дурныхъ страстей, олицетворяетъ ихъ всею своей наружной формой. Звѣрскіе аппетиты формуютъ астральное тѣло въ звѣриные облики, и отталкивающія человѣко-животныя формы предста-

---

*) См. гл. VII „О перевоплощеніи".

вляютъ собою подходящія оболочки для огрубѣвшихъ человѣческихъ душъ. Въ астральномъ мірѣ нельзя быть лицемѣромъ и облекать грязныя мысли покровомъ кажущейся добродѣтели. Каковъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ, такимъ онъ является и во внѣшнемъ своемъ обликѣ, или сіяя красотой, если душа его благородна, или же отталкивая своимъ безобразіемъ, если природа его была нечистая. Вотъ почему становится понятнымъ, почему такіе учителя какъ Будда, внутреннему зрѣнію котораго весь міръ былъ открытъ,—могли описывать такими яркими красками всѣ ужасающіе призраки и картины, которыми кишитъ подобный адъ; современные люди относятся съ недовѣріемъ къ подобнымъ изображеніямъ только потому, что не знаютъ, до какой степени, послѣ освобожденія изъ тяжелой, лишенной пластичности физической матеріи, всѣ души являются въ своемъ истинномъ подобіи, въ незамаскированномъ подлинномъ видѣ. Если даже и въ этомъ мірѣ лицо развращеннаго и спившагося негодяя принимаетъ самое отталкивающее выраженіе,—тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ пластичная астральная матерія принимаетъ опредѣленную форму при малѣйшемъ движеніи преступныхъ желаній—человѣкъ неизбѣжно появится въ ужасающей формѣ, мѣняющейся въ самые разнообразные оттѣнки уродливости. Ибо не слѣдуетъ забывать, что населеніе,—если можно такъ выразиться,—этой низшей области, состоитъ изъ самыхъ подонковъ человѣчества, изъ убійцъ, разбойниковъ, жестокихъ преступниковъ всякихъ типовъ, пьяницъ, развратниковъ, отбросовъ человѣчества. Здѣсь нѣтъ никого съ пробужденнымъ сознаніемъ относительно окружающей среды, кромѣ виновныхъ въ звѣрскихъ преступленіямъ или предумышленной упорной жестокости, или же одержимыхъ какимъ либо гадкимъ вожделѣніемъ. Единственныя личности, не принадлежащія къ этому низкому типу, которыя могутъ на время быть задержаны здѣсь, это—самоубійцы, люди, пытавшіеся, посредствомъ самоубійства, избѣгнуть земной кары за совершенныя ими преступленія, которые такой замѣной лишь ухудшили свое положеніе. Но не всѣ самоубійцы попадаютъ сюда, потому что самоубійства совершаются подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ мотивовъ, и здѣсь задерживаются лишь тѣ, которые кончаютъ съ собою, чтобы избавиться отъ послѣдствій совершеннаго преступленія. Въ этой мрачной области каждый человѣкъ является непосредственнымъ создателемъ своихъ собственныхъ бѣдствій. Ни въ чемъ неизмѣнившіеся кромѣ потери физическаго тѣла, люди здѣсь выставляютъ на показъ свои страсти, во всей ихъ наготѣ; и полные лю-

тыхъ неудовлетворенныхъ стремленій, кипящіе местью и ненавистью, жаждущіе физическихъ удовлетвореній, которыми, потерявъ физическое тѣло, они уже не могутъ наслаждаться, они рыщутъ разъяренные и алчные по этой мрачной области, толпясь вокругъ всѣхъ грязныхъ притоновъ на землѣ, вокругъ публичныхъ домовъ и кабаковъ, подстрекая ихъ завсегдатаевъ къ постыднымъ дѣламъ и къ насиліямъ, и вселяясь въ нихъ, дабы вовлечь ихъ во всевозможныя излишества. Тошнотворная атмосфера, распространяющаяся вокругъ такихъ мѣстъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ этихъ привязанныхъ къ землѣ астральныхъ существъ, испаряющихъ гнусныя страсти и нечистыя желанія. Медіумы, за исключеніемъ очень чистыхъ и благородныхъ характеровъ, являются чаще всего объектами ихъ нападеній, и слишкомъ часто слабѣйшіе изъ нихъ, обезсиленные еще болѣе пассивнымъ предоставленіемъ своего тѣла для временнаго пребыванія другихъ развоплощенныхъ душъ, бываютъ одержимы этими существами, послѣдствіемъ чего является невоздержаніе и безуміе. Казненные убійцы, бѣснуясь отъ ужаса и отъ страшной жажды мести, переживая снова и снова, какъ мы уже сказали, свое преступленіе и всѣ ужасныя послѣдствія его, окружаютъ себя атмосферой устрашающихъ мысле-образовъ и, привлекаемые къ человѣку, вынашивающему внутри себя мстительныя, злыя намѣренія, они подталкиваютъ его къ дѣйствительному выполненію того, надъ чѣмъ онъ внутренно сосредоточивается. Иногда такъ можно видѣть человѣка, неустанно преслѣдуемаго своей убитой жертвой, не могущаго избавиться отъ нея, не смотря на всѣ усилія убѣжать отъ страшнаго преслѣдователя, съ упорной настойчивостью всюду настигающаго его. Убитый, если только онъ самъ не изъ самыхъ низкихъ человѣческихъ типовъ, находится при этомъ въ состояніи безсознательности, и именно эта безсознательность и придаетъ особый ужасъ его чисто механическому слѣдованію за убійцей.

Здѣсь же находится и „адъ“ вивисектора, потому что жестокость притягиваетъ въ астральное тѣло человѣка наиболѣе грубые матеріалы и дурные составы астральной матеріи, и вивисекторъ живетъ здѣсь среди толпящихся вокругъ него образовъ его многочисленныхъ жертвъ, стонущихъ, дрожащихъ, воющихъ отъ боли. Они оживлены, но не животной душой, а тѣми вибраціями страстей, которыя, чѣмъ они были сильнѣе, тѣмъ дольше продолжаютъ жить послѣ физической смерти въ астральномъ тѣлѣ животнаго; эти вибраціи, пульсирующія ненавистью къ

своему истязателю, повторяютъ съ автоматической правильностью его самые мучительные опыты, властно толкая къ самоистязанію благодаря силѣ послѣднихъ переживаній, которыми закончилась земная жизнь замученнаго существа.

Не мѣшаетъ напомнить еще разъ, прежде чѣмъ мы покинемъ эту печальную область, что здѣсь нѣтъ произвольнаго наказанія, назначеннаго извнѣ, но лишь неизбѣжныя осуществленія причинъ, созданныхъ человѣкомъ во время его земной жизни. Если онъ на землѣ поддавался наиболѣе дурнымъ побужденіямъ, и, слѣдовательно, притягивалъ къ себѣ и вносилъ въ свое астральное тѣло грубые матеріалы, которые одни только и въ состояніи вибрировать въ отвѣтъ на скверныя побужденія,—онъ тѣмъ самымъ неизбѣжно создавалъ тюрьму для своей души, и тюрьма эта должна быть разрушена, чтобы могла освободиться его душа. Такъ же неизбѣжно, какъ пьяница долженъ жить въ своемъ отталкивающемъ и отравленномъ тѣлѣ здѣсь на землѣ, такъ же долженъ онъ жить въ своемъ не менѣе отталкивающемъ астральномъ тѣлѣ и тамъ. Что посѣешь, то и пожнешь. Таковъ законъ во всѣхъ мірахъ и избѣжать его нельзя. Слѣдуетъ еще прибавить, что астральное тѣло тамъ нисколько не хуже, чѣмъ оно было при жизни человѣка на землѣ, когда онъ создавалъ вокругъ себя атмосферу, насыщенную его дурными астральными токами (излученьями); люди только не замѣчаютъ этого безобразія, такъ какъ на землѣ они астрально слѣпы. Кромѣ того, мы можемъ утѣшиться при мысли объ этихъ несчастныхъ нашихъ братьяхъ и тѣмъ, что страданія ихъ лишь временны, и представляютъ необходимый урокъ для ихъ души. Сильно нарушая законы природы, они съ такою же силой научаются познавать эти законы и неизбѣжность тѣхъ бѣдствій, которыя происходятъ отъ пренебреженія къ нимъ. Урокъ, который они не хотѣли выучить въ теченіе земной жизни, захваченные водоворотомъ своихъ собственныхъ похотей и желаній, дается имъ здѣсь, и будетъ даваться въ послѣдующихъ жизняхъ до тѣхъ поръ, пока зло не будетъ вырвано съ корнемъ, и человѣкъ не поднимется для лучшей жизни. Уроки природы строги, но въ концѣ концовъ они же и милосердны, потому что ведутъ къ эволюціи души и направляютъ ее къ достиженію безсмертія.

Перейдемъ теперь въ болѣе отрадную область. Второе подраздѣленіе астральнаго міра можетъ быть названо астральнымъ двойникомъ физическаго міра, потому что астральныя тѣла всѣхъ вещей и многихъ людей состоятъ главнымъ образомъ изъ матеріи,

принадлежащей именно *этому* отдѣлу астральной сферы, почему онъ и соприкасается болѣе близко съ физической сферой, чѣмъ всѣ остальныя области астральной сферы. Большинство умирающихъ людей задерживаются на нѣкоторое время здѣсь, сохраняя, за нѣкоторыми исключеніями, полное сознаніе. Это все люди, интересы которыхъ были связаны съ тривіальными и мелочными объектами жизни, которые душу свою положили на мелочи, а также и тѣ, которые были въ рабствѣ у своей низшей природы и умерли, не угасивъ своихъ стремленій къ физическимъ наслажденіямъ. Широко пользовавшіеся жизнью въ этомъ смыслѣ и построившіе свои астральныя тѣла изъ матеріаловъ, легко отвѣчающихъ на различныя чувственныя раздраженія, они удерживаются этими тѣлами въ сосѣдствѣ съ тѣмъ, что ихъ привлекало во время физической жизни. Они и не удовлетворены, и тревожны, и исполнены болѣе или менѣе сильнымъ страданіемъ, въ зависимости отъ силы желаній, которыя они не въ состояніи удовлетворить, а нѣкоторымъ даже приходится проходить черезъ очень сильныя страданія и долго задерживаться на мѣстѣ, пока ихъ земныя вожделѣнія не истощатся. Многіе значительно удлиняютъ свое пребываніе въ астральномъ мірѣ, стремясь войти въ сообщеніе съ землей, въ интересы которой они погружены, посредствомъ медіумовъ, которые отдаютъ въ ихъ распоряженіе свои физическія тѣла. Отъ нихъ-то—по большей части—и исходитъ тотъ дѣтскій лепетъ, съ которымъ хорошо знакомъ каждый, бывавшій на публичныхъ спиритическихъ сеансахъ, женскія сплетни и ходячая мораль, процвѣтающая на постоялыхъ дворахъ и въ мелкихъ лавочкахъ. И такъ какъ эти привязанныя къ землѣ души большею частью очень невысокаго развитія, ихъ сообщенія представляютъ не больше интереса (для того, кто убѣжденъ въ существованіи души послѣ смерти), чѣмъ ихъ разговоры во время тѣлеснаго ихъ существованія, и совершенно такъ же, какъ и на землѣ, самоувѣренность ихъ пропорціональна ихъ невѣжеству, и весьма ограниченный кругъ своего опыта они принимаютъ за весь астральный міръ. И тамъ, какъ здѣсь, на землѣ:

„Они мнятъ, что галдѣнье ихъ захолустнаго городка является говоромъ всего міра“.

Именно изъ этой области умершіе съ какой-либо заботой на душѣ стремятся войти въ сношенія со своими друзьями, чтобы устроить тѣ земныя дѣла, которыя продолжаютъ тревожить ихъ. Если имъ не удается появиться самимъ, или же передать другу

свои желанія въ сновидѣніи, они часто доставляютъ много безпокойствъ стуками и иными шумами, имѣющими цѣлью привлечь на себя вниманіе, или же ненамѣренно вызванными ихъ тревожными усиліями войти въ сношенія съ людьми. Въ такихъ случаяхъ было бы дѣломъ милосердія со стороны знающихъ людей войти въ сообщеніе съ такой страдающей душой, узнать ея желанія и тѣмъ избавить ее отъ тревоги, задерживающей ея движеніе впередъ. Пока души находятся въ этой области, вниманіе ихъ очень легко привлекается къ землѣ, хотя бы они и не желали возвращаться назадъ, и такая плохая услуга оказывается имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оставшіеся на землѣ друзья посылаютъ имъ порывы страстнаго горя и пламенные призывы, чтобы вернуть ихъ назадъ. Мысле-образы, созданные этой тоской, носятся вокругъ освободившихся душъ, бьются объ нихъ и часто пробуждаютъ тѣхъ, которыя мирно спали, или же стремительно влекутъ ихъ мысли къ землѣ, если уже начались ихъ сознательныя посмертныя переживанія. Въ особенности въ первомъ случаѣ, когда душа мирно спитъ, невоздержанный эгоизмъ со стороны оставшихся на землѣ приноситъ усопшимъ такой сильный вредъ, что невоздержанные друзья первые пожалѣли бы, если бы узнали о томъ. И возможно, что ознакомленіе съ безполезнымъ страданіемъ, которое причиняется такимъ образомъ умершимъ, могло бы придать новую силу религіознымъ ученіямъ, которыя требуютъ подчиненія божественному закону и подавленія чрезмѣрнаго и мятежнаго горя. Третья и четвертая область чистилища отличаются лишь немногимъ отъ второй области и могутъ быть названы болѣе утонченной копіей ея, при чемъ четвертая область болѣе эфирна, чѣмъ третья, но общія характерныя черты всѣхъ трехъ подраздѣленій чрезвычайно схожи между собой. Души болѣе развитого типа находятся также здѣсь, и хотя онѣ и удерживаются въ чистилищѣ благодаря границамъ, построеннымъ ихъ земными интересами, все же вниманіе ихъ обращено—по большей части—впередъ, а не назадъ, и, если ихъ насильственно не притягивать къ земнымъ переживаніямъ, они не замедлятъ въ своемъ движеніи впередъ. Временно онѣ все же остаются чувствительными къ идущимъ отъ земли вибраціямъ, и слабѣющій интересъ къ земнымъ дѣламъ можетъ быть вновь пробужденъ несущимися къ нимъ криками. Большое число образованныхъ и мыслящихъ людей, занятыхъ въ теченіе земной жизни преимущественно мірскими дѣлами, остаются въ этихъ областяхъ въ полномъ сознаніи, и они могутъ быть вовлечены въ общеніе съ землей черезъ медіумовъ, а также и сами

искать такого общенія, хотя послѣднее бываетъ гораздо рѣже. Сообщенія ихъ носятъ болѣе высокій характеръ, чѣмъ упомянутыя сообщенія, идущія изъ второй области чистилища, но и они не отличаются особыми признаками, которые дѣлали бы ихъ болѣе цѣнными, чѣмъ то, что говорится людьми еще при жизни. Духовное просвѣтленіе не можетъ исходить изъ чистилища (Камалока). Пятое его подраздѣленіе представляетъ уже много новыхъ чертъ. Оно является уже явственно свѣтящимся и чрезвычайно привлекательнымъ для привыкшихъ къ темнымъ земнымъ оттѣнкамъ, оправдывая названіе астральнаго, звѣзднаго, даннаго всей этой сферѣ. Здѣсь находится матеріализованное небо, которое играетъ такую большую роль въ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ всего міра. Просторные луга для охоты краснокожихъ индѣйцевъ, Валгала сѣверныхъ народовъ, наполненный гуріями рай мусульманъ, золотовратый, украшенный жемчугомъ, новый Іерусалимъ христіанъ, богатое научными учрежденіями небо матеріалистическаго реформатора—все находитъ здѣсь свое мѣсто. Мужчины и женщины, крѣпко придерживавшіеся мертвой буквы, находятъ здѣсь буквальное удовлетвореніе своимъ стремленіямъ, безсознательно создавая въ астральной матеріи силою воображенія—питавшагося обрядовой стороной міровыхъ религій—тѣ заоблачные храмы и дворцы, о которыхъ они грезили на землѣ. Самыя матеріальныя религіозныя представленія находятъ здѣсь временное осуществленіе, и книжники всѣхъ вѣрованій, которые были полны эгоистическаго стремленія къ личному спасенію въ матеріализованныхъ небесахъ, находятъ здѣсь подходящую и для нихъ весьма пріятную обитель, окруженную какъ разъ тѣми условіями, которыя составляли предметъ ихъ вѣрованій. Дѣятельныя души изъ числа церковниковъ и филантроповъ, которыя стремились осуществлять свои собственныя фантазіи и вести ближнихъ своими собственными путями, гораздо болѣе, чѣмъ самоотверженно, работать для увеличенія общаго блага, чувствуютъ себя здѣсь на полномъ раздольѣ, устраивая разныя просвѣтительныя учрежденія, пріюты, школы, для своего собственнаго удовлетворенія, и онѣ бываютъ въ восхищеніи, если имъ удается „ввести свой астральный палецъ въ земной пирогъ", съ помощью услужливаго медіума, которому они покровительствуютъ съ высокомѣрной снисходительностью. Они строятъ астральные церкви, школы и дома, наполняя ими матеріалистическія небеса, о которыхъ они мечтали; и хотя для болѣе тонкаго созерцателя ихъ построенія весьма несовершенны, ихъ они вполнѣ удовлетворяютъ. Люди одной и той

же паствы соединяются вмѣстѣ и сотрудничаютъ различнымъ образомъ; образуются цѣлыя общины, отличающіяся настолько же одна отъ другой, какъ и на землѣ. Въ случаяхъ, когда завязываются сношенія съ землей, они ищутъ людей своей собственной вѣры и своей страны, отчасти по естественному сродству, но также и потому, что въ Камалокѣ все еще существуютъ различія языковъ, что отражается и въ сообщеніяхъ, получаемыхъ въ спиритуалистическихъ кружкахъ. Души изъ этой области принимаютъ обыкновенно живѣйшее участіе въ попыткахъ установить сообщеніе между земнымъ міромъ и потустороннимъ, и „духи-руководители“ медіумовъ средняго развитія являются большею частью именно изъ этой области и изъ непосредственно слѣдующей за ней. Обыкновенно они сознаютъ, что впереди для нихъ предстоитъ болѣе высокая жизнь, и что рано или поздно они перейдутъ въ міры, откуда сообщенія съ землей станутъ невозможны. Шестая область чистилища (камалока) сходна съ пятой, но она несравненно утонченнѣе, и населяютъ ее души высшаго типа, изживающія тамъ свои астральныя оболочки, съ которыми большая доля ихъ умственной энергіи была тѣсно соединена, пока они были въ физическомъ тѣлѣ. Задержаніе ихъ въ этой области происходитъ благодаря себялюбію, игравшему значительную роль въ ихъ артистической или интеллектуальной дѣятельности, и благодаря тому, что они продавали свои таланты для удовлетворенія, въ утонченной формѣ, своихъ желаній. Окружающая ихъ среда наиболѣе красивая изъ всего чистилища; творческія мысли формуютъ изъ свѣтящагося матеріала этой области чудные пейзажи, волнующіеся океаны, снѣгомъ увѣнчанныя горы и плодородныя долины, цѣлыя сцены такой волшебной красоты, съ которой не сравнится никакая земная красота. И узко вѣрующіе также находятся здѣсь, изъ числа болѣе подвинувшихся, чѣмъ обитатели предшествующей области. Яснѣе сознавая свою собственную ограниченность, они правильнѣе смотрятъ впередъ, на свой переходъ въ болѣе высокое состояніе. Седьмое высшее подраздѣленіе чистилища (камалока) населено почти сплошь умственно развитыми мужчинами и женщинами, которые, или были яркими матеріалистами на землѣ, или же такъ тѣсно связали свое сознаніе съ путями, на которыхъ знанія достигаются однимъ низшимъ разумомъ, что продолжаютъ свои изысканія по прежнимъ линіямъ, хотя и съ расширенной способностью воспріятія. Припомнимъ—какъ примѣръ—неудовольствіе, выраженное Чарльзомъ Ламбъ при мысли, что на небесахъ знанія могутъ пріобрѣтаться „какимъ-то неуклюжимъ процессомъ инту-

иціи“ вмѣсто изученія его излюбленныхъ книгъ. Многіе ученые живутъ цѣлыми годами, иногда даже столѣтіями, по словамъ Е. П. Блавацкой, въ буквальномъ смыслѣ среди астральной библіотеки, изучая прилежно всѣ книги, касающіяся ихъ любимаго предмета, и совершенно довольные своей судьбой. Люди, которые горячо отдавались интеллектуальнымъ изслѣдованіямъ по опредѣленнымъ научнымъ линіямъ и которымъ пришлось покинуть свое физическое тѣло съ неудовлетворенной жаждой знанія, продолжаютъ свои изслѣдованія съ неутомимой настойчивостью, скованные своей тягой къ физическимъ способамъ познаванія. Нерѣдко такіе люди сохраняютъ свой скептицизмъ относительно высшихъ возможностей, находяшихся передъ ними, и отступаютъ передъ перспективой того, что можно назвать второй смерью, т. е. передъ безсознательнымъ состояніемъ, въ которое душа впадаетъ до времени, когда она рождается для высшей жизни на небесахъ. Политическіе дѣятели, государственные люди, люди науки временно пребываютъ въ этой области, медленно освобождаясь отъ астральнаго тѣла, все еще привязанные къ земной жизни своимъ острымъ и живымъ интересомъ къ земнымъ перипетіямъ, въ которыхъ они играли столь видную роль; они дѣлаютъ усилія, чтобы достигнуть и въ астральномъ мірѣ торжества тѣхъ плановъ, отъ которыхъ ихъ оторвала смерть ранѣе, чѣмъ они достигли своей цѣли. Но для всѣхъ, рано или поздно, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые въ теченіе всей своей земной жизни никогда не испытали даже мимолетнаго чувства безкорыстной любви, или проблеска духовнаго стремленія и не признавали чего либо или кого либо выше себя, для всѣхъ приходитъ время, когда связь съ астральнымъ тѣломъ окончательно порывается, и душа погружается въ короткую безсознательность относительно всего окружающаго, подобную той, которая наступаетъ послѣ сбрасыванія физическаго тѣла; а затѣмъ, душа пробуждается отъ ощущенія блаженства, яркаго, безграничнаго, неизмѣримаго, невообразимаго для земного сознанія, блаженства небеснаго міра, къ которому по своей истинной сути принадлежитъ человѣческая душа. Низменны и корыстны могли быть ея страсти, тривіальны и нечисты многія изъ ея стремленій, но въ ней были вспышки высшей природы, прорывались лучи свѣта изъ высшихъ міровъ, и для этихъ проблесковъ божественной природы наступаетъ жатва; и какъ бы ничтожны и немногочисленны они ни были, и для нихъ должно наступить соотвѣтствующее воздаяніе. Такъ переходитъ человѣкъ къ собиранію на небесахъ того, что имъ посѣяно было во время земной жизни, къ

вкушенію и претворенію плодовъ этой жатвы *). Астральный трупъ, какъ иногда его называютъ, или „скорлупа“, оставшаяся послѣ ушедшаго человѣка, состоитъ изъ остатковъ тѣхъ семи концентрическихъ оболочекъ, которыя были ранѣе описаны, и эти остатки удерживаются въ соединеніи сохранившимся магнетизмомъ души. Каждая изъ семи оболочекъ или „скорлупъ“, въ свою очередь, распадается, пока не останутся лишь разсѣянныя частицы отъ нея; послѣднія притягиваются магнетической тягой къ оставшимся „скорлупамъ“, и когда, одна за другой, всѣ онѣ распадутся вплоть до седьмой или внутренней, тогда самъ человѣкъ освобождается, оставляя за собой опустошенные остатки. Послѣдніе неопредѣленно блуждаютъ въ астральномъ мірѣ, автоматически и слабо повторяя привычныя вибраціи, и, по мѣрѣ того, какъ сохранившійся въ нихъ магнетизмъ постепенно разсѣивается, они приходятъ все въ бо̀льшую и бо̀льшую степень разложенія, пока, наконецъ, не распадутся окончательно, возвращая свои матеріалы въ общій резервуаръ астральной матеріи совершенно такъ же, какъ это происходитъ съ физическимъ тѣломъ, отдающимъ свои составныя частицы физическому міру. Такія „скорлупы“ несутся туда, куда астральныя теченія направляютъ ихъ, и онѣ могутъ быть временно оживлены (если онѣ не слишкомъ сильно разложились) магнетизмомъ воплощенныхъ душъ, и какъ бы возвращены на короткое время къ нѣкоторому подобію дѣятельности.

Онѣ всасываютъ такой магнетизмъ, какъ губка всасываетъ воду, и затѣмъ принимаютъ обманчивый видъ жизненности, повторяя болѣе энергично тѣ вибраціи, къ которымъ онѣ привыкли при жизни. Послѣднія часто вызываются токомъ мыслей, привычныхъ и для отшедшей души и для друзей и родныхъ, оставшихся на землѣ, и такая оживленная „скорлупа“ можетъ весьма удовлетворительно сыграть роль сообщающагося „духа“, хотя ее легко отличить даже помимо астральнаго зрѣнія—благодаря автоматическому повторенію обычныхъ для умершаго человѣка мыслей и полному отсутствію всякой оригинальности и какихъ бы то ни было знаній, которыми покойный не владѣлъ на землѣ.

Совершенно такъ же, какъ души умершихъ могутъ быть задерживаемы въ своемъ движеніи впередъ призывами неразумныхъ друзей, точно такъ же имъ можетъ быть оказана и помощь мудрыми и вѣрно-направленными усиліями.

---

*) См. гл. V „Деваканъ“.

Вотъ почему всѣ религіи, сохранившія хотя бы малѣйшіе слѣды оккультныхъ знаній своихъ основателей, примѣняютъ „молитвы объ усопшихъ“.

Эти молитвы, сопровождаемыя опредѣленными церемоніями, полезны болѣе или менѣе глядя по размѣру знанія и любви, и по силѣ воли, которыми онѣ одушевлены. Онѣ основаны на томъ же міровомъ началѣ вибраціи, которыми созданъ міръ, которыми онъ видоизмѣняется и поддерживается. Вибраціи создаются произносимыми звуками, которые складываютъ астральную матерію въ опредѣленныя формы, одушевленныя той мыслью, которая заключена въ словахъ молитвы.

Ихъ направляютъ въ чистилище, къ душѣ умершаго, гдѣ они, ударяясь объ его астральное тѣло, ускоряютъ распаденіе послѣдняго. Съ упадкомъ оккультныхъ знаній, эти обряды стали менѣе и менѣе дѣйствительны, пока ихъ значеніе не свелось почти на нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, когда они выполняются человѣкомъ, обладающимъ живой вѣрой и оккультнымъ знаніемъ, они производятъ должное дѣйствіе. Болѣе того, каждый можетъ помочь своимъ дорогимъ покойникамъ, направляя къ нимъ мысли любви и мира, и желая чтобы они быстрѣе проходили черезъ чистилище, и скорѣе освобождались отъ астральныхъ оковъ. Никто не долженъ бы оставлять „своихъ умершихъ“ идти одинокимъ путемъ, безъ поддержки своихъ любящихъ мыслей, этихъ ангеловъ-хранителелей, витающихъ вокругъ усопшихъ и помогающихъ имъ идти впередъ къ божественной радости.

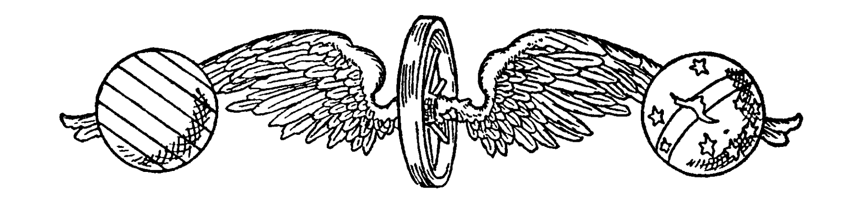
Пер. Е. П.

Знай, что Я хозяинъ обители, тѣло лишь повозка, душа возница, а эмоція возжи.

Тѣлесныя силы—кони, а внѣшній міръ—ихъ поле бѣга. Когда все Я, тѣлесныя силы и эмоція слилось въ одно, тогда достигается праведная радость; такъ говорятъ мудрые.

(„Упанишады“).

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра Р. Штейнера.

Глава V *).

Посвященіе.

Посвященіе есть высшая изъ ступеней тайной школы, по поводу которой еще возможно давать *указанія* въ общедоступномъ журналѣ. Обо всемъ дальнѣйшемъ не существуетъ обнародованныхъ сообщеній. Но и къ этому дальнѣйшему *каждый* можетъ найти путь, кто пройдетъ низшія ступени Подготовленія, Просвѣтлѣнія и Посвященія.

Знанія и способности, получаемыя человѣкомъ путемъ посвященія, онъ могъ бы пріобрѣсти иначе лишь въ очень отдаленномъ будущемъ—послѣ многихъ перевоплощеній, совсѣмъ другимъ путемъ и въ совершенно иной формѣ.

Человѣкъ можетъ познавать тайны бытія лишь по степени своей зрѣлости. Только въ недостаточной зрѣлости кроются препятствія къ достиженію высшихъ степеней знанія и способности. Человѣкъ не долженъ употреблять огнестрѣльное оружіе ранѣе, чѣмъ не пріобрѣтетъ достаточной опытности, чтобы пускать его въ дѣло, не причиняя никому вреда. Если бы всѣ желающіе допускались безъ затрудненія къ посвященію, они тѣмъ самымъ лишились бы необходимаго опыта, который предстояло имъ пройти въ будущихъ воплощеніяхъ, когда тайны бытія раскрывались бы передъ ними постепенно, въ нормальномъ теченіи ихъ эволюціи. Въ силу этого, въ преддверіи посвященія, взамѣнъ естественнаго

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1908 г., № 4.

опыта, должно даваться нѣчто другое. Первыя переживанія стремящагося къ посвященію и состоятъ, вслѣдствіе названной причины, изъ такъ-называемыхъ „испытаній“, которыя даются ему взамѣнъ сокращенныхъ жизненныхъ опытовъ. Объ этихъ „испытаніяхъ“ говорится открыто и въ обнародованныхъ книгахъ. Но естественно, что объ истинной сущности такихъ испытаній въ общедоступныхъ толкованіяхъ даются совершенно ложныя представленія, ибо кто не прошелъ черезъ „Подготовленіе“ и „Просвѣтлѣніе“, тотъ не могъ участвовать и въ этихъ испытаніяхъ, слѣдовательно, не можетъ вѣрно и описывать ихъ.

Передъ посвящаемымъ проходятъ извѣстные вещи и факты, которые принадлежатъ уже высшимъ мірамъ. Но онъ только тогда можетъ видѣть и слышать ихъ, когда уже способенъ воспринимать образы, краски, звуки и т. д., о которыхъ говорилось въ главахъ о „Подготовленіи“ и „Просвѣтлѣніи“.

Первое „испытаніе“ состоитъ въ томъ, что ученикъ достигаетъ болѣе истиннаго представленія о тѣлесныхъ свойствахъ неодушевленныхъ тѣлъ, затѣмъ растеній, животныхъ и человѣка, чѣмъ какимъ обладаетъ человѣкъ средняго уровня. Но подъ этимъ не надо подразумѣвать такъ-называемое научное знаніе, ибо тутъ дѣло не въ знаніи, а въ живомъ созерцаніи. Обыкновенно это бываетъ такъ, что Посвященный показываетъ посвящаемому, какимъ образомъ для духовнаго слуха и зрѣнія обнаруживаются явленія природы и всѣ живыя существа. Послѣднія являются до извѣстной степени разоблаченными, обнаженными передъ взоромъ созерцающаго. Для чувственнаго глаза и уха остаются скрытыми тѣ свойства, которыя раскрываются передъ посвящаемымъ, они какъ бы облечены покровомъ. Когда же этотъ покровъ спадаетъ, происходитъ событіе, которое обозначается какъ „духовный процессъ сгоранія“. Поэтому это первое испытаніе и называется *„испытаніе огнемъ“*.

Для нѣкоторыхъ людей сама повседневная жизнь является уже до нѣкоторой степени безсознательнымъ процессомъ посвященія черезъ „испытаніе огнемъ“. Есть люди, пережившіе такого рода опытъ, который вызвалъ въ нихъ естественнымъ образомъ и необходимую полноту довѣрія къ себѣ, и мужество, и настойчивость и который научилъ ихъ переносить горе, разочарованія и жизненныя неудачи съ душевнымъ величіемъ, внутреннимъ спокойствіемъ и несокрушимой силой. Кто перенесъ испытанія такого рода, тотъ, самъ того не сознавая, уже принадлежитъ къ Посвященнымъ, и тогда недостаетъ лишь немногаго, чтобы онъ сдѣ-

лался ясновидящимъ. Ибо твердо нужно помнить, что при истинномъ „испытаніи огнемъ“ дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы удовлетворить любопытство ищущаго. Правда, онъ узнаетъ необыкновенные факты, о которыхъ другіе люди не имѣютъ никакого представленія, но это познаніе не цѣль, а лишь *средство*, ведущее къ цѣли. Цѣль же состоитъ въ томъ, чтобы черезъ познаніе высшихъ міровъ ищущій пріобрѣлъ истинное довѣріе къ себѣ, высшее мужество и совершенно иное душевное величіе и выдержку, чѣмъ тѣ, которыя достигаются обыкновенно въ физическомъ мірѣ.

Послѣ „испытанія огнемъ“ каждый стремящійся можетъ еще возвратиться назадъ. Продолжая свою прежнюю жизнь, онъ почувствовалъ себя укрѣпленнымъ въ физическомъ и въ душевномъ отношеніи и въ слѣдующемъ воплощеніи можетъ продолжатъ начатое посвященіе. А въ настоящей своей жизни онъ станетъ болѣе полезнымъ членомъ человѣческаго общества, чѣмъ онъ былъ ранѣе. Въ какомъ бы положеніи онъ ни находился впредь, его твердость, его осмотрительность, его благотворное вліяніе на своихъ ближнихъ, его рѣшительность окажутся выросшими.

Если же ученикъ захочетъ продолжать оккультное обученіе и послѣ „испытанія огнемъ“, онъ долженъ прежде всего изучить опредѣленную систему знаковъ, какая употребляется въ оккультныхъ школахъ. Посредствомъ такихъ знаковъ излагаются подлинныя оккультныя ученія, ибо то, что въ вещахъ дѣйствительно „скрыто“ (оккультно), не можетъ быть непосредственно выражено словами обыкновеннаго языка или изложено посредствомъ обыкновенной письменной системы. Получившіе тайное знаніе отъ Посвященныхъ *переводятъ* его ученія на обыкновенный языкъ, насколько это возможно.

Знаки тайнаго письма выдуманы не произвольно; они соотвѣтствуютъ силамъ, дѣйствующимъ въ мірѣ. При помощи этихъ знаковъ узнаютъ языкъ вещей. Скоро для посвящаемаго начинаетъ выясняться, что знаки, которые онъ узнаетъ, соотвѣтствуютъ фигурамъ, краскамъ, звукамъ и т. д., которые онъ научался воспринимать во время „Подготовленія“ и „Просвѣтлѣнія“. Ему выясняется, что все ранѣе пройденное было только азбукой, складываніемъ слоговъ. Теперь же онъ начинаетъ *читать* въ высшихъ мірахъ. Въ великомъ, связанномъ единствѣ является ему все, что прежде было лишь разрозненными образами, звуками и красками. Только теперь пріобрѣтаетъ онъ настоящую увѣренность въ своихъ наблюденіяхъ надъ высшими мірами. Прежде онъ никогда не могъ съ увѣренностью знать, вѣрно ли видѣлъ онъ тѣ вещи, ко-

торыя наблюдалъ. И лишь теперь можетъ установиться правильное отношеніе между ищущимъ и Посвященнымъ въ области высшаго знанія, потому что каковы бы ни были въ обыденной жизни отношенія между Посвященнымъ и другимъ человѣкомъ, *непосредственнымъ образомъ* Посвященный можетъ передавать знанія только при помощи упомянутаго языка знаній.

При посредствѣ этого языка ученикъ знакомится и съ опредѣленными оккультными правилами поведенія. Онъ узнаетъ рядъ обязанностей, о которыхъ ранѣе не имѣлъ никакого понятія. И когда онъ научится познавать ихъ, онъ можетъ совершать такое, что недоступно для непосвященнаго. Онъ дѣйствуетъ изъ высшихъ міровъ. Указанія къ такимъ дѣйствіямъ могутъ быть поняты лишь при помощи вышеуказанной системы знаковъ. Но нужно прибавить, что есть люди, способные выполнять такія дѣйствія безсознательно, хотя бы они и не находились въ оккультной школѣ. Такіе „помощники міра и человѣчества“ шествуютъ въ жизни, дѣйствуя благодѣтельнымъ и благословляющимъ образомъ. Они одарены, по причинамъ, которыя объяснять здѣсь неумѣстно, дарами, кажущимися сверхъестественными. Отъ ученика оккультной школы они отличаются только тѣмъ, что послѣдній дѣйствуетъ сознательно, съ полнымъ разумѣніемъ всей связи явленій. Онъ достигаетъ помощью оккультной подготовки того же, что тѣ получаютъ какъ даръ отъ высшихъ силъ для помощи міру. Свыше одаренные достойны открытаго почитанія, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы работа школъ была излишней.

Когда ученикъ овладѣетъ упомянутымъ письмомъ посредствомъ знаковъ, для него наступаетъ дальнѣйшее „испытаніе“. Испытаніе это должно опредѣлить, способенъ ли онъ свободно и увѣренно оріентироваться въ высшемъ мірѣ. Въ обыкновенной жизни человѣкъ побуждается къ дѣятельности извнѣ. Онъ работаетъ такъ или иначе, потому что внѣшнія условія возлагаютъ на него тѣ или другія обязанности—излишне даже упоминать, что ученикъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ пренебрегать ни одной изъ своихъ обыденныхъ обязанностей потому, что онъ живетъ въ высшихъ мірахъ. Ни одна изъ обязанностей, относящаяся до высшаго міра, не заставитъ человѣка отнестись невнимательно къ малѣйшей задачѣ этого міра.

Отецъ семейства останется такимъ же хорошимъ отцомъ, мать—такой же доброй матерью, служащій, солдатъ и т. д. никто не станетъ пренебрегать исполненіемъ своихъ обязанностей, ставъ учениками оккультной школы. Напротивъ, всѣ свойства, дѣлающія

человѣка жизнеспособнымъ, возрастаютъ у ученика въ такой мѣрѣ, о какой непосвященный не имѣетъ никакого понятія, и если непосвященному это не всегда такъ кажется, это зависитъ отъ его неумѣнія правильно оцѣнивать дѣйствія посвященнаго. Поступки послѣдняго не всегда ясны для другихъ.

Для того, кто достигъ упомянутой ступени посвященія, есть обязанности, для которыхъ не существуетъ внѣшнихъ побужденій. Къ ихъ выполненію его побуждаютъ не внѣшнія обстоятельства, а тѣ правила поведенія, которыя ему сообщаютъ на „сокровенномъ" языкѣ. Второе испытаніе должно свидѣтельствовать, что, руководясь однимъ только правиломъ, онъ способенъ такъже увѣренно и отчетливо дѣйствовать, какъ и при исполненіи земныхъ своихъ обязанностей. Для этой цѣли учитель даетъ ученику опредѣленную задачу. Послѣдній долженъ выполнить опредѣленное дѣйствіе на основаніи воспріятій, опирающихся на пріобрѣтенныхъ имъ знаніяхъ на ступеняхъ „Подготовленія" и „Просвѣтлѣнія". И то, что ему надлежитъ выполнить, долженъ онъ познать черезъ посредство тѣхъ знаковъ, которые должны быть усвоены имъ. Если онъ пойметъ свою задачу и поступитъ правильно, тогда онъ выдержалъ испытаніе. Послѣдствія выдержаннаго испытанія узнаются по перемѣнѣ, которая произойдетъ въ образахъ, краскахъ и звукахъ, воспринимаемыхъ духовнымъ слухомъ и зрѣніемъ. Учитель объясняетъ совершенно опредѣленно, какова должна быть эта перемѣна, а ученикъ долженъ знать, какимъ образомъ онъ можетъ вызвать ее. Это испытаніе называется *„испытаніемъ водой"* потому, что, когда человѣкъ начинаетъ дѣйствовать въ этихъ высшихъ областяхъ, ему настолько же недостаетъ внѣшней опоры, какъ пловцу въ рѣкѣ съ глубокимъ дномъ. Это переживаніе должно быть повторяемо до тѣхъ поръ, пока ученикъ не пріобрѣтетъ полной увѣренности.

И это второе испытаніе установлено также ради того, чтобы посвящаемый пріобрѣлъ опредѣленное качество; благодаря опредѣленному опыту въ высшемъ мірѣ, человѣкъ пріобрѣтаетъ это качество въ короткое время и въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ при нормальномъ теченіи эволюціи онъ могъ бы пріобрѣсти его лишь послѣ многихъ и многихъ воплощеній; качество это состоитъ въ томъ, чтобы при исполненіи заданной ему учителемъ задачи, посвящаемый дѣйствовалъ лишь на основаніи пріобрѣтенныхъ высшихъ воспріятій, не примѣшивая къ своему дѣйствію рѣшительно ничего изъ личныхъ своихъ мнѣній, желаній и т. д., и если бы онъ хотя на единый мигъ послѣдовалъ не законамъ, признаннымъ

имъ за вѣрные, а своему личному *произволу*, то случилось бы нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что должно было произойти. Въ этомъ случаѣ ученикъ немедленно потерялъ бы направленіе къ цѣли своего дѣйствія и впалъ бы въ заблужденія. Слѣдовательно, суть этого испытанія, сводится къ тому, чтобы ученикъ выработалъ въ себѣ высокую степень *самообладанія*. Въ этомъ все дѣло, и опять это испытаніе гораздо достижимѣе для тѣхъ, кто прошелъ передъ посвященіемъ черезъ переживанія, которыя развиваютъ у человѣка самообладаніе. Кто уже пріобрѣлъ способность слѣдовать высшимъ принципамъ и идеаламъ, преодолѣвая личные прихоти и произволъ, кто умѣетъ исполнять обязанность и тамъ, гдѣ склонности и симпатіи отвлекаютъ его отъ ея исполненія, тотъ уже принялъ, оставаясь въ обыденной жизни, безсознательное посвященіе. И тогда небольшого усилія достаточно, чтобы онъ выдержалъ упомянутое испытаніе. И даже слѣдуетъ прибавить, что извѣстная степень такого безсознательнаго посвященія совершенно необходима, чтобы выдержать второе испытаніе, ибо какъ людямъ, не научившимся въ молодости писать правильно, очень трудно восполнить этотъ недостатокъ въ зрѣломъ возрастѣ, такъже трудно развить необходимое *самообладаніе* передъ раскрывающимися высшими мірами, если ранѣе этого свойства совсѣмъ не было въ переживаніяхъ повседневной жизни. Вещи физическаго міра не мѣняются отъ нашихъ желаній, потребностей и наклонностей, но въ высшихъ мірахъ наши желанія и влеченія *дѣйствуютъ* на вещи. Поэтому, если мы тамъ хотимъ дѣйствовать на нихъ въ опредѣленномъ направленіи, мы должны въ совершенствѣ владѣть собой, должны въ точности слѣдовать принятымъ правиламъ, ни въ какомъ случаѣ не подчиняясь произволу.

Свойство человѣка, которое на этой ступени посвященія имѣетъ особенно важное значеніе, это безусловно здоровая и *вѣрная способность сужденія*. На ея развитіе необходимо обращать вниманіе на всѣхъ предшествующихъ ступеняхъ; на этой же ступени уже ясно обнаруживается, владѣетъ ли ею посвящаемый настолько, чтобы быть пригоднымъ для высшаго пути познаванія. Онъ тогда лишь можетъ итти далѣе, когда въ состояніи будетъ отличать иллюзіи и призрачныя фантазіи, суевѣрія и всякаго рода заблужденія отъ истинной дѣйствительности. Тѣмъ болѣе, что на высшихъ ступеняхъ бытія это несравненно труднѣе, чѣмъ на низшихъ. Тамъ никакой предразсудокъ, никакое излюбленное мнѣніе не должны примѣняться по отношенію къ тому, что подлежитъ обсужденію, и одна только истина должна быть руководящимъ

началомъ. Должна быть всегда безусловная готовность немедленно же отказаться отъ своего мнѣнія, взгляда, склонности, если логическое мышленіе того потребуетъ.

Достовѣрность наблюденія въ высшихъ мірахъ достигается только тогда, когда не щадятъ своего собственнаго мнѣнія.

Люди, склонные къ фантазіи и суевѣрію, не могутъ дѣлать на тайномъ пути успѣховъ. Ученикъ долженъ добиться драгоцѣннаго блага: чтобы всѣ *сомнѣнія* въ существованіи высшихъ міровъ отошли отъ него навсегда и чтобы они, разоблаченные, предстали передъ его внутреннимъ зрѣніемъ. Но онъ не достигнетъ этого блага, пока будетъ вводиться въ обманъ призраками и иллюзіями. Мечтатели и фантазеры настолько же непригодны для тайнаго пути, какъ и суевѣрные люди. Нужно обратить на это обстоятельство самое серьезное вниманіе, ибо въ мечтательности, фантазированіи и суевѣріи кроются самые опасные враги на пути къ высшимъ познаніямъ. Но не слѣдуетъ думать, что ученикъ можетъ потерять поэзію жизни и способность вдохновенія потому, что надъ вратами, ведущими ко второй ступени посвященія, находятся слова: „Всѣ предразсудки должны отпасть отъ тебя“, а при входной двери къ первой ступени было написано: „безъ обладанія здравымъ человѣческимъ разсудкомъ всѣ шаги твои напрасны“.

Если посвящаемый достаточно готовъ въ этомъ смыслѣ, тогда его ожидаетъ третье „испытаніе“. Но здѣсь передъ нимъ не ставятъ никакой опредѣленной цѣли. Все въ его собственныхъ рукахъ. Ничѣмъ непобуждаемый къ дѣйствію, онъ долженъ совершенно самостоятельно найти свой путь изъ себя самого. Ничто и никто не толкаетъ его къ дѣятельности, никто не можетъ дать ему силы, въ которой онъ нуждается, кромѣ его самого. Если бы онъ не нашелъ этой силы въ себѣ, онъ очень скоро очутился бы опять на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ передъ тѣмъ. Но слѣдуетъ прибавить, что лишь немногіе изъ выдержавшихъ первыя два испытанія не находятъ этой силы въ себѣ. Или уже ранѣе отстаютъ, или выдерживаютъ и здѣсь. Все, что здѣсь необходимо, это—быстро справляться съ собой; нужно быстро рѣшаться и слѣдовать указаніямъ духа во всѣхъ вещахъ. Здѣсь нѣтъ уже времени для размышленій, сомнѣній и пр. Каждая секунда колебанія доказала бы лишь то, что человѣкъ еще не созрѣлъ. То, что мѣшаетъ слѣдовать внушеніямъ духа, необходимо смѣло преодолѣть, необходимо проявить полное *присутствіе духа*. Это—то душевное свойство, которое наиболѣе необходимо на этой ступени. Всѣ побужденія къ дѣйствію и даже къ мышленію, привычныя для че-

ловѣка, здѣсь умолкаютъ: чтобы не стать бездѣятельнымъ, человѣкъ долженъ *не терять самого себя*, ибо только въ самомъ себѣ можетъ онъ найти ту единственную твердую точку опоры, за которую онъ можетъ держаться. И если онъ выдержитъ это испытаніе, чуднымъ блаженствомъ отзовется эта побѣда въ немъ.

И здѣсь точно такъ же обыденная человѣческая жизнь для многихъ является подготовительной оккультной школой. Кто, находясь лицомъ къ лицу съ внезапно выступающими передъ нимъ жизненными задачами, способенъ на *быстрое рѣшеніе*, для того сама жизнь уже послужила такой школой. Кто быстро рѣшается дѣйствовать въ виду грозящаго несчастія, между тѣмъ какъ нѣсколько мгновеній колебанія—и несчастіе было бы уже неотвратимо, и у кого такая способность на быстрыя рѣшенія сдѣлалась постояннымъ качествомъ, тотъ безсознательно уже созрѣлъ для третьяго „испытанія", потому что для этого испытанія важнѣе всего безусловное *присутствіе духа.*

Въ оккультныхъ школахъ это называется *„испытаніе воздухомъ"*, ибо при этомъ посвящаемый не можетъ опереться ни на твердую почву внѣшнихъ побужденій, ни на знаніе формъ, звуковъ и красокъ, пріобрѣтенное имъ во время „Подготовленія" и „Просвѣтленія", но исключительно только на самого себя.

Если ученикъ выдержалъ и это испытаніе, тогда онъ можетъ вступить въ „Храмъ высшихъ познаній". О томъ, что слѣдуетъ далѣе, можно дать только самыя общія указанія. О дальнѣйшемъ выражаются часто такъ: ученикъ долженъ дать „клятву" ничего не „открывать" изъ даваемыхъ ему ученій. Но выраженіе „клятва" и не „открывать" не отвѣчаетъ существу дѣла и могутъ ввести въ заблужденіе. Дѣло не идетъ о „клятвѣ" въ обыкновенномъ смыслѣ слова. На этой ступени развитія пріобрѣтается новый *опытъ.* Узнаютъ, какимъ образомъ примѣнять тайное ученіе, какимъ образомъ употреблять его для служенія человѣчеству. Начинаютъ впервые правильно понимать міръ. Не объ „умалчиваніи" высшихъ истинъ идетъ дѣло, но скорѣе о правильномъ ихъ примѣненіи, о соблюденіи нужнаго такта. То же, о чемъ учатъ „молчать", представляетъ собою нѣчто совершенно иное. Это—высшее качество, чрезвычайно важное для оккультиста, касающееся прежде всего способа и умѣстности передачи своихъ знаній другому.

Плохъ былъ бы посвященный, который не предоставлялъ бы къ услугамъ міра всѣ узнанныя тайны, насколько это возможно. Не существуетъ другихъ препятствій къ сообщенію оккультныхъ знаній, кромѣ непониманія со стороны того, кому они сообщаются.

Но естественно, что высшія тайны бытія не могутъ служить темой для обыденныхъ разговоровъ. Но никому, достигшему описанной ступени развитія, не „запрещается“ говоритъ то, что онъ считаетъ нужнымъ сказать. Никто другой не можетъ возложить на него обѣта молчанія. Все предоставляется на его собственную отвѣтственность. Онъ долженъ самостоятельно опредѣлять мѣру своихъ поступковъ въ каждомъ новомъ положеніи. И „обѣтъ“ обозначаетъ не что иное, какъ признаніе за нимъ способности нести на себѣ такую отвѣтственность. Если за посвящаемымъ признается такая способность, онъ получаетъ то, что символически называется „напиткомъ забвенія“. Онъ посвящается въ тайну, какъ можно дѣйствовать, не дозволяя низшей памяти служить для него помѣхой. Для посвященнаго это необходимо, ибо онъ долженъ сохранять полное довѣріе къ совершающемуся въ настоящемъ. Онъ долженъ умѣть разрывать покрывало воспоминаній, постоянно разстилающееся вокругъ человѣка въ каждое мгновеніе его жизни. Если я обсуждаю нѣчто встрѣтившееся мнѣ сегодня на основаніи того, что я испыталъ вчера, я подвергаюсь неизбѣжнымъ ошибкамъ.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы нужно было отрицать пріобрѣтенный въ личной жизни опыть, наоборотъ, его всегда нужно имѣть въ виду. Но посвященный долженъ обладать способностью обо всякомъ новомъ переживаніи судить исключительно изъ себя, не давая прошлому дѣйствовать на себя. Онъ долженъ всегда быть готовымъ къ тому, что каждая вещь, каждое существо можетъ принести ему своевременно новое откровеніе. Если же судить о новомъ по старому опыту, всегда можно впасть въ заблужденіе. Но воспоминаніе о старыхъ опытахъ полезно именно потому, что оно помогаетъ *видѣть* новое; если бы не имѣлось опредѣленнаго опыта въ прошломъ, въ такомъ случаѣ свойства вещи или существа, которыя встрѣчаются въ настоящемъ, остались бы, можетъ быть, совсѣмъ непонятыми. И все же опытъ посвящаемаго долженъ служить для *воспріятія* новаго, а не для *сужденія* о новомъ по впечатлѣніямъ прошлаго.

Въ этомъ отношеніи посвященный достигаетъ совершенно опредѣленныхъ способностей, благодаря которымъ для него разоблачаются многія вещи, которыя для непосвященнаго остаются скрытыми.

Второй „напитокъ“, который дается посвященному, носитъ названіе, „напитокъ памяти“. Черезъ него достигается способность сохранять всегда въ душѣ высшія истины; обыкновенной памяти

не достаточно для этого. Нужно слиться съ этими истинами воедино. Ихъ нужно не только знать, но настолько владѣть ими въ живомъ дѣланіи, чтобы онѣ были тѣмъ же, чѣмъ для обыкновеннаго человѣка бываютъ ѣда и питье. Онѣ должны сдѣлаться упражненіемъ, привычкой, наклонностью. Надъ ними совсѣмъ не нужно размышлять въ обыкновенномъ смыслѣ; онѣ должны исходить изъ человѣка, протекать черезъ него, какъ жизненныя функціи его организма. И такимъ образомъ онъ все болѣе будетъ выполнять въ духовномъ смыслѣ относительно себя ту роль, которую природа выполняетъ относительно его физическаго организма.

Объ этомъ же, а также объ *условіяхъ посвященія* будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Пер. В. Лалетинъ.

Немудраго, у котораго эмоція никогда не сдерживается, тѣлесныя силы несутъ, какъ непослушные кони возницу.

Мудраго, у котораго эмоціи всегда сдержанны, тѣлесныя силы не понесутъ, подобно конямъ, повинующимся возницѣ.

Тотъ, чей возница мудрость, кто твердо держитъ возжи—эмоціи, тотъ воистину доходитъ до конца пути, до высшаго мѣста успокоенія проявляющейся Силы.

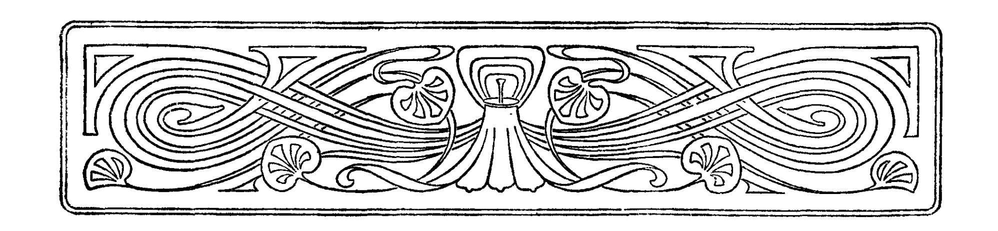
(„Упанишады").

Порывы выше тѣлесныхъ силъ; эмоція выше порывовъ; душа выше эмоціи; выше души единое Я.

(„Упанишады").

Да будетъ мудрый владѣть творческимъ словомъ и эмоціей; да будетъ онъ держать ихъ въ высшемъ Я, которое есть мудрость; да будетъ онъ эту мудрость держать въ великомъ Я; да будетъ онъ это держать въ томъ Я, которое есть Миръ.

(„Упанишады").

Теософія и новая психологія.

А. Безантъ.

(Продолженіе *).

Лекція VI *).

Методы развитія.

Сегодня я предполагаю говорить о методахъ развитія, т. е. о томъ, какимъ образомъ каждый можетъ содѣйствовать развитію своей внутренней, духовной природы и такимъ образомъ постепенно пріобрѣсти увѣренность и знаніе тамъ, гдѣ въ настоящее время его встрѣчаютъ недоумѣнія и неясность. Ибо та „новая психологія“, вопросы которой мы обсуждали, никогда не можетъ быть вполнѣ усвоена, пока люди не научатся „видѣть“ и такимъ образомъ не получатъ возможности прослѣдить, какъ возникаютъ тѣ многообразныя явленія, которыя всѣ безразлично относятся къ области „безсознательнаго“, причемъ имъ не дается никакого удовлетворительнаго объясненія.

Въ этихъ лекціяхъ я старалась указать различные источники, откуда происходятъ эти явленія, чтобы вы могли сами классифицировать ихъ, говоря, когда вы читаете о томъ или иномъ явленіи: „это относится къ такой-то области, а это къ другой“ и т. д. Но, разумѣется, будетъ гораздо лучше, если вмѣсто того, чтобы просто принять предлагаемую теорію и пытаться разрабатывать и примѣнять ее, вы будете въ состояніи собственнымъ пониманіемъ опредѣлять въ каждомъ данномъ случаѣ истинный источникъ раз-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 4, стр. 40.

бираемаго явленія. Поэтому, я думаю, будетъ полезно указать вамъ на нѣкоторые пути возможнаго развитія, тѣмъ болѣе полезно, что нѣкоторые изъ нихъ нежелательны и опасны, тогда какъ другіе, если и не гарантируютъ непремѣнно полнаго успѣха, то во всякомъ случаѣ содѣйствуютъ ускоренію развитія тѣхъ, кто пользуется ими, даже еслибы въ одномъ воплощеніи и не оказалось возможнымъ довести работу до конца.

Прежде всего слѣдуетъ выяснить, что именно должно подлежать развитію, такъ какъ самый методъ будетъ зависѣть отъ того, какая сторона человѣческой природы имѣется въ виду. И тутъ мы видимъ, что эволюція человѣчества будетъ неизбѣжно двигаться по двумъ главнымъ направленіямъ: съ одной стороны будетъ развиваться сознаніе, а съ другой стороны матеріальные проводники его. Самое сознаніе сильно разовьется, оно углубится, пріобрѣтетъ бо́льшую ясность, наше пониманіе окружающихъ явленій станетъ болѣе полнымъ и опредѣленнымъ. Такимъ образомъ намъ придется разсмотрѣть методы, примѣнимые къ развитію сознанія. И здѣсь вопросъ и́детъ въ буквальномъ смыслѣ о раскрытіи, такъ какъ сознаніе содержитъ въ себѣ въ скрытомъ видѣ всѣ возможности дальнѣйшаго совершенствованія, и все дѣло только въ томъ, чтобы развернуть эти возможности, такъ же, какъ почка развертывается въ совершенный цвѣтокъ. Но насъ интересуетъ не одинъ только этотъ вопросъ о развитіи сознанія. Ибо изъ того, что сознаніе постепенно раскрывается и въ высшихъ мірахъ, еще не слѣдуетъ, чтобы оно могло непосредственно изъ высшихъ сферъ воздѣйствовать на физическій мозгъ такъ, чтобы вызвать извѣстные результаты въ нашемъ такъ называемомъ бодрствующемъ сознаніи. Вполнѣ возможно, что развитіе какого-нибудь человѣка пойдетъ такъ далеко, что и сознаніе, и высшія тѣла его будутъ дѣятельны въ соотвѣтствующей имъ высшей сферѣ, но пріобрѣтенныя тамъ знанія все же не могутъ быть переданы физическому мозгу, и такимъ образомъ человѣкъ этотъ не будетъ въ состояніи „припомнить“ ихъ. Когда сознаніе развилось настолько, что можетъ функціонировать въ высшихъ мірахъ, возникаетъ вопросъ о тѣхъ проводникахъ или тѣлахъ, посредствомъ которыхъ оно должно проявляться и работать. Но мы можемъ имѣть дѣло лишь съ тремя изъ этихъ проводниковъ, ибо, когда они способны къ правильной дѣятельности, человѣкъ подвинулся уже настолько, что не нуждается болѣе ни въ какихъ физическихъ указаніяхъ относительно значенія и способовъ своего дальнѣйшаго развитія. Когда человѣкъ научился управлять своими физическимъ, астраль-

нымъ и ментальнымъ тѣлами, онъ можетъ уже самостоятельно пріобрѣтать знанія, идущія изъ той области, которую физіологи называютъ „безсознательной“, и изъ наиболѣе высокой и цѣнной части этой области, изъ *сверхсознанія.* Но на настоящей ступени эволюціи лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія можетъ достигать до человѣка свѣдѣніе, исходящее изъ сферы выше ментальной. Конечно, такіе случаи возможны, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми геніальными, сознаніе которыхъ не рѣдко озаряется проблесками интуиціи, идущими изъ „тѣла причинности“ (causal body) этой вѣчной сокровищницы, въ которой хранятся всѣ воспоминанія прошлаго. Возможно это также и для тѣхъ, которые, постепенно развивая свои психическія способности путемъ опредѣленныхъ пріемовъ, довели свои низшіе проводники до такого совершенства, что могутъ уже сознательно дѣйствовать въ своемъ „тѣлѣ причинности“. Но по большей части приходится имѣть дѣло лишь съ этими тремя низшими тѣлами и ихъ мы и будемъ имѣть въ виду. Итакъ, намъ надо разсмотрѣть: какъ раскрыть наше сознаніе, какъ усовершенствовать наше физическое тѣло; какъ привести астральное тѣло въ состояніе дѣятельное и какъ добиться того же и по отношенію къ ментальному тѣлу; словомъ какъ достигнуть того, чтобы раскрылись всѣ силы сознанія, а со стороны формы, чтобы развились тѣ органы, посредствомъ которыхъ могли бы проявляться эти силы.

Надо имѣть въ виду, что при примѣненіи нѣкоторыхъ методовъ, всѣ усилія направляются на развитіе проводниковъ, на развитіе же сознанія не обращается вниманія. И въ этомъ случаѣ результаты получаются крайне неудовлетворительные; человѣкъ можетъ развить свои психическія чувства настолько, что они могли бы служить органами высшей жизни, и все же они могутъ оказаться совершенно безполезными, такъ какъ сознаніе еще не готово, чтобы функціонировать посредствомъ нихъ. При этомъ оказывается искусственное насиліе. Вмѣсто того, чтобы сознаніе вызывало развитіе органовъ и регулировало ихъ ростъ, возможно до извѣстной степени вынудить преждевременное развитіе органовъ, заставить ихъ опередить ростъ сознанія; при этомъ человѣкъ будетъ видѣть и слышать многое, что останется для него совершенно непонятнымъ. Это очень часто бываетъ съ людьми, обладающими прирожденными способностями къ „психизму“, которыя они развили во время прежнихъ своихъ воплощеній. Большею частью, когда мы имѣемъ дѣло съ людьми не высокаго развитія и все же обладающими такими прирожденными психическими

способностями, это объясняется тѣмъ, что въ прежнихъ своихъ жизняхъ они пользовались методами, вліяющими лишь на тѣло, а развитіе сознанія оставляющими безъ вниманія. Въ результатѣ получается значительное развитіе психическихъ силъ, но, разъ неразвитое сознаніе не въ состояніи разумно пользоваться этими силами, отъ нихъ мало толку, и они являются скорѣе источникомъ непріятностей для ихъ обладателя, а не драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Такимъ людямъ отнюдь не приходится завидовать; и если они оказываются обладателями силъ, которыми не умѣютъ пользоваться и которыя непріятно безпокоятъ ихъ, вызывая рядъ явленій, непонятныхъ для нихъ, которыми они не могутъ управлять, то единственно разумное, что могутъ сдѣлать такія лица,—это приняться осмотрительно за развитіе своего сознанія и такимъ образомъ пополнить въ этой жизни тотъ пробѣлъ, который сдѣланъ былъ въ предыдущей жизни.

Я думаю, легче всего будетъ прослѣдить различные методы развитія психическихъ силъ, если я вкратцѣ изложу передъ вами сначала ту теорію, которой придерживаются главнымъ образомъ въ Индіи, гдѣ эти вопросы изучались въ теченіе многихъ тысячелѣтій, а затѣмъ методы, рекомендуемые въ настоящее время у насъ на Западѣ. Тогда будетъ ясно, къ которому изъ двухъ методовъ, различаемыхъ на Востокѣ, относятся примѣняемые у насъ методы развитія психическихъ силъ. Желательно всегда обладать полной теоріей, чтобы, при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь новымъ явленіемъ, мы сразу могли знать, куда именно слѣдуетъ его отнести; а такъ какъ подобной всеобъемлющей теоріи въ настоящее время на Западѣ не существуетъ, то мы позаимствуемъ ее у народовъ Востока, и посмотримъ, какой свѣтъ бросаетъ она на явленія, происходящія среди насъ.

Общепринятое въ Индіи психологическое ученіе, существующее тамъ уже много тысячъ лѣтъ, различаетъ два главныхъ вида Іоги: Хата-Іогу и Раджа-Іогу; и къ одному изъ этихъ двухъ основныхъ подраздѣленій примыкаетъ неизбѣжно каждый процессъ развитія психическихъ силъ. Теорія Хата-Іоги такова: легче начинать съ воздѣйствія на физическое тѣло, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что намъ такъ или иначе извѣстно; начиная свое воздѣйствіе съ физическаго тѣла, можно пріобрѣсти надъ нимъ почти невѣроятную власть; и такъ какъ физическое тѣло соотвѣтствуютъ въ своихъ различныхъ частяхъ органамъ высшихъ тѣлъ, то можно повліять и на послѣднія, возбуждая дѣятельность въ соотвѣтствующихъ физическихъ орга-

нахъ. Такъ, начиная съ воздѣйствія на физическіе глаза, можно постепенно, поднимаясь снизу вверхъ, развить и соотвѣтствующіе органы въ астральномъ тѣлѣ, въ результатѣ чего явится ясновидѣніе; воздѣйствуя на физическій органъ слуха, можно вызвать соотвѣтствующее развитіе и въ астральномъ тѣлѣ, и такимъ образомъ явится способность слышать астральные звуки. Эта теорія соотвѣтствія между высшими и низшими тѣлами совершенно вѣрна. Наши чувства коренятся въ дѣйствительности не въ физическомъ тѣлѣ, центры этихъ чувствъ находятся въ астральномъ тѣлѣ. Всѣ зрительныя впечатлѣнія, получаемыя глазомъ въ физической сферѣ, прежде чѣмъ они достигнутъ внутренняго человѣка, передаются съ сѣтчатой оболочки оптическимъ центрамъ въ мозгу, а отсюда соотвѣтствующимъ центрамъ астральнаго тѣла, которые собственно и являются истинными центрами физическихъ чувствъ. Мозгъ представляетъ собою лишь телеграфную проволоку, вдоль которой передается вѣсть о впечатлѣніи; видимъ же мы благодаря возбужденію астральныхъ центровъ. Но Хата-Іога обнимаетъ многое, кромѣ упомянутаго возбужденія чувствъ. Она вызываетъ и полную власть надъ всѣми частями физическаго тѣла, такъ что всѣ мускулы, всецѣло подчиняются волѣ человѣка. Послѣдователь Хата-Іоги проходитъ черезъ цѣлый рядъ процессовъ, часто очень утомительныхъ и даже сопряженныхъ съ болью, чтобы подчинить своей волѣ каждую часть своего физическаго тѣла: зная при этомъ и соотвѣтствія, существующія между физическими и астральными органами, онъ воздѣйствуетъ черезъ одни на другіе такъ, какъ было указано по отношенію къ зрѣнію и слуху.

Въ Индіи есть много такихъ адептовъ Хата-Іоги, которые охотно показываютъ пріобрѣтенныя такимъ путемъ силы. Они могутъ продѣлывать удивительныя вещи: прекращать произвольно біеніе сердца, или работу легкихъ, и многое въ этомъ родѣ. И все это кажется чрезвычайно удивительнымъ, пока не узнаешь, какъ это дѣлается. И кромѣ того возникаетъ вопросъ: къ чему все это нужно? Стоитъ ли продѣлывать такъ долго всѣ эти упражненія для того, чтобы научиться дѣлать вещи, которыя въ сущности ни для чего не нужны? Единственно, что еще можетъ быть признано значительнымъ, это—способность видѣть, слышать и чувствовать въ астральной сферѣ; но этого послѣдователи Хата-Іоги достигаютъ лишь въ весьма ограниченной степени, и послѣ того, какъ новизна впечатлѣнія пройдетъ, естественно рождается желаніе пойти далѣе и понять въ чемъ тутъ суть. Во многихъ

случаяхъ, послѣдователи Хата-Іоги оказываются не въ силахъ установить связь между центрами астральнаго тѣла и органами физическихъ чувствъ, такъ что видимое и слышимое ими въ астральной сферѣ не передается ихъ физическому мозгу. Они могутъ впадать въ трансъ, но, когда они просыпаются, оказызывается, что они не пріобрѣли никакого новаго знанія. Единственное, чего они достигаютъ при этомъ, это—отдѣленія астральнаго тѣла отъ физическаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ освободившееся астральное тѣло можетъ функціонировать въ астральной сферѣ, такъ что человѣкъ пріобрѣтаетъ опытъ, хотя этотъ опытъ и не достигаетъ до бодрствующаго мозгового сознанія, но все же это представляетъ извѣстное преимущество, такъ какъ многое изъ испытаннаго въ астральной сферѣ можетъ проникнуть и въ физическое сознаніе не какъ опредѣленное воспоминаніе, а какъ знаніе, постепенно пробивающее себѣ путь черезъ препятствующій физическій мозгъ. Но въ большинствѣ случаевъ, когда астральное тѣло отдѣляется отъ физическаго, оно остается въ непосредственной близости отъ послѣдняго, въ состояніи сонномъ и пассивномъ.

Насколько мнѣ извѣстно, развитіе въ этомъ направленіи не дастъ сколько нибудь значительныхъ познаній; но одного послѣдователи Хата-Іоги, *несомнѣнно*, достигаютъ: они пріобрѣтаютъ превосходное физическое здоровье. Они развиваютъ такую мышечную силу и выносливость, что въ состояніи преодолѣть физическую усталость, которая раздавила бы обыкновеннаго человѣка. Благодаря труднымъ упражненіямъ, которыя они продѣлываютъ, и благодаря настойчивости, необходимой для достиженія какихъ либо результатовъ, они, рядомъ съ физической силой, развиваютъ и большую силу воли.

Посмотримъ теперь, подъ какую теорію можно подвести вышеизложенное:

Если мы всмотримся пристальнѣе, то увидимъ слѣдующее: въ теченіи эволюціи сознаніе нѣсколько опережало развитіе органовъ, и работа сознанія вызвала и самое образованіе послѣднихъ. Это обстоятельство чрезвычайнаго и практическаго значенія. Жизнедѣятельность предшествуетъ всегда образованію органа; этотъ послѣдній является лишь результатомъ жизнедѣятельности. Слѣдующій фактъ, останавливающій на себѣ вниманіе изслѣдователя, состоитъ въ томъ, что, по мѣрѣ развитія сознанія, по мѣрѣ того, какъ мыслитель пріобрѣтаетъ все большую силу мысли, онъ устраняется постепенно отъ цѣлаго ряда функцій, которыя вна-

чалѣ требовали съ его стороны сознательныхъ усилій воли, передаетъ ихъ автоматизму тѣла, а самъ устремляетъ свое вниманіе на нѣчто высшее и болѣе полезное.

Поэтому, когда мы видимъ, что послѣдователь Хота-Іоги снова подчиняетъ сознательному контролю функцій, отъ которыхъ, въ теченіе эволюціи, онъ успѣлъ уже отдѣлаться, мы находимъ, что онъ идетъ назадъ, а не впередъ, нагружая на себя такія задачи, которыя гораздо лучше выполняются автоматическимъ механизмомъ его тѣла, и на которыя онъ долженъ затратить огромныя усилія, чтобы выполнить ихъ съ такимъ же совершенствомъ, съ какимъ это дѣлаетъ механизмъ, имъ же созданный въ прошломъ.

Точно также мы пойдемъ назадъ, если начнемъ возбуждать астральныя чувства такимъ путемъ, дѣйствуя на нихъ снизу; астральные центры развивались вначалѣ, и уже потомъ ихъ дѣятельность вызываетъ образованіе физическихъ органовъ чувствъ; поэтому, воздѣйствуя физическими органами на астральные центры для того, чтобы побудить ихъ къ независимой дѣятельности, значитъ возвращаться вспять по пройденному уже пути эволюціи.

Такимъ образомъ пробуждаются не истинные астральные слухъ и зрѣніе, а лишь вызывается ненормальная и нежелательная дѣятельность тѣхъ астральныхъ центровъ, которые создали для своего нормальнаго проявленія органы чувствъ въ физическомъ тѣлѣ; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что астральное тѣло обладаетъ цѣлымъ рядомъ своихъ собственныхъ чувствъ, которыя не сообщаются непосредственнымъ образомъ съ органами физическаго тѣла. Астральныя чувства относятся непосредственно къ астральной сферѣ, тогда какъ тѣ центры чувствъ, о которыхъ шла рѣчь выше, являются какъ бы мѣстомъ для сообщенія между мыслителемъ и его физическимъ проводникомъ. Поэтому нѣтъ никакой надобности возбуждать ихъ къ самостоятельной дѣятельности, такъ какъ они не могутъ служить удовлетворительно для этой цѣли. Поступая такъ, вы берете орудіе, предназначенное для этой цѣли, и грубо приспособляете его къ выполненію совсѣмъ другой цѣли. Все, чего нужно добиваться, это—развивать въ самомъ астральномъ тѣлѣ его собственные органы чувствъ, такъ называемыя „чакрам'ы“ или „колеса“, которыя принадлежатъ этому тѣлу какъ таковому, а не какъ передаточной инстанціи между мыслителемъ и его физическимъ проводникомъ. Искусственно возбуждать эти центры, назначеніе которыхъ—служить передаточнымъ мостомъ, вмѣсто того, чтобы развивать жи-

выя „колеса“, которыя и представляютъ собою истинные органы астральнаго тѣла, значитъ—дѣлать грубую ошибку; такимъ образомъ можно вступить лишь на путь ненормальной эволюціи, совершенно нежелательный, идя по которому легко причинить себѣ серьезный вредъ.

Посмотримъ теперь, которые изъ западныхъ методовъ развитія психическихъ силъ основаны на принципахъ Хата-Іога, согласно которымъ слѣдуетъ дѣйствовать на тѣ или иные органы физическаго тѣла, чтобы пробудить извѣстныя силы въ астральномъ. Всѣ методы, рекомендующіе начинать съ сосредоточенія органовъ чувствъ на наблюденіи какого-нибудь матеріальнаго предмета, относятся къ Хата-Іогѣ. Такъ, напримѣръ, излюбленный восточный методъ, который часто рекомендуется и у насъ на Западѣ,—это смотрѣть въ теченіе цѣлыхъ часовъ на черное пятно, сдѣланное на бѣломъ фонѣ. Другой подобный же методъ, это—глядѣнье въ кристаллъ. Мною какъ разъ получено много американскихъ изданій, рекомендующихъ всевозможныя упражненія въ этомъ родѣ. Все это принадлежитъ къ системѣ Хата-Іоги и по самому существу своему вредно, и не только потому, что заставляетъ человѣка слѣдовать по пути, обратному нормальному ходу эволюціи, но и потому, что отзывается очень вредно на физическихъ органахъ чувствъ. Однимъ изъ результатовъ продолжительнаго глядѣнья на черное пятно бываетъ порча зрѣнія. Нормальное соотношеніе между зрительными осями часто нарушается, и вызывается косогласіе. Другой результатъ—въ постепенномъ ослабленіи физическаго зрѣнія, вслѣдствіе чрезмѣрнаго утомленія нервовъ сѣтчатой оболочки. Это переутомленіе мало-по-малу передается черезъ зрительный нервъ зрительнымъ центрамъ, и въ результатѣ многолѣтнихъ упражненій можетъ получиться атрофія зрительнаго нерва, ведущая за собой помутнѣніе зрѣнія и даже слѣпоту.

Существуетъ большая разница между Индусами и Европейцами. Индусъ мало интересуется, какой получится физическій результатъ, тогда какъ для Европейца или Американца это далеко не безразлично. Если Индусъ наживетъ себѣ рѣзко выраженное косоглазіе, то онъ будетъ себя чувствовать такъ же хорошо съ нимъ, какъ и безъ него. Онъ вовсе не желаетъ смотрѣть на окружающія его вещи; онъ сосредоточилъ свои мысли и желанія на другомъ, и его не безпокоитъ нажитое косоглазіе. Онъ не обращаетъ даже вниманія на слѣпоту; но не такъ смотритъ на это Европеецъ. Въ Индіи хорошо извѣстно, каковы бываютъ ре-

зультаты отъ примѣненія методовъ Хата-Іоги, но результаты эти неизвѣстны у насъ на Западѣ; и мнѣ думается, что жестоко поступаютъ всѣ, широко распространяющіе свѣдѣнія объ этихъ методахъ, безъ объясненій, съ какими опасностями они сопряжены. Меньшинство можетъ быть и избѣжитъ вредныхъ послѣдствій, но очень многимъ придется пострадать. Но даже если предположить, что кому-либо удастся, избѣгнувъ угрожающихъ опасностей, произвольно погружаться въ трансъ, какая ему отъ этого польза? Пробудившись, онъ убѣдится, что сталъ не мудрѣе прежняго. Онъ только достигъ самогипноза, но эта способность вовсе не является какимъ-либо цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. То же относится и къ развитію астральнаго слуха. Продѣлывая извѣстныя упражненія съ дыханіемъ, возможно слышать неуловимые для другихъ звуки; но это происходитъ отъ давленія въ горлѣ на нервы, соединенные съ ухомъ.

А между тѣмъ многіе думаютъ, что при помощи подобныхъ упражненій можно дѣйствительно раскрыть астральныя чувства. Есть много подобныхъ упражненій, о которыхъ вы можете прочесть, если желаете. Но совѣтую не примѣнять ихъ на дѣлѣ; всего благоразумнѣе остерегаться такихъ вещей; очень возможно, что люди, знакомящіе съ этими методами несвѣдущую публику, не говорятъ объ ихъ послѣдствіяхъ, потому что сами ничего не знаютъ; я не думаю, чтобы они умалчивали о томъ злонамѣренно.

Смотрѣніе въ кристаллъ также не приводитъ ни къ чему, кромѣ самаго низшаго ясновидѣнія. Однажды меня очень удивилъ одинъ фактъ, относящійся до глядѣнія въ кристаллъ. Среди членовъ нашего общества я знаю одного, обладающаго высоко развитымъ астральнымъ зрѣніемъ. Однажды, желая развлечься и узнать что нибудь интересное, я попросила его посмотрѣть въ кристаллъ и разсказать, что онъ тамъ увидитъ. Онъ смотрѣлъ въ него, поворачивая его на всевозможные лады, но рѣшительно ничего не видѣлъ, хотя и старался въ теченіе довольно продолжительнаго времени. Причина этого, если вдуматься, совершенно ясна: ясновидѣніе людей, которые достигли высокаго психическаго развитія, является не вслѣдствіе возбужденія въ центрахъ чувствъ астральнаго тѣла, а вслѣдствіе пробужденія дѣятельности въ такъ называемыхъ „чакрам'ахъ“; и человѣкъ, пользующійся этими послѣдними, всего менѣе будетъ пользоваться первыми, которые нужны только какъ мостъ для того, чтобы физическія раздраженія доходили до сознанія и сообщили ему нужныя свѣдѣнія. Я не знаю ни одного случая, когда бы глядѣніе въ кристаллъ откры-

вало возможность что-нибудь видѣть за предѣлами самой низшей области астральной сферы. Совершенно вѣрно, что, упражняясь долго, можно увидать кое-что, но это связано съ большимъ рискомъ, и я настоятельно совѣтую не заниматься усиленно глядѣніемъ въ кристаллъ, потому что, даже достигнувъ нѣкоторыхъ результатовъ, вы въ то же время закроете для себя путь къ пріобрѣтенію высшихъ способностей.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію системы Раджа - Іоги. Здѣсь исходный пунктъ совершенно иной. Методъ этотъ начинаетъ съ развитія силы мысли, съ медитаціи; но ранѣе чѣмъ приступать къ медитаціи, которая является уже начальной стадіей Раджи-Іоги, необходима еще извѣстная предварительная подготовка. Послѣдователь Раджа-Іоги долженъ прежде всего очистить свое физическое тѣло до извѣстной степени, но не для того, чтобы воздѣйствовать на астральное тѣло, а для того, чтобы растущія силы сознанія, дѣйствуя на физическое тѣло, неподготовленное для воспріятія болѣе тонкихъ и энергичныхъ вибрацій, не повредили ему и не вызвали бы заболѣванія всего организма и даже сумашествія. Все это обстоятельно изучено въ Индіи, и опытъ показалъ, что тотъ, кто пытался слѣдовать методамъ Раджа-Іоги, не подготовивши предварительно свое тѣло, хотя и можетъ достигнуть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ результатовъ благодаря тому, что развивающіяся духовныя силы начнутъ дѣйствовать на его низшія тѣла, но вскорѣ онъ неминуемо утратитъ здоровье и совершенно расшатаетъ свою нервную систему. Очищеніе тѣла достигается тщательно разработанной системой діэты, правильнымъ сномъ, достаточнымъ отдыхомъ и т. д., основнымъ правиломъ которой является—умѣренность во всемъ: не переѣдать, но и не морить себя голодомъ, не лежать долго въ постели, но и не лишать себя сна, черезъ чуръ напрягая свою нервную систему, однимъ словомъ—умѣренность во всемъ. Пища, принимаемая послѣдователями Раджа-Іоги, должна быть чистой, обладать свойствомъ „ритмичности", т. е. вибраціи частицъ, изъ которыхъ эта пища состоитъ, должны быть равномѣрныя, гармоничныя, уравновѣшенныя. Это основывается на теоріи, согласно которой матерія обладаетъ тремя свойствами: инерціей, подвижностью и ритмомъ. Преобладаніе въ тѣлѣ человѣка перваго свойства вызываетъ лѣнь и неподвижность, почему пища, вызывающая эти свойства, и воспрещается. Точно также слѣдуетъ избѣгать и такой пищи, которая способна вызывать неуравновѣшенность, безпокойство, въ которой преобладаетъ второе свойство матеріи—

подвижность. Остается избирать тотъ родъ пищи, въ которой преобладаетъ ритмичность. Разработана цѣлая система, относящаяся до пищевыхъ веществъ, помогающихъ тѣлу вибрировать въ отвѣтъ на вибраціи высшаго сознанія, когда это требуется.

Слѣдующій шагъ, это—полное овладѣніе своими эмоціями, чтобы человѣкъ никогда не терялъ самообладанія подъ вліяніемъ ихъ. Только когда онъ достигнетъ значительныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи, можно съ безопасностью подвергнуть его методамъ самой Іоги. Когда онъ уже частью очистилъ свое тѣло и научился владѣть своими эмоціями, тогда можно приступить къ упражненіямъ ума, этого „великаго врага“, какъ его называютъ восточные мистики. Это названіе дается уму потому, что онъ привыкъ устремляться къ объектамъ внѣшняго міра, и обыкновенно сила ума измѣряется тѣмъ, насколько онъ быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, схватывая одно, чтобы затѣмъ немедленно обратиться къ другому. Но это-то свойство ума и оказывается самымъ серьезнымъ препятствіемъ, когда начинается развитіе высшихъ ступеней сознанія; послѣдователь Раджа-Іоги долженъ сосредоточить всѣ свои усилія, чтобы успокоить, утишить свой умъ, иначе не удастся развитіе высшаго сознанія, проявленію котораго будутъ постоянно мѣшать болѣе грубыя вибраціи низшаго разума. Упражненія Іоги и состоятъ главнымъ образомъ въ сосредоточеніи мысли на какомъ-нибудь одномъ предметѣ; это достигается главнымъ образомъ работой воображенія, которое создаетъ образъ или картину и сосредоточиваетъ вниманіе исключительно на ней; когда же это достигнуто, вниманіе отвлекается отъ всей картины и сосредоточивается всецѣло на какой-нибудь одной ея точкѣ, а затѣмъ отвлекается и отъ этой послѣдней точки такъ, чтобы умъ остался совершенно свободнымъ отъ всѣхъ представленій. На Западѣ примѣненіе этого метода встрѣчаетъ особыя затрудненія благодаря тому, что умъ европейца несравненно безпокойнѣе въ силу особенностей, которыми отличается эволюція европейскихъ народовъ, да и нетерпѣнія у насъ гораздо больше. При первыхъ же попыткахъ сосредоточить мысль на одномъ предметѣ, мы убѣждаемся, что умъ нашъ гораздо болѣе склоненъ перебѣгать отъ одного предмета къ другому, чѣмъ мы думали. Человѣкъ, считавшій, что обладаетъ достаточно стойкимъ умомъ, убѣждается, что умъ его безпокойно мечется во всѣ стороны, какъ только онъ заставляетъ его сосредоточиться на предметѣ, недостаточно привлекательномъ. Вслѣдствіе этого приходится упражняться цѣлыми годами, чтобы достигнуть сколько-нибудь удовле-

творительныхъ результатовъ, а это кажется черезъ чуръ медленнымъ для людей Запада, для той спѣшной и безпокойной жизни, которую они ведутъ. Если вы дѣлали это въ теченіе предыдущихъ вашихъ жизней, вамъ и теперь удастся достигнуть быстрыхъ результатовъ; но если вы въ первый разъ начинаете, это окажется весьма утомительной задачей; но это неизбѣжно для того, кто желаетъ итти по пути, ведущему къ мудрости, могуществу и служенію. Когда умъ уже значительно сосредоточится, такъ что его легко привести къ внутренней тишинѣ и изгнать изъ него на время всякую мысль, тогда приходитъ время, когда сверхсознаніе предъявляетъ свои права и лишь съ этого момента человѣкъ можетъ начать настоящія упражненія Іоги.

Рядомъ съ такимъ укрѣпленіемъ и постепеннымъ освобожденіемъ ума, необходимы упражненія и въ сосредоточеніи его на какой-нибудь одной мысли, но уже не на внутреннемъ образѣ, а на идеѣ, стараясь какъ бы впитать въ себя все содержаніе этой идеи такъ, чтобы идея всецѣло овладѣла человѣкомъ. При этомъ происходитъ слѣдующее: ментальное тѣло отливается въ форму идеи, такъ что послѣдняя становится какъ бы частью ментальнаго тѣла, и когда это достигнуто, то такія устойчивыя идеи формируютъ и творятъ въ ментальномъ тѣлѣ органы, необходимые для выполненія его дѣятельности. Когда такіе органы разовьются хотя отчасти, сила мысли начинаетъ дѣйствовать черезъ нихъ на астральное тѣло, и въ немъ, въ свою очередь, формируетъ необходимые органы. Мы видимъ здѣсь процессъ, идущій сверху внизъ, по нормальнымъ линіямъ эволюціи—высшее начало строитъ низшее—и болѣе совершенное высшее сознаніе, сформировавъ ментальное тѣло, приступаетъ затѣмъ къ созиданію и тѣла астральнаго. И по мѣрѣ того, какъ человѣкъ изо дня въ день упражняется въ медитаціи и въ сосредоточеніи мысли, сила мысли начинаетъ оказывать вліяніе и на его физическое тѣло, приспособляя его мозгъ для выраженія высшихъ духовныхъ силъ. И когда, подъ конецъ, мысле-токи спускаются внизъ, они находятъ орудіе, способное отвѣчать на ихъ вибраціи, безъ вреда для себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта работа мысли улучшаетъ клѣточки мозга, способствуетъ ихъ росту, дѣлаетъ ихъ сложнѣе, совершеннѣе и создаетъ такимъ образомъ болѣе утонченное орудіе, какъ въ смыслѣ организаціи мозга, такъ и въ смыслѣ способности вибрировать въ отвѣтъ на тонкіе токи духовной энергіи, нисходящей изъ высшихъ сферъ.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, упражненія Раджа-Іоги.

Трудныя, требующія большой затраты времени и упорнаго труда, они бываютъ успѣшны только тогда, когда становятся самымъ важнымъ дѣломъ жизни. Но, вѣдь то же самое можно сказать и о всякой другой наукѣ. Тотъ, кто хочетъ сдѣлаться дѣйствительно великимъ математикомъ, долженъ посвятить на это всю свою жизнь. И вообще, человѣкъ, стремящійся стать выдающимся специалистомъ въ какой бы то ни было отрасли науки, долженъ отдать всѣ свои силы на разработку именно этой отрасли. Можно ли послѣ этого ожидать, чтобы наука о душѣ, эта труднѣйшая, наиболѣе сложная и неуловимая изъ наукъ, потребовала меньше усилій, чѣмъ остальныя науки, имѣющія объектомъ физическіе предметы и познаваемыя черезъ физическій мозгъ?

Если вы подумаете объ этомъ, то вамъ станетъ ясно, что здѣсь повторяется тотъ же законъ, который обязателенъ всюду, и что желающій сдѣлаться адептомъ Раджа-Іоги долженъ сдѣлать это дѣло главной цѣлью своей жизни. И если онъ идетъ правильнымъ путемъ, результаты будутъ таковы: высшее сознаніе разовьется сперва, а затѣмъ уже сформируются и тѣлесные органы, необходимые для его проявленія.

Такой ходъ развитія означаетъ, что когда органъ способенъ къ дѣятельности, то и сознаніе окажется способнымъ проявляться черезъ него; онъ показываетъ, что внутреннее существо человѣка развилось и становится способнымъ справиться со всѣмъ, что встрѣтится ему въ различныхъ сферахъ. И по мѣрѣ того какъ такой человѣкъ будетъ проникать въ одну сферу за другой, онъ убѣдится, что необходимыя для каждой сферы силы развились въ его сознаніи и что всѣ орудія, создавшіяся въ немъ подъ вліяніемъ этихъ силъ, способны отвѣчать на вибраціи каждой изъ соотвѣтствующихъ имъ сферъ.

Я признаю, что этотъ методъ развитія гораздо труднѣе, чѣмъ первый, но зато онъ дѣйствительно приводитъ къ цѣннымъ результатамъ, онъ несомнѣнно ускоряетъ нашу эволюцію и дѣлаетъ нашу жизнь болѣе благородной и болѣе возвышенной. Въ немъ мы познаемъ путь эволюціи, намѣченный божественной Волей для всего человѣчества.

Вся цѣль Раджа-Іоги только въ томъ, чтобы ускорить этотъ путь, но не отклоняться отъ него и не итти противъ него. Именно этимъ путемъ медитаціи и сосредоточенья шли и великіе Учителя прошлыхъ временъ. Они доказали намъ, что это путь вѣрный и безопасный. А то, что пріобрѣтается въ концѣ всѣхъ усилій, до

того безцѣнно, что не можетъ быть выражено никакими словами.

Я все время говорила здѣсь о „Новой Психологіи"; но теоретическое пониманіе ея не болѣе, какъ дѣтская игра для тѣхъ, кто трудится надъ развитіемъ своихъ высшихъ духовныхъ способностей, ибо существуетъ только одинъ мотивъ, который способенъ дать силу, мужество и терпѣніе, необходимыя для того, чтобы пройти весь трудный путь до конца, и этотъ мотивъ—желаніе служить, желаніе быть проводникомъ божественной Воли, проявленной въ процессѣ эволюціи. Можно пройти часть этого пути, одушевляясь желаніемъ возвеличить свое отдѣльное *я*; можно проявить до извѣстной степени и мужество, и выдержку и терпѣніе, вдохновляясь тѣмъ могуществомъ, которое виднѣется на концѣ пути. Но и этотъ мотивъ не выдержитъ, когда трудности, съ которыми приходится бороться, начнутъ вырастать, ибо человѣкъ, руководимый желаніемъ пріобрѣсти силы лишь для своего отдѣльнаго *я*, противится божественной Волѣ, направленной на осуществленіе единства; и хотя такой человѣкъ и можетъ достигнуть чрезвычайно высокой степени интеллектуальности, хотя онъ можетъ довести до высокой степени совершенства всѣ свои оболочки, но онъ не можетъ соприкоснуться съ сокровенной жизнью Духа, которая не знаетъ обособленія и живетъ лишь единствомъ.

Слѣдуя по тѣмъ линіямъ развитія, которыя я здѣсь намѣтила, вы дѣйствительно будете развивать обѣ стороны своего существа: и сознаніе, и орудія сознанія, и жизнь и форму. Но высшій путь, на который устремлены взоры всѣхъ, слѣдующихъ по указанной стезѣ, это путь развитія духовности, которая означаетъ признаніе единства всего живущаго, признаніе того, что всѣ существа живутъ въ единомъ *Я* и что оно живетъ во всѣхъ, что высшее знаніе—то, которое видитъ во всѣхъ одно, и не признаетъ для себя ничего „чужого". Человѣкъ, переступившій черезъ порогъ духовнаго міра, видитъ въ этомъ мірѣ воистину и себя, но лишь какъ часть общей міровой жизни; онъ сознаетъ, что всѣ формы, существующія въ низшихъ сферахъ, принадлежатъ ему, поскольку онѣ относятся до *его* жизни и *его* силъ, и что та отдѣльная форма, ради развитія которой онъ боролся и трудился, на самомъ дѣлѣ принадлежитъ ему, какъ нѣчто обособленное, не болѣе, чѣмъ всѣ другія формы, которыя онъ видитъ въ окружающей его вселенной, жизнь которой едина. И когда глаза его

откроются для величія духовнаго міра, онъ уже не будетъ смотрѣть на различія, существующія между окружающими его существами, и не будетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто отличное отъ нихъ.

Въ преступникѣ, въ человѣкѣ глубоко падшемъ, онъ будетъ видѣть лишь часть самого себя, и образъ преступника будетъ для него его собственнымъ образомъ, не менѣе чѣмъ тотъ, который онъ ранѣе привыкъ отождествлять съ собой. Въ томъ все и величіе и блаженство такой жизни, что она можетъ отождествить себя съ любой формой, какъ бы ничтожна и низменна она ни была, и, изливая часть себя въ эту форму, можетъ поднять ее нѣсколько выше, чѣмъ она могла бы подняться одними собственными усиліями. Вотъ что значитъ быть Спасителемъ міра: не знать никакихъ различій, смотрѣть одинаковыми глазами на святого и на преступника, какъ на проявленія единаго Бога, отождествлять себя одинаково и съ тѣмъ и съ другимъ, и даже болѣе съ низшимъ, чѣмъ съ высшимъ, такъ какъ онъ болѣе нуждается въ помощи, чѣмъ тотъ, кто стоитъ выше. Вотъ что значитъ быть Спасителемъ міра: быть мудрымъ, но лишь для того, чтобы эта мудрость сообщалась всѣмъ темнымъ людямъ и сдѣлала ихъ нѣсколько мудрѣе, благодаря тому, что *одинъ* достигъ знанія; итти въ среду развращенныхъ и нечистыхъ, когда самъ достигъ чистоты, и сдѣлать ихъ нѣсколько чище потому, что *одинъ* достигъ высотъ непорочности; учиться, но лишь для того, чтобы дѣлиться своими знаніями; пріобрѣтать, но лишь для того, чтобы давать; подниматься на высочайшую высоту, но лишь для того, чтобы служить тѣмъ, которые стоятъ на самомъ низу.

Ибо вѣрно, что чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ легче намъ пробудить тѣхъ, кто стоитъ въ самомъ низу, и достигается это не тѣмъ, что мы опускаемся до нихъ, а тѣмъ, что мы чувствуемъ свое единство съ ними. Человѣкъ, въ которомъ пробудилась духовная жизнь, чувствуетъ себя неизбѣжно единымъ со всякимъ грѣшникомъ и дѣлится съ нимъ своей чистотой. Вотъ что разумѣется подъ жизнью духовной, превосходящей всякій разумъ и преодолѣвающей всѣ преграды; въ этомъ—истинное величіе Богочеловѣчества, въ этомъ—реальность духовной жизни. Безполезно всякое развитіе, напрасно всякое ускореніе эволюціи, если оно не преслѣдуетъ этой единственной верховной цѣли: положить конецъ всякой обособленности, не думать болѣе о другихъ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ собственнаго *я*, но знать, что вся вселенная,

заключенная въ сознаніи своего Создателя, содержится также и въ каждой жизни, единой съ Нимъ; знать, что, участвуя въ Божественной Жизни, мы сливаемся все полнѣе со всѣмъ существующимъ во вселенной, ибо воистину лишь къ тому, что отъ Духа, примѣнимы слѣдующія слова:

„Онъ ближе къ тебѣ, чѣмъ твое дыханіе, ближе, чѣмъ руки и ноги твои".

Пер. Е. П.

КОНЕЦЪ.

То, что трудно видѣть, то, что вступило въ потаенное мѣсто и тайно скрыто, это—тайное, древнее; познавъ это свѣтлое путемъ сліянія съ сокровеннымъ *я*, мудрый человѣкъ оставляетъ позади радость и скорбь.

(„Упанишады").

Какъ дождевая вода, павшая на взрытую почву, сбѣгаетъ съ горъ, такъ и тотъ, въ комъ живутъ разныя начала, бросается за ними то въ одну, то въ другую сторону,

Какъ чистая вода, излившаяся въ чистый сосудъ, остается той же самой, таково и Я мудраго человѣка, о потомокъ Готама.

(„Упанишады").

Тотъ, кто знаетъ то, что не мѣняется и въ чемъ твердо пребываетъ познающее я со всѣми его силами, жизнями и существами,—воистину онъ всевѣдущій вступилъ во Все.

(„Упанишады").

„Въ Святомъ Святыхъ Славянъ".

(Аркона въ плѣну).

Мнѣ снится древняя Аркона,
Славянскій храмъ
Пылаютъ дали небосклона
Есть часъ громамъ...
  Я вижу призракъ Святовита
  Средь облаковъ...
  Кругомъ него святая свита
  Родныхъ боговъ...
Славянскій міръ объятъ пожаромъ,
Душа горитъ,
Къ какимъ Ты насъ уносишь чарамъ
Богъ Святовитъ?

(К. Бальмонтъ).

I.

Всякій народъ считаетъ себя избраннымъ народомъ—и онъ *правъ*. Всякій народъ избранъ Создателемъ всѣхъ для явленія міру особеннаго Качества, особеннаго Луча Единой Жизни, какъ каждая религія являетъ особенную степень Духа, Источника этой жизни, но есть лучи свѣтлѣе, хотя не лучше другихъ, есть въ міровой гармоніи аккорды заключительные, среди мистическихъ цвѣтовъ на пути Совершенства есть цвѣты Совершенія. Это „Огнецвѣтъ" нашихъ предковъ. Было дано во Франціи прямое указаніе, что для этого проявленія Духа избрано Славянство *). По старому-старому преданію, Славянство ведетъ свой родъ отъ Индіи и отъ Хеттеи, раньше Византіи имѣвшей символомъ Двойного Орла (у Славянъ: бѣлые Орлы Святовита, черные Орлы Триглава, Орелъ Руси и Орелъ Польши). Хеттеа, можетъ быть, завѣщала намъ и образъ Льва, связавшій насъ съ родной по крови

*) „Cycles" Amaravell'ы въ Lotus bleu 90-хъ годовъ.

Болгаріей и родной по вѣрѣ Грузіей. Врожденное смиреніе „Отреченіе отъ міра“ было въ дѣвственной душѣ нашей расы зародышемъ, могущимъ расцвѣсти „огнецвѣтомъ“, Спасителемъ міра. „Великая тайна Божія есть въ избраніи на скорбь“, говоритъ святая Февронія въ легендѣ „О невидимомъ градѣ“ (русскомъ „Парсивалѣ“) и это почуяли наши поэты. Тютчевъ скорбитъ, что

Не можетъ умъ иноплеменный
Понять всей нашей простоты смиренной.

Владиміръ Соловьевъ говоритъ:

Съ Востока свѣтъ, съ Востока сила!
О Русь...
Какимъ же хочешь стать Востокомъ,
Востокомъ Ксеркса иль Христа?

Отреченіе отъ земного нашего величія, жажда иной славы „новой, чистой“ уже звучитъ и въ гордой одѣ „Россіи“.

Не гордись...
И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаніи сердца сокровенномъ
Законъ Творца пріяла Ты,
Онъ далъ Тебѣ Свое избраніе!..

Но вѣсть объ избраніи, идущая изъ источника авторитетнаго, обязывала къ еще большему смиренію, возбуждала еще большую жажду познанія своего долга, уясненія будущей дороги къ Единому Пути Боголюдей. Основы всякаго будущаго въ прошломъ. Съ надеждой и вѣрой и за всѣхъ насъ, было мной предпринято паломничество къ забытому источнику нашей эзотерической жизни, къ Св. Святыхъ древнихъ Славянъ: въ пустынную нынѣ Аркону на островъ Руяну (нынѣ подъ нѣмецкимъ владычествомъ: Рюгенъ).

II.

Руяна.

Пребываніе мое на Руянѣ, священномъ островѣ всего Славянства, длилось 3 дня. Руяна очень близка отъ материка, но была островомъ уже во времена Атлантиды, что видно изъ показаній арабскихъ хроникеровъ, говорящихъ о ея богатыхъ храмахъ изъ „коралла и изумруда“ и хранящейся въ нихъ „смарагдовой“

доскѣ, исписанной тайнами. Они говорятъ также, что знаніе магіи и изученіе астрономіи было принесено на Руяну прибитыми моремъ къ ея берегамъ краснокожими людьми (расы Толтековъ? *) съ далекаго большого Острова, очевидно, „Руты", части Атлантиды.

На Руянѣ сохранились рядомъ слѣды двухъ вѣрованій: туземнаго и славянскаго.

Терпимость славянъ отвела и на священной Руянѣ мѣсто культу „Нертусъ" на „Черномъ озерѣ" (Нертусъ или Herth'ы), какъ и скоро исчезнувшему болѣе древнему культу, бывшему подъ зодіакальнымъ знакомъ другой эпохи, культу Близнецовъ... Въ одномъ изъ древнихъ храмовъ Руйи, противъ статуи бога, была и статуя его помощницы, его подруги-богини. Но не эти легенды, не эти храмы были святыней первыхъ Славянъ, не въ нихъ было дано ученіе Того, Кто сталъ во главѣ Новой Расы, ея духовнымъ вождемъ и ея первымъ княземъ „Само". Славой, первой духовной святыней былъ храмъ Святовита въ Арконѣ.

III.

Аркона.

Все было покрыто морскимъ туманомъ, когда я впервые попыталась различить изъ Ломэ лежащій напротивъ берегъ, гдѣ высятся скалы Арконы съ маякомъ спасательной станціи.

Въ 9 часовъ вечера вдругъ сквозь серебристую мглу майской ночи сверкнулъ ослѣпительный бѣлый лучъ: маякъ Арконы. Этотъ бѣлый свѣтъ былъ первымъ проявленіемъ ея моему жаждущему воображенію. Рано утромъ небо немного прояснилось; я схожу къ морю, и вдругъ передо мной изъ-за разсѣвающейся сѣроватой мглы выступила, какъ могучій корабль, вся бѣлая скала Арконы съ гордымъ, свѣтоноснымъ профилемъ маяка... Скалы блистали при лучахъ солнца сквозь морскую даль...

Стѣны маяка темно-красныя, темно-краснаго цвѣта были и стѣны храма Святовита и алая завѣса Св. Святыхъ, никогда не поднимавшаяся...

Путь къ Арконѣ (и замѣчательно, что ближайшая къ ней прелестная деревня, вся въ зелени, зовется „Путь", Putgarten) лежитъ черезъ чисто-славянскіе воздушно-зеленые лѣса, настоящіе

*) Scott Elliot: Story of Atlantis.

притоны эльфовъ съ зеленымъ шумомъ весны, съ ясными сводами березъ, льющихъ изумрудный цвѣтъ на узкія лѣсныя дороги. Имена деревень все славянскія: Тревога (увы!), Ломъ, Ловъ, Сосницы, Загаръ и лица русскія—все типы „древлего благочестія“. Послѣдній лѣсъ, густой лѣсъ кедровъ былъ весь въ цвѣту и подымалъ къ печальному сѣрому небу точно миріады красныхъ, какъ кровь, свѣчей, какъ будто все стояли убранныя елки. Если принять Розенкрейцеровское кр. ученіе, что, по смерти, души въ Деваханѣ вліяютъ на типъ страны и растительности, то понятны мертвенность и мгла, среди испареній чернѣющихъ всюду фабрикъ, по всей бывшей землѣ Балтійскихъ Славянъ, гдѣ были замучены наши старшіе братья, гдѣ стояла Ретра съ ея храмомъ психической магіи и храмъ Триглава, храмъ оффиціальнаго культа страны, чистая же сфера Арконы вѣчно хранитъ юность и цѣлебныя силы Руяны. Отсюда шла та „слава“, та внутренняя жизнь Бога—Свѣта, которая дала Славянству его имя.

Аркона на самомъ краю бездны у моря, гдѣ „просторъ воздушный и безгранный“. Кругомъ все пусто, одни поля. Тутъ былъ городъ у ногъ Храма...

И на этомъ же мѣстѣ, у красной башни маяка, въ дымной харчевнѣ для лоцмановъ, спасающихъ суда, виситъ грубый снимокъ со статуи Святовита... Надъ его главой точно крылья или лучи свастики, въ рукахъ –мечъ съ крестообразной рукояткой и рогъ, изъ котораго только одинъ верховный служитель Его могъ пить вино разъ въ годъ...

За стеклами грубо сдѣланнаго шкапа „древностей“: головка бѣлаго орла, бѣлая головка богини съ хеттейскимъ типомъ и на стѣнѣ, среди почернѣвшихъ дротиковъ, небольшое, когда-то бѣлое знамя. Станица ли? Знамя ли Святовита?

Отъ берега, у бѣлѣйшей скалы, гдѣ были „Св. Ворота“, никогда не открывавшихся какъ только для Славянъ, которые имѣли право вступать туда, подходя съ моря, отъ берега идетъ къ маяку тропинка и на ней, случайно, лѣсенка въ 7 ступеней... Тутъ, среди бѣлыхъ весеннихъ цвѣтовъ, я невольно преклоняю колѣна... Кругомъ ни души. Вдали чернѣютъ валы бывшаго укрѣпленія „Яромара“ (нынѣ станція безпроволочнаго телеграфа). Тутъ бились за Аркону въ смертный ея часъ триста ратниковъ Святовита. Вся Аркона была уничтожена и тогда балтійскіе Славяне, наконецъ, перестали защищаться, не желая пережить ее.

Сквозь мглу вѣковъ, какъ Скалы Арконы, выясняются намъ славянскія Мистеріи...

Прежде всего ихъ *простота*...

Только жизнь духа:

1-ая степень: триста воиновъ Святовита, жизнь, добыча, награда которыхъ принадлежала только Ему, *Кшатріи*.

2-ая степень: священнослужители, уже связанные и внѣшними ограниченіями въ одеждѣ и пищѣ. Характерно, что они могли ѣсть все, но лишь оставшееся отъ жертвы.

3-ья степень: гармонизація всей жизни очистившагося духовно и нравственно ученика: высшіе жрецы, учившіеся и магіи.

Но ихъ магія была вся направлена, какъ и жизнь низшихъ степеней, на службу міру: землѣ (астрономіей, содѣйствіемъ урожаю), людямъ (астрологіей, врачеваніемъ), Богу (богослуженіемъ). Только одинъ изъ нихъ могъ пить вино, претворенное въ рогѣ въ рукѣ Святовита. Только одинъ онъ могъ входить въ алтарь въ день Святовита.

У воротъ, въ грязи брошена только что найденная статуя богини, сильно поврежденная. Съ глубокой нѣжностью я кладу руку на ея голову. Это первое прикосновеніе славянской руки за 700 лѣтъ, со дня, гдѣ замерли руки защитниковъ Арконы. У плечъ статуи еще видны слѣды *темной сине-красной почернѣвшей доски*... можетъ доски храма Святовита... Аркона еще жива...

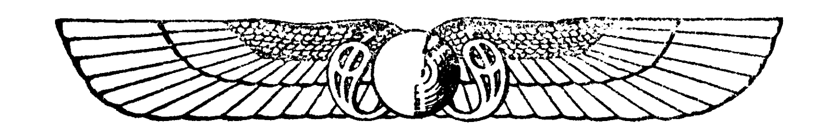

Сквозь мглу послѣдняго утра она еле видна изъ Ломэ. Маякъ исчезъ, бѣлыя тучи клубятся, какъ орлы надъ скалой, иногда вдругъ розовѣющей сквозь туманъ... какъ отблескъ, сіяніе Девахана...

Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое, алое сіянье...
На тайный зовъ душа летитъ...

Сокрушенъ образъ Руководителя Славянской Расы, но разсѣянные лучи его брызнули по всей землѣ... но бѣлые и черные славянскіе орлы парятъ надъ полміромъ... Орлы должны соединиться и быть равными въ служеніи. Россія, въ Свѣтлый Праздникъ свой, день Воскресенія Христова, служащая обѣдню „Новаго Іерусалима“, Россія, обреченная служенію „всей землѣ“, Россія должна услышать громко возвѣщенную вѣсть о призваніи ея къ воскресенію Царства Духа на землѣ, ибо она—самое сердце Славянства,—расы, духовно посвященной въ Арконѣ Богу Свѣта.

Н. Гернетъ.

Синтетическое міросозерцаніе и Монадологическое міропониманіе.

(По поводу двухъ соч. проф. Н. В. Бугаева: 1) „Математика и научно-философское міросозерцаніе“ и 2) „Основы эволюціонной Монадологіи“).

Въ 1903 г. скончался въ Москвѣ извѣстный русскій математикъ Николай Васильевичъ Бугаевъ. Труды его по различнымъ отдѣламъ высшей математики знакомы ученому міру Россіи и западной Европы. Но здѣсь хочу я говорить о Н. В. Бугаевѣ не какъ о математикѣ, а какъ о глубокомъ философѣ. Онъ не оставилъ послѣ себя многотомныхъ сочиненій по философіи. Его глубоко-эзотерическое міропониманіе, очень близкое по духу къ теософіи, вылилось въ двухъ брошюрахъ: 1) *„Математика и научно-философское міросозерцаніе“* и 2) *„Основы эволюціонной монадологіи“*. Первая представляетъ собою докладъ Н. В. Бугаева на Международномъ Математическомъ Конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 1897 году, а вторая—его рефератъ, прочитанный имъ въ Московскомъ Психологическомъ обществѣ въ 1893 г. *). Въ виду глубокаго интереса, какой представляютъ эти два сочиненія для теософіи, я позволю себѣ здѣсь (насколько смогу кратко, но полно) изложить ихъ содержаніе.

I.

Исключительно аналитическое объясненіе міровыхъ явленій *недостаточно*. Присматриваясь къ явленіямъ природы, мы подмѣчаемъ такіе факты, которые не могутъ быть объяснены при помощи только непрерывныхъ аналитическихъ функцій. Такъ, напр.

*) Моск. Психол. общество издало (въ 1899 и въ 1893 г.) эти сочиненія отдѣльными оттисками изъ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“.

(въ физикѣ и въ химіи) въ таблицѣ „простыхъ тѣлъ“ мы видимъ, что характеризующія ихъ числа не подчиняются закону непрерывности. Каждое „простое тѣло“ самостоятельный индивидуумъ. Разсматривая сложныя химическія тѣла, мы также обнаруживаемъ, что они образуются изъ элементовъ, вступающихъ въ химическія соединенія *только въ опредѣленныхъ пропорціяхъ*. Атомистическая теорія указываетъ на *индивидуальныя* особенности въ строеніи вещества, которыя сказываются въ кристаллическомъ строеніи минераловъ. Акустика намъ доказываетъ, что *только опредѣленное сочетаніе звуковъ* производитъ эстетическое впечатлѣніе. Явленія сознанія также представляютъ много сторонъ, *не* подчиняющихся аналитическому взгляду на природу. Итакъ, аналитическое міросозерцаніе *одно недостаточно*. Оно не объясняетъ намъ всѣхъ явленій природы. Міросозерцаніе *синтетическое* указываетъ намъ, что въ міровыхъ явленіяхъ цѣлесообразность играетъ важную роль. Міросозерцаніе это приводитъ къ убѣжденію, что добро, зло, красота, справедливость, не суть лишь иллюзіи, созданныя воображеніемъ человѣка. Оно убѣждаетъ насъ, что корни ихъ лежатъ въ самой сущности вещей, въ самой природѣ міровыхъ явленій. Природа не механизмъ, а—организмъ, въ которомъ дѣйствуютъ самостоятельные самодѣятельные индивидуумы. Въ міровой эволюціи между универсализмомъ и индивидуализмомъ имѣетъ мѣсто не противоположеніе, *а гармонія*. Въ стремленіи человѣка открыть и познать эту гармонію мы должны искать тайну, объясняющую многія явленія душевной жизни человѣчества. Обращаясь къ тѣмъ областямъ знанія, которыя обнимаютъ собою логику, психологію, исторію,—мы убѣждаемся, что индивидуальное и универсальное, конкректное и абстрактное, личное и общественное, интеллектуальное и художественное *взаимно дополняютъ другъ друга*. Мы видимъ, что причинность и цѣлесообразность, необходимость и случайность, самоутвержденіе и самоотрицаніе находятся въ полномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Въ ихъ полярности кроется тотъ жизненный пульсъ, которымъ проникнуто все, что мыслитъ, страдаетъ и любитъ. Истины, выдвигаемыя наукой при помощи *синтетическаго міровоззрѣнія*, не отрицаютъ, а утверждаютъ на прочныхъ основаніяхъ идеальныя стремленія человѣчества къ міровому единству и гармоніи.

II.

Монадологическое міропониманіе, изложенное Н. В. Бугаевымъ въ его сочиненіи *„Основы Эволюціонной Монадологіи"*, имѣетъ нѣкоторое сходство съ міропониманіемъ *Лейбница. „Монадологія"* Лейбница имѣла въ виду дополнить аналитическое міросозерцаніе, которое *одно* онъ также считалъ *недостаточнымъ*. Въ этомъ сочиненіи онъ показалъ, какое важное значеніе имѣетъ *индивидуальность* въ міровомъ порядкѣ. Отличіе формы изложенія Н. В. Бугаева отъ Лейбница состоитъ въ томъ, что первый излагаетъ принципъ *монадологіи эволюціонной*, тогда какъ послѣдній руководится монадологической идеей предустановленной гармоніи.

Монада есть то, что въ цѣломъ рядѣ измѣненій остается неизмѣннымъ. Она есть цѣлое, недѣлимое, единое, неизмѣнное и себѣ равное начало при всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ къ другимъ монадамъ и къ себѣ самой. Монада есть *элементъ*; Монада есть *живая единица* (*Ego*).

Для того, чтобы имѣла мѣсто *жизнь* (проявленная жизнь), нужно, чтобы измѣненіе формы слѣдовало опредѣленному *закону*. Законъ этотъ объясняетъ намъ смыслъ жизни. *Монада низшаго развитія* (т. е., собравшая менѣе опыта на жизненномъ пути) подвигается впередъ отъ своей связи съ *монадой высшаго развитія* и совершаетъ этотъ путь *усиліемъ подняться до высшаго идеала*, являющагося у нея въ связи съ дѣятельностью монады высшаго развитія. Эта же послѣдняя совершенствуется благодаря усиліямъ ея поднять первую до высшаго идеала. Акція и реакція въ дѣятельности монадъ являются необходимыми сторонами проявленной жизни и эволюціи.

Монады являются какъ *простыя монады* (безсмертная *индивидуальность*) и какъ *монады сложныя* (смертная персональность, „личность"). Количество сложныхъ монадъ безгранично большее, чѣмъ количество простыхъ монадъ. Сложныя монады распадаются и входятъ въ образованіе новыхъ комплексовъ (законъ *перепроявленія, перевоплощенія*). „Центральная монада" комплекса можетъ продолжать жизнь комплекса въ другомъ комплексѣ.

Рядомъ съ міровымъ *закономъ сохраненія энергіи*, въ проявленной жизни имѣетъ мѣсто и еще другой законъ: *законъ сохраненія прошлаго* (законъ *Кармы*): „прошлое не исчезаетъ, а

накопляется". Съ этимъ постоянно увеличиваются: психическое содержаніе и потенція духовной жизни монадъ.

Распаденіе сложной монады (смерть „личности") есть только видимое разложеніе. Простая монада, входившая въ нея (т. е., *индивидуальность*), не исчезаетъ, а продолжаетъ развиваться: „Тѣло основной причины" („le corps causal" по теософскому выраженію) сохраняется (это есть то, *„что живетъ, а не умираетъ"*, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ).

Результатомъ этого непрерывнаго развитія является высшее пониманіе міра и большая сумма потенцій для духовной дѣятельности монады въ цѣляхъ осуществленія идеаловъ высшаго порядка.

Основа жизни и дѣятельности монадъ: *совершенствоваться и совершенствовать другихъ*. Ближайшая цѣль жизни монады: другая монада и міръ, а дальнѣйшая: *стать внѣ міра и надъ міромъ, сдѣлавшись предварительно міромъ*. (Идея ученія о *Логосѣ*).

Основа жизни монадъ *этическая*. Принципъ солидарности монадъ (идея всеобщаго братства) есть основной принципъ ихъ взаимныхъ отношеній. Это начало есть *Любовь, Единеніе*.

Индивидуальность и безсмертіе монады всегда сохраняются.

Въ такомъ міропониманіи примиряются исторія и наука, духъ и матерія, пантеизмъ и монотеизмъ, свобода и необходимость,—и пріобрѣтается иное воззрѣніе на *„Страданіе"*: „Страданіе" есть субъективное истолкованіе того, что *гармонія нарушена*. Внутренняя гармонія создается созерцательной дѣятельностью монады.

Совершенствованіе монадъ и міра имѣетъ цѣлью, съ одной стороны, поднять психическое содержаніе монады до психическаго содержанія цѣлаго міра, а съ другой—цѣлый міръ сдѣлать монадой. *Міръ не равенъ себѣ, а постоянно совершенствуется,* ибо въ немъ и въ монадѣ потенціально заключаются всѣ данныя для безконечнаго развитія и блага.

Монада, понятая въ терминахъ протяженія и движенія, можетъ явиться для насъ *атомомъ*, въ терминахъ динамическихъ *центромъ силъ*, въ терминахъ психологическихъ — *духомъ, волей*, а также потенціальнымъ *центромъ чувства, сознанія и побужденія къ бытію и благу*. Всѣ эти опредѣленія монады только *символическія*. Дѣйствительная сущность и происхожденіе монадъ объясняется не интеллектуальной философской системой, а глубокими эзотерическими *ученіями о Безусловномъ*.

Этическіе законы вытекаютъ изъ присущаго монадамъ побужденія къ бытію, дѣятельности, благу и совершенству. Они являются результатами монадологической акціи и реакціи въ связи съ

процессами послѣдовательнаго взаимо-поднятія и подъема монадъ. „Смерть“ есть одинъ изъ процессовъ послѣдовательнаго преобразованія *сложныхъ монадъ* („личность“): *Простыя монады* („индивидуальность“) *никогда не родятся и не умираютъ. Міръ* есть только проэкція или тѣнь („*Maya*“), подъ которой является въ данный моментъ міровой процессъ для нашего сознанія. Въ нашемъ обыденномъ пониманіи, мы наблюдаемъ лишь отрывки этого процесса.

Монадологическое міропониманіе не противорѣчитъ наукѣ и рука объ руку идетъ съ идеальными основами этики и глубочайшими *ученіями о Безусловномъ* (т. е., съ тѣмъ, что составляетъ уже предметъ *эзотерической философіи*).

Человѣкъ есть индивидуумъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *звено въ мірѣ существъ.* Его конкретный и воплощенный образъ, при такой точкѣ зрѣнія, не состоитъ изъ случайнаго собранія атомовъ какъ бездушныхъ камней, а есть, проникнутое во всѣхъ своихъ частяхъ жизнью и духомъ, художественное зданіе, *живой храмъ*, въ которомъ совершаются таинства осуществленія высшихъ цѣлей и задачъ міровой жизни.

П. Батюшковъ.

Москва, 22 апрѣля 1908 г.

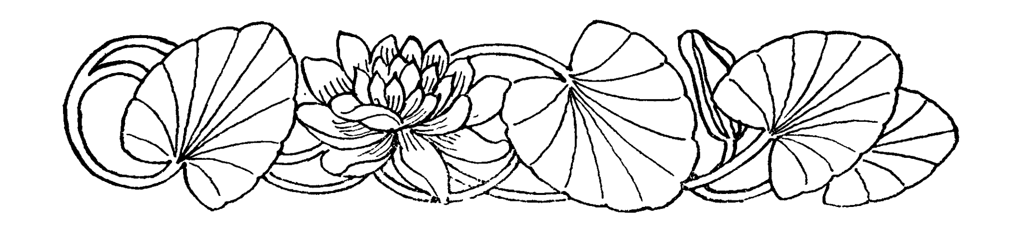

Какъ огонь, будучи единымъ, вступая въ проявленный міръ, претворяется отъ формы въ форму, также и сокровенное Я всего сущаго претворяется отъ формы въ форму и все же пребываетъ внѣ ихъ.

Какъ воздухъ, будучи единымъ, вступая въ проявленный міръ, претворяется отъ формы въ форму, также и сокровенное Я всего сущаго претворяется отъ формы въ форму и все же пребываетъ внѣ ихъ.

Какъ солнце, око міра, не грязнится отъ видимыхъ внѣшнихъ пятенъ, также и внутреннее Я всего сущаго не затуманивается скорьбью міра, но пребываетъ внѣ ея.

(„Упанишады“).

Исторія года.

Глава VI *).

День Рождества—праздникъ рожденія.

Рождество—второй великій праздникъ года; первымъ по значенію считается Свѣтлое Воскресеніе. Слѣдующее описаніе относится къ той же ступени посвященія, какъ и въ Церемоніи Любви, когда цвѣта принимаютъ зеленый и пурпуровый оттѣнокъ.

Чертогъ принялъ розовую окраску блѣднаго цвѣта дикихъ розъ, мѣстами сгущающійся въ болѣе теплые тонà. Съ виду это похоже на облака, напоминающія или большіе букеты блѣдныхъ розъ безъ листьевъ, или же нѣжныя облака на вечерней зарѣ. Мѣстами, гдѣ розовый цвѣтъ сгущается въ болѣе теплые тонá, изъ глубины этихъ алѣющихъ бликовъ появляются зигзаги пламени; это—сверканіе мысли или чувства, которое и есть рожденіе души.

Большая рѣка открыта и свѣтла. Она является совершенно неподвижной, совсѣмъ не видно теченія, и кажется она огромнымъ зеркаломъ, до того ярко отражаетъ ея поверхность. Не видно ни цвѣтовъ, ни травъ, и ничто не нарушаетъ ея тихую гладь.

Ученики приближаются одинъ за другимъ къ ея краямъ, молча глядятъ въ ея глубину и затѣмъ уступаютъ мѣсто входящимъ. Толпа не очень велика.

Это—наиболѣе важное переживаніе во всемъ году, исключая Свѣтлое Воскресеніе, но здѣсь присутствуютъ немногіе по сравненію съ предыдущими Церемоніями потому, что мало кто въ состояніи выдержать ее. Многіе, прошедшіе черезъ все

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 4, стр. 76.

предыдущее, надѣялись найти силу и для этого труднѣйшаго испытанія, но не выдерживали, слабѣли и отступали, даже приблизившись къ самому входу въ Чертогъ. Нѣкоторые, уже вошедшіе, поворачивались назадъ при видѣ неподвижной рѣки, которая въ своей мертвой тишинѣ и нѣмомъ покоѣ и представляетъ испытаніе. Ибо въ часъ рожденія, въ верховный мигъ, душа взираетъ на себя *безъ покрова*.

Въ тихой водѣ возникаютъ картины, которыя складываются для каждаго иначе. Тамъ онъ видитъ свою собственную жизнь, весь развернувшійся свитокъ пережитаго, отраженный какъ въ зеркалѣ, безъ неясности и безъ смягченія, ничѣмъ не прикрытый. Всѣ факты тутъ, передъ глазами, во всей своей простотѣ и наготѣ, безъ оправданія и безъ личины. Иныя повѣсти, передаваемыя водой, иныя выступающія картины прекрасны до того, что самъ глядящій бываетъ часто потрясенъ неожиданной красотой своего поступка изъ давняго прошлаго. Возможно, что онъ дѣйствительно забылъ о немъ, или же старался забыть, немного стыдясь его, ибо иногда люди понуждаются своимъ высшимъ *я* къ дѣламъ болѣе прекраснымъ и болѣе великодушнымъ, чѣмъ сами они могутъ вмѣстить. Другія картины выступаютъ въ постыдной яркости, иныя грязныя, иныя ужасныя. Ученикъ смотритъ, какъ зачарованный, въ эту неумолимую книгу жизни, въ эти обнаженные итоги, которые развертываются передъ нимъ картина за картиной, какъ длинный свитокъ, пока все не будетъ прочтено до конца, и вся сумма жизни не сложится и не подсчитается съ полной точностью.

И только тогда, подавленный разоблаченіемъ всей своей жизни, ученикъ отходить, уступая мѣсто слѣдующему, и переходитъ въ мѣсто, невидимое для остальныхъ, находящихся въ Чертогѣ, мѣсто, называемое „часовней огня“, гдѣ сосредоточенъ тотъ пламенѣющій свѣтъ, который выступаетъ отъ времени до времени изъ средоточій розоваго цвѣта, окрашивающаго стѣны Чертога. Туда вступаетъ ученикъ. Впечатлѣніе подобно тому, какъ если бы онъ вступилъ въ огонь раскаленнаго горна, ярко пылающій, но не обжигающій. Когда человѣкъ проникаетъ въ этотъ огонь, даже и та его часть, которая составляетъ его животную душу, спадаетъ съ него у порога, и онъ остается обнаженнымъ, безъ покрова и безъ какого бы то ни было прикрытія. И онъ принужденъ войти въ ослѣпительный свѣтъ въ такомъ видѣ—неодѣтымъ, неприкрытымъ, беззащитнымъ. И если онъ сможетъ сдѣлать это, если онъ и теперь не обратится назадъ и не бросится

бѣжать, какъ это дѣлаютъ многіе, которые подвинулись такъ же далеко на *пути*, тогда онъ увидитъ *самого себя*. Пламя новаго рожденія вырывается изъ сердца блѣдныхъ розъ, которыми покрыты стѣны, каждый разъ, когда человѣкъ имѣлъ силу и смѣлость, чтобы взглянуть на себя въ этотъ мигъ. Всѣ посвященные, находящіеся внутри Чертога, знаютъ по этому признаку, что онъ прошелъ черезъ испытаніе, избралъ жизнь и родился вновь.

Родившійся переходитъ изъ мѣста огня въ мѣсто безмолвія. „Часовня безмолвія" находится рядомъ съ главнымъ центральнымъ алтаремъ на той же сторонѣ, какъ и „часовня огня". Душа ученика выходитъ изъ пламени и, вступивъ въ мѣсто тишины, остается тамъ до Свѣтлаго Воскресенія, отдѣленная отъ дѣятельной матерьяльной формы человѣка на весь тотъ промежутокъ. И не ранѣе чѣмъ испытаніе Страстной Пятницы будетъ выдержано и останется позади, и божественная часть человѣческой души выстрадаетъ свое послѣднее страданіе и погрузится въ глубину могилы, не ранѣе начнетъ человѣкъ воспринимать вдохновеніе отъ своего высшаго я.

Вотъ отрывки формулы Праздника Рождества:

„Я готовъ быть сожженнымъ и уничтоженнымъ, ибо это и есть рожденіе.

„Я готовъ быть обнаженнымъ и беззащитнымъ и страдать отъ своей обнаженности, ибо это и есть жизнь.

„Я готовъ отказаться отъ чистой радости невыраженной жизни для страданія воплощенной жизни.

„Я покоряюсь, и я готовъ оставить позади себя ту любовь, которая вѣрна, совершенна и непреходяща, и удовольствоваться случайными обрывками и разсѣянными частицами ея, дѣлая усилія, чтобы привлечь ихъ къ себѣ, слить ихъ въ одно цѣлое съ собой.

„Я готовъ странствовать въ матерьяльномъ мірѣ въ темнотѣ и въ огнѣ, дабы круговоротъ невоплощеннаго сталъ единымъ съ воплощеннымъ".

Когда въ Церемоніи Любви бѣлизна была познана, тогда ученикъ начинаетъ слышать Голосъ Безмолвія уже не изрѣдка, не какъ бы чудеснымъ образомъ проникающій въ сознаніе звукъ, но какъ постояннаго руководителя и повелителя. Приказанія достигаютъ духа человѣческаго, и они постигаются его физическимъ разумомъ въ такой полнотѣ, что не только становится ему вѣдомо, какъ повиноваться имъ, но и то, что приказанія эти подлежатъ повиновенію такъ же безусловно, какъ законы природы.

Первыя приказанія, которыя достигаютъ внимающаго духа ученика, бываютъ слышны въ день Рождества, когда онъ узрѣлъ бѣлизну Праздника Любви и поднялся на первую ступень Бѣлаго Братства.

Вотъ слова перваго приказанія:

„Желаніе рожденія въ новую жизнь должно сложиться въ молитву, въ которой выразится усиліе воли. Эта молитва должна пребывать въ душѣ въ теченіе года безъ перерыва и выливаться въ слова каждое утро, въ моментъ пробужденія. Сознаніе и духъ ученика должны съ силою и совершенствомъ сосредоточиваться на этомъ желаніи. Никогда не должно забываться это ежедневное совершенное сосредоточенье. Если ученикъ пропуститъ хотя одинъ день, рѣшимость вступить въ Чертогъ Обученія въ праздникъ Рождества слѣдующаго года будетъ уже не достаточно сильной, чтобы открыть для него тяжелую дверь.

„Ежедневное сосредоточенье воли и мысли должно продолжаться лишь три минуты, три молитвы должны быть сознательно выражены въ душѣ. Это—три желанія, которыя должны отдѣляться отъ всѣхъ остальныхъ желаній:

„Я желаю совершенной силы.
„Я желаю совершеннаго знанія.
„Я желаю совершенной любви".

Пер. Е. П.

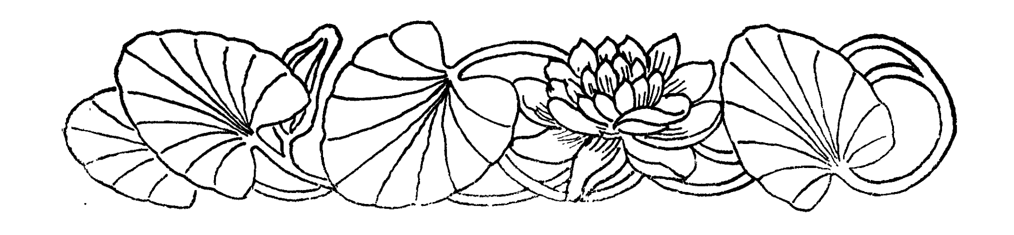
(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Лишь немногіе могучіе смѣло переплывутъ бурный потокъ жизни и смерти, остальные только носятся взадъ и впередъ по теченію въ виду берега.

Даже боги завидуютъ тому, чьи обузданы чувства, какъ кони, укрощенные возницей, кто свободенъ отъ гордости, кто очистился отъ мечтаній.

(Изъ „Дхаммапады").

Теософія въ Голландіи.

Теософическое движеніе возникло въ Голландіи въ 1891 г., когда группа лицъ, серьезно заинтересованныхъ теософіей, тѣсно сплотилась и образовала ядро, изъ котораго со временемъ выросла богатая и интересная Голландская Секція. Движеніе росло медленно, но непрерывно. Въ маѣ 1892 г. былъ основанъ первый теософическій журналъ въ Голландіи „Ежемѣсячное Теософическое Обозрѣніе“, существующій и понынѣ. Въ этомъ же году было переведено и издано нѣсколько теософическихъ книгъ и разослано безплатно всѣмъ интересующимся. Публичныя лекціи стали читаться въ разныхъ городахъ и въ разныхъ аудиторіяхъ, но число членовъ общества росло весьма медленно. Выдающуюся роль въ движеніи сыграла личность талантливой Г-жи Мелеманъ *), съумѣвшей сгруппировать вокругъ себя ядро способныхъ и преданныхъ работниковъ, готовыхъ всѣмъ пожертвовать для блага дѣла. Этотъ тѣсный кружокъ устроилъ общежитіе при помѣщеніи Теософическаго Общества въ Амстердамѣ (Amsteldyk, 76) и въ дружномъ общеніи черпалъ вдохновеніе и силы для работы.

Голландская Секція выработала свою особую систему работы и свои методы пропаганды. Очень озабоченная тѣмъ, чтобы въ общество вступали люди серьезно настроенные и заинтересованные Теософіей, она предлагала каждому члену какую-нибудь, хотя бы минимальную работу, и на этомъ провѣряла серьезность его отношенія къ дѣлу. Такимъ образомъ, члены сразу привлекались къ активному участію; тѣ же, что не желали брать на себя какихъ-нибудь опредѣленныхъ обязанностей, отпадали. Естественнымъ образомъ въ обществѣ сгруппировались наиболѣе цѣнные и серьезно настроенные члены, жаждавшіе помочь дѣлу и служить

*) Умершей въ 1903 г.

ему всѣми силами. Отличительныя черты Голландской Секціи—это пламенный энтузіазмъ и самоотверженная дѣятельность. Можетъ быть въ ея средѣ и нѣтъ столь блестящихъ лекторовъ, какъ въ иныхъ секціяхъ; зато во главѣ ея стоитъ цѣлая фаланга лицъ, беззавѣтно отдавшихъ себя служенію и стремящихся въ самой жизни осуществить то братство, которое Теософія провозглашаетъ.

Въ настоящее время Голландская Секція насчитываетъ болѣе 1.000 членовъ, что составляетъ крупный % по отношенію къ 5-милліонному населенію Голландіи. Въ нѣсколькихъ городахъ имѣются свои центры съ помѣщеніемъ для Общества. Самый крупный изъ нихъ Амстердамскій, имѣющій свой книжный магазинъ и свой складъ и издавшій уже болѣе 140 теософическихъ книгъ разныхъ названій.

Помѣщеніе общества находится все въ томъ же красивомъ и уютномъ домѣ на каналѣ (Amsteldyk, 76), гдѣ пріѣзжіе теософы бываютъ приняты съ самымъ задушевнымъ гостепріимствомъ. При домѣ садъ и довольно большой клочекъ незастроенной земли, пожертвованной Обществу. Здѣсь современемъ будутъ воздвигнуты новыя зданія въ помощь развивающемуся движенію.

Голландская Секція и въ настоящее время очень осторожно принимаетъ новыхъ членонъ. Только тѣ, кто, прослушавъ рядъ систематическихъ лекцій, заявляютъ о своемъ желаніи быть полезными движенію, принимаются въ общество.

Интересно, что въ Голландіи сильно заинтересовалась Теософіей учащаяся молодежь и при нѣсколькихъ университетахъ образовались теософическіе студенческіе союзы. За послѣдніе годы было заключено много браковъ между теософами и это обѣщаетъ новыя, чрезвычайно благопріятныя условія развитія будущему поколѣнію. Возвышенная этика и тотъ свѣтъ, который Теософія проливаетъ на задачи воспитанія, все это должно отразиться на здоровьѣ и на психикѣ голландскаго народа.

Теософскія идеи распространяются и внѣ общества. Наиболѣе популярны—ученія о Кармѣ и перевоплощеніи. Интересно, что въ ложѣ самой оффиціальной Церкви эти идеи живутъ и провозглашаются въ храмахъ съ высоты священнической кафедры. Знаменитый проповѣдникъ докторъ богословія Бэлеръ, пользующійся уваженіемъ и любовью, ярый защитникъ ученія о перевоплощеніи. На основаніи Священнаго Писанія онъ доказываетъ, что оно находитъ себѣ основаніе въ Христіанствѣ, какъ и въ другихъ религіозныхъ системахъ. Его проповѣдь имѣетъ такой успѣхъ, что нѣкоторые представители Церкви всполошились и два года

тому назадъ докторъ Бэлеръ долженъ былъ предстать передъ архiепастырскимъ судомъ. Онъ былъ оправданъ, но процессъ этотъ, распространившiй еще больше славу знаменитаго проповѣдника, взволновалъ всю Голландiю. Петицiи, резолюцiи, пламенныя письма сочувствiя заполонили всю перiодическую печать. Во всѣхъ этихъ посланiяхъ страстно защищалась свобода совѣсти, свобода духа голландскаго народа и открыто заявлялось, что, въ случаѣ осужденiя доктора Бэлера и признанiя его еретикомъ, громадная часть правовѣрныхъ уйдетъ съ нимъ изъ лона Церкви и образуетъ свою новую, Свободную Церковь, основанную на началахъ братской терпимости и на признанiи полнѣйшей духовной свободы. Церковь уступила общественному мнѣнiю и оправдала Бэлера; этимъ мудрымъ актомъ терпимости она сохранила въ своей средѣ, какъ выдающагося священнослужителя, такъ и многихъ цѣнныхъ искреннихъ людей, не способныхъ отказаться отъ права свободнаго изслѣдованiя религiозныхъ вопросовъ.

Сильно интересуетъ голландцевъ вопросъ объ уничтоженiи войны и замѣнѣ ея третейскимъ судомъ. Голландцы вѣрятъ въ свою миротворческую миссiю и много работаютъ въ этомъ направленiи. Они надѣются, что, при своемъ нейтральномъ положенiи и при могущественной помощи Теософическаго ученiя, Голландiи первой удастся рѣшить вопросъ объ отмѣнѣ войны и стать примѣромъ въ этомъ отношенiи для другихъ Европейскихъ державъ. Они вѣрятъ, что ихъ миссiя есть миссiя мира.

Теософическое движенiе разрослось не только въ самой Голландiи, но и въ колонiяхъ ея. Такъ оно имѣетъ центръ на островѣ Явѣ, гдѣ движенiе сильно распространяется. Одинъ изъ членовъ на Явѣ, бывшiй капитанъ Армiи Спасенiя, Г. Р. Ниландъ, организовалъ теософическiй Союзъ по плану извѣстнаго романа Беллами: „Черезъ 200 лѣтъ“, имѣющiй цѣлью немедленное преобразованiе всѣхъ основъ современной жизни. Союзъ сильно ростетъ и имѣетъ въ Голландiи свой органъ: Пiонеръ (Baanbreker), свой центръ и свой вегетарiанскiй пансiонъ.

Въ Южной Африкѣ работаетъ 7 теософическихъ кружковъ, имѣющихъ свой центръ въ Лагосѣ.

Искренность и глубина настроенiя Голландской Секцiи особенно ярко и трогательно выразилась въ годину несчастной Бурской войны. Несмотря на всю остроту и боль политическихъ переживанiй, Секцiя не утратила свой ясный, миролюбивый характеръ и послала на международный теософическiй съѣздъ въ Англiи такое количество представителей, что всѣ Секцiи, кромѣ Британ-

ской, оказались въ меньшинствѣ. Теософскую идею братства и духовнагò единства Голландская Секція съумѣла поставить на такую высоту, что передъ нею замолкли и голосъ оскорбленнаго національнаго достоинства и голосъ попранной справедливости, и всѣ мучительныя личныя переживанія голландцевъ. Страшное испытаніе не поколебало ихъ любви и довѣрія къ своимъ братьямъ-англичанамъ и они явились на теософическій съѣздъ въ Англіи какъ-бы живымъ символомъ той духовной объединяющей силы, которую несетъ съ собою Теософія.

Распространенію Теософскихъ идей въ Голландіи содѣйствуютъ также разныя родственныя движенія и общества, такія какъ „Общество борьбы съ матеріализмомъ" въ Лейденѣ и движеніе, именуемое „La philosophie cosmique" (міровая философія).

Alba.

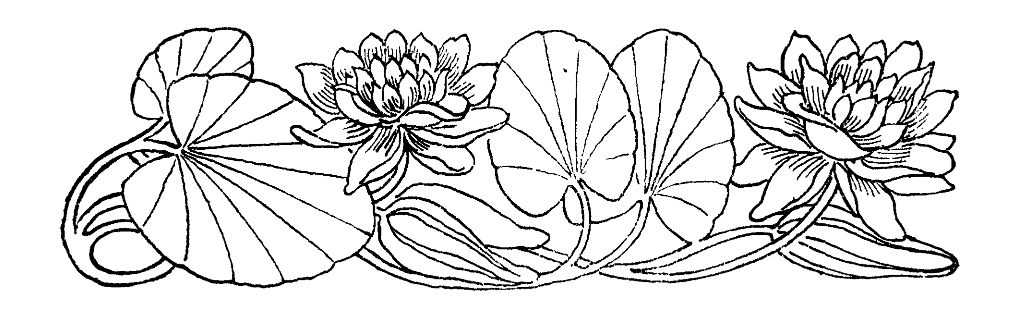
Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 29 марта 1908 г. помѣщенъ фельетонъ К. Тимирязева, подъ заглавіемъ „Антиметафизикъ". Отмѣчая все болѣе и болѣе усиливающійся въ обществѣ интересъ къ мистицизму, авторъ возстаетъ противъ стремленій установить союзъ мистицизма съ наукой и полагаетъ, что насущная задача современнаго естествознанія заключается въ борьбѣ съ этой тенденціей метафизики опереться на область положительныхъ знаній. Въ развитіе своихъ взглядовъ, г. Тимирязевъ приводитъ лекцію физика-философа Л. Больцмана, читанную имъ въ вѣнскомъ философскомъ обществѣ 21 января 1905 г., „Объ отношеніи метафизики къ наукѣ и къ жизни вообще". По мнѣнію профессора Л. Больцмана, „духъ и воля не представляютъ нѣчто независимое отъ тѣла, а только безконечно сложное дѣйствіе частицъ матеріи", „воля, представленіе и самосознаніе—лишь высшія ступени развитія физико-химическихъ силъ матеріи". Когда человѣчество станетъ на эту точку зрѣнія, „тогда все въ психологіи станетъ яснымъ" и „человѣчество избавится отъ той умственной мигрени, имя которой—метафизика".

Достаточно прочесть хотя бы книгу профессора Челпанова „Мозгъ и душа", чтобы убѣдиться, что воля и сознаніе не могутъ быть объяснены дѣйствіемъ однѣхъ только физико-химическихъ силъ матеріи.

Какъ извѣстно, профессоръ Л. Больцманъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Отвѣтимъ К. Тимирязеву словами проф. Л. Больцмана изъ той же лекціи: „Если бы какая-либо этика привела придерживающееся ее племя до самоуничтоженія, она тѣмъ самымъ была бы опровергнута".

К. Д.

Обозрѣніе Теософической литературы.

Съ апрѣля настоящаго года появился новый французскій органъ теософическаго движенія: „Annales Théosophiques, recueil trimestriel de Conférences et de travaux originaux“. Этотъ журналъ будетъ появляться четыре раза въ годъ. Его задача—знакомить теософовъ съ работой французской секціи, какъ уже было сказано*), печатая наиболѣе интересные лекціи и доклады, читаемые въ различныхъ теософическихъ центрахъ. Редактируетъ его Gustave Revel, извѣстный литераторъ и психологъ, авторъ „Le mécanisme de la pensée“, „Les mystiques et la science“ и др. Программа обѣщаетъ быть интересной.

Въ первомъ № напечатаны: лекція полковника X., читанная въ Марселѣ въ 1907 г., „О роли чиселъ въ проявленной вселенной“, имѣющая эпиграфомъ слѣдующія слова Тайнаго Ученія Е. П. Блаватской: „Число лежитъ въ основѣ формы и руководитъ звукомъ. Число есть корень проявленной вселенной; числа и гармоничныя пропорціи лежатъ въ основѣ тѣхъ первыхъ дифференціацій, которыя дѣлятъ однородную субстанцію въ разнородную, а число, какъ и числа, налагаетъ границы на творческую руку природы“. Статья написана живо и интересно и изобилуетъ формулами и рисунками.

Затѣмъ идетъ статья Ипполита Дрейфуса о Беаизмѣ, читанная въ декабрѣ 1907 г. въ Парижѣ. Авторъ даетъ прежде всего краткій очеркъ новыхъ религіозныхъ теченій въ Персіи, возникновеніе и распространеніе бабизма, смерти Баба и его ближайшихъ учениковъ и затѣмъ рожденія новаго теченія—беаизма. Въ теченіе

*) Смотри „Вѣстникъ Теософіи“, апрѣль, Теософія во Франціи“.

всей своей замѣчательной жизни, Бабъ, проповѣдуя свое ученіе чистоты и милосердія, постоянно повторялъ, что онъ только уготовляетъ путь Тому, кто долженъ прійти за нимъ. Послѣ его казни бабиты ждали появленія обѣщаннаго Учителя и привѣтствовали Его въ лицѣ Беа-Улла. Изгнанный изъ Персіи съ нѣсколькими другими бабитами, онъ основалъ въ Багдадѣ братство, пріобрѣвшее скоро большое вліяніе. Султанъ призвалъ его въ Константинополь, затѣмъ отправилъ его въ крѣпость Акру, надѣясь, что плохой климатъ и неблагопріятныя мѣстныя условія прекратятъ дѣятельность Беа-Уллы. Но его расчетъ не оправдался. Беаизмъ сталъ все сильнѣе распространяться, завоевывая себѣ послѣдователей среди приверженцевъ самыхъ разнообразныхъ религій. Умирая въ 1892 г., Беа-Улла оставилъ своему сыну Абдул-Беа завѣтъ хранить его ученіе и распространять его въ мірѣ Беаиты признали его своимъ Учителемъ, и беаизмъ не только продолжаетъ сильно распространяться на Востокѣ, но онъ начинаетъ проникать и на Западъ и привлекаетъ вниманіе многихъ вдумчивыхъ мыслителей. Въ чемъ же сила этой новой религіи? Чѣмъ она такъ покоряетъ сердца своихъ приверженцевъ? Сила беаизма въ томъ, что это не мѣстная секта и не узкое религіозное теченіе, а религія всемірная, проповѣдующая единство всѣхъ религій и братство всѣхъ народовъ. „Религіи, говоритъ Беа-улла, составляютъ одну великую пирамиду, по гранямъ которой живутъ различные народы и борятся изъ-за преобладанія. Если бы вмѣсто войны они бы подняли глаза и попытались приблизиться къ Богу, то они бы скоро встрѣтились на вершинѣ пирамиды, на которой сіяетъ единая Истина, выраженная различно въ каждой религіи. Боговдохновенные люди, пророки и святые, во всѣ времена появлялись въ мірѣ и приносили на землю Евангеліе Божественной Истины; но возвѣщали они его въ различной формѣ, смотря по времени и историческимъ условіямъ того народа, среди котораго они появлялись“. Интересно, что въ программу беаизма входятъ и реформы соціальныя. Миръ, уничтоженіе войнъ, учрежденіе третейскихъ судовъ, соціальное равенство—все это беаизмъ ставитъ на своемъ религіозномъ знамени. Достоинство и духовная сила должны лежать въ основѣ соціальной іерархіи, а не капиталъ, каста или какія-либо иныя внѣшнія отличія. Беаиты мечтаютъ о всемірномъ языкѣ, который сблизитъ всѣ націи между собою, и стремятся въ жизни осуществлять проповѣдуемое ими братство. Въ Бирмѣ и въ Индіи уже много братствъ беаитовъ, въ которыя вошли буддисты, мусульмане разныхъ толковъ, христіане и евреи.

Они живутъ въ самой тѣсной дружбѣ и въ полномъ духовномъ единеніи. „Они живутъ—пишетъ авторъ—въ такомъ братскомъ единеніи и любви, ихъ жизнь такъ проста и чиста, что невольно вспоминаются первые вѣка христіанства и первые христіане“.

Ученіе Беа-Улла хранится въ краткихъ записяхъ подъ названіемъ „Скрижалъ“. Въ одной изъ этихъ Скрижалъ (Скрижала 7 долинъ) очерченъ путь исканія Бога.

Путникъ, идущій отъ земной обители къ небесной отчизнѣ, проходитъ черезъ 7 долинъ, 7 градовъ. Первая долина—долина Исканія. Здѣсь путникъ начинаетъ отрекаться отъ земли и страстно ищетъ Бога, не теряя мужества и терпѣнія. Если онъ пойметъ реальность невидимаго и соприкоснется съ міромъ духовнымъ, то онъ вступитъ во вторую долину—долину Любви. Здѣсь онъ долженъ научиться самоотверженной любви и понять смыслъ страданія. Когда онъ этого достигъ, онъ вступаетъ въ долину Знанія. Здѣсь его озаритъ свѣтъ пониманія: тайна жизни и смерти откроется ему. На этомъ этапѣ путникъ, видя конецъ всего, умѣетъ найти миръ среди раздора и примиреніе среди разъединенія. Это послѣдняя ограниченная долина, гдѣ еще личность не умерла. Научившись пониманію и миру, путникъ вступаетъ въ долину Единства. Здѣсь разрываются всѣ завѣсы, отдѣляющія другъ отъ друга различныя проявленія, и путникъ постигаетъ единство всего существующаго. Солнце едино, но свѣтъ его различно отражается-смотря по мѣсту и качествамъ отражающаго предмета: стѣна, крыша, какое-нибудь препятствіе могутъ задержать свѣтъ. Ограниченные этими препятствіями, люди видятъ голубые, желтые или красные лучи и ссорятся между собою изъ-за цвѣта, въ которомъ имъ представляется свѣтъ. Тѣ же, кто выпилъ „вина единства“, больше ничего не видятъ кромѣ солнца. Затѣмъ путникъ вступаетъ въ долину Богатства, гдѣ въ радости тонутъ всѣ страданія: духовное блаженство озаряетъ его. Затѣмъ путникъ вступаетъ въ долину Тревогъ, гдѣ новые міры раскрываются ему; здѣсь путникъ долженъ найти свой путь среди опасныхъ очарованій и страшныхъ бурь. Одна тайна за другой раскрываются передъ нимъ. Наконецъ онъ вступаетъ въ послѣднюю долину—долину Полнѣйшаго Отреченія, гдѣ онъ потеряетъ себя, чтобы найти новую жизнь; отказавшись отъ себя, онъ найдетъ Бога и сольется съ нимъ навсегда.

Таковъ конецъ пути по ученію беаизма.

Третья статья, помѣщенная въ Annales Théosophiques, „Данныя о Западномъ Герметизмѣ“, Эд. Дассъ. Авторъ видитъ въ За-

падномъ Герметизмѣ три теченія: ученіе о рокѣ, ученіе воли и ученіе мистики. Первое отживаетъ свой вѣкъ; второе, лишенное любви, можетъ привести къ опаснымъ оккультнымъ переживаніямъ; третье авторъ называетъ „высшей магіей“ и суммируетъ его въ словахъ Христа: „Любите другъ друга“. Авторъ приходитъ къ заключенію, что всѣ оккультныя теченія, опирающіяся на любовь, идутъ къ одному и тому же Центру. Цѣли совпадаютъ, хотя пути различны.

Въ „Revue Théosophique“ (Le lotus bleu) идетъ продолженіе интересныхъ статей доктора Т. Паскаль „О сознаніи“, переводъ статьи А. Безантъ „Учителя мудрости“ и продолженіе „Тайнаго Ученія“, В. П. Блаватской.

„Theosophical review“ даетъ отрывки изъ книги Мертвыхъ, продолженіе миѳа о змiѣ, статью Дж. Мида: Мистическая реальность, Изящный очеркъ Фіоны Маклеодъ, Письма отшельника къ своей духовной дочери, М. Уда и Разсказъ о привидѣніяхъ Э. Дуката.

Во второй части изслѣдованія миѳа о змiѣ авторъ вспоминаетъ злого Египетскаго Тифона, убитаго Горусомъ-Солнцемъ. Та же идея находится въ греческомъ змiѣ Тифонѣ, убитомъ Солнечнымъ богомъ Аполлономъ. Игры въ Дельфахъ назывались Пифійскими, а жрица при храмѣ Аполлона—Пифіей. Эмблема змія является снова въ рукахъ Гермеса, вѣстника боговъ Олимпа, Меркурія Римлянъ. Извѣстная палочка Меркурія, кадуцей, состоитъ изъ двухъ переплетенныхъ змѣй, надъ которыми распростерты бѣлыя крылья. Кадуцей имѣлъ магическую силу, онъ могъ заставить заснуть и пробудиться и давалъ исцѣленіе. Во всѣхъ священныхъ писаніяхъ мы встрѣчаемся со змѣемъ. Змѣй—искуситель, змѣй на жезлѣ Моисея, огненные летучіе змѣи пророка Исаія, всѣ эти эмблемы въ Библіи употребляются то какъ символы зла, то какъ высшее начало. Какъ характерный случай послѣдняго, вспомнимъ мѣднаго змѣя, на котораго Моисей велѣлъ народу смотрѣть, чтобы исцѣляться. Богословы, какъ извѣстно, видятъ въ мѣдномъ змѣѣ обѣщаніе грядущаго Спасителя. На небѣ среди многихъ созвѣздій мы видимъ и Небеснаго Змѣя; символизмъ древнихъ проникъ и въ астрономію. Западныя оккультныя школы Герметическихъ философовъ, которые были подъ сильнымъ вліяніемъ средневѣковыхъ Розенкрейцеровъ, приняли нѣкоторые символы змѣя изъ Каббалы и примѣшали къ нимъ древнехалдейскія отчасти арабскія астрономическія и астрологическія понятія. Очень красивъ древній Тау, обвитый змѣемъ. Всюду, гдѣ мы имѣемъ

дѣло съ религіозной системой или какимъ-нибудь оккультнымъ теченіемъ, всюду мы встрѣчаемъ символъ змѣя.

Въ статьѣ Гладисъ Джонса: „Философія мечтателя", развивается мысль, что міровая Душа, Космическое сознательное Эго, проявляющееся въ красотѣ вселенной, познается непосредственнымъ соприкосновеніемъ въ тѣ минуты, когда внѣшнія чувства молчатъ; это та минута, когда духъ человѣка раскрывается. Прикосновеніе къ природѣ, воспріятіе ея непосредственной красоты, есть первый шагъ къ пониманію религіознаго настроенія. Тотъ, кто умѣетъ приходить въ гармонію съ внѣшней красотой, тотъ научится и сливаться съ божественнымъ ея источникомъ.

Въ „Theosophist'ѣ" идетъ продолженіе „Ученицы", Мабель Коллинзъ; Надежда Индіи, Сикера; Питаніе человѣка, Э. Лонга; Письма Учителя Суфи; Байжатъ Синга; научныя письма доктора Эпеля; О познаніи сверхчувственныхъ міровъ, д-ра Штейнера; Оккультная химія, Анни Безантъ и ея же статья объ орденѣ служенія при Теософическомъ Обществѣ.

Въ своей статьѣ Анни Безантъ предлагаетъ учредить при Теософическомъ Обществѣ орденъ активнаго служенія, въ который бы вступали всѣ лица, сочувствующія задачамъ этическимъ, гуманитарнымъ и просвѣтительнымъ. Вступающіе будутъ дѣлать не денежный взносъ, а трудовой, каждый посильно участвуя своей работой въ общемъ дѣлѣ. Цѣль этого союза внести Теософическое настроеніе въ самую жизнь и имъ озарить разнообразное и широкое поле человѣческой дѣятельности. Сюда могутъ входить люди самыхъ разнообразныхъ міровоззрѣній и толковъ, объединенные лишь общимъ настроеніемъ и общею цѣлью.

„Hindu College Magazine" даетъ рядъ статей на педагогическія темы (Школьные музеи, Учащаяся молодежь, Развитіе новой школы въ Индіи). Двѣ статьи посвящены религіозной терпимости и одна возрожденію Индіи. Вся книжка проникнута горячей любовью къ индусскому народу и глубокой вѣрой въ его будущее.

„Lotus Journal" продолжаетъ свои интересные очерки о героической жизни; кромѣ того напечатаны конецъ статьи А. Безантъ объ Учителяхъ мудрости, прелестная сказка Дукворта: Лѣтній день рожденія (конецъ), біографія великаго музыканта Ю. С. Баха и задушевный разсказъ Е. Северсъ „Обѣщаніе Джека".

Въ болгарскомъ журналѣ „Путь въ Тебѣ", помѣщены: Исканіе Бога, Анни Безантъ, и Мистическое значеніе праздника воскресенія, Гартмана.

Апрѣльскій № „Теософическаго Обозрѣнія“ посвящаетъ статью Пасхѣ настоящей и Пасхѣ будущей; продолжаются „Идиллія Бѣлаго Лотуса“ и очеркъ „Духовныя легенды Индусовъ“, Санина, „Два года въ городѣ счастія“, Странника; еще напечатаны двѣ статьи Мищенко (Воображеніе и его воспитаніе и статьи о метеорологическихъ предсказаніяхъ), два-три хорошенькихъ разсказа въ дѣтскомъ отдѣлѣ. Продолжается систематическій курсъ эсперанто и статья о беаизмѣ, подъ заглавіемъ „Современное религіозное движеніе въ Персіи“, въ которой находимъ интересныя извлеченія изъ Скрижалъ Беа-Улла. Взаимныя отношенія людей между собою такъ опредѣлены Мусульманскимъ Учителемъ: „Вы, листья одного и того же дерева. Будьте добры одинъ къ другому“.

Alba.

Зломъ воздаетъ тебѣ твой врагъ, больно отплатитъ ненавистникъ, но несравненно горшее зло принесетъ тебѣ заблуждающійся умъ.

Ни отецъ, ни мать, ни родные, ни близкіе не сдѣлаютъ тебѣ такъ много добраго, какъ твой умъ, если изберетъ онъ вѣрный путь.

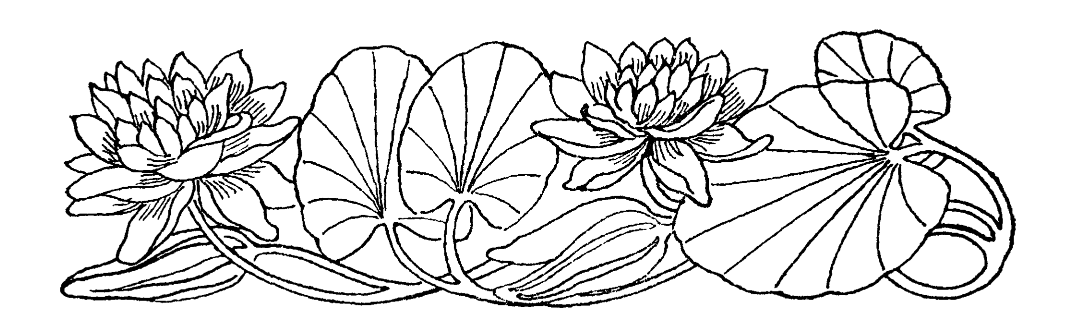
Какъ пчела, облетая цвѣты, лишь собираетъ съ нихъ медъ, но не вредитъ имъ, не уноситъ съ собой ихъ аромата и цвѣта, такъ и мудрый проходитъ по селеніямъ.

Много прекрасныхъ вѣнковъ можно сплести изъ полной корзины цвѣтовъ; много прекраснаго можетъ внести въ жизнь свою смертный.

Всю жизнь проведетъ глупецъ подлѣ мудраго и ни мало не познаетъ истины, какъ никогда ложка не познаетъ вкуса пищи.

И на одну только минуту сойдясь съ мудрымъ, разумный человѣкъ познаетъ истину, какъ языкъ немедленно ощутитъ вкусъ пищи.

(Изъ „Дхаммапады“).

Научное обозрѣніе.

Велика должна быть радость зрячаго, когда онъ замѣчаетъ, что ослѣпшій братъ открываетъ глаза и внимательно присматривается къ окружающему міру. Такова же радость религіозно настроеннаго человѣка при видѣ пробуждающагося въ другомъ интереса къ духовнымъ вопросамъ. Это чувство испытывается особенно глубоко, когда европейскій ученый, прошедшій матеріалистическую школу западныхъ университетовъ, рѣшается приступить къ одной изъ тѣхъ задачъ, изслѣдованію которыхъ философы-мистики всѣхъ временъ посвящали свою жизнь. Для большинства человѣчества значеніе имѣетъ именно голосъ подобныхъ людей, которые испили чашу отрицанія до дна и которые съ высоты своихъ каѳедръ, передъ многочисленными слушателями и учениками, долгіе годы подкрѣпляли силу своего невѣрія доводами, почерпнутыми изъ тщательнаго изученія внѣшней природы. Поэтому мы считаемъ чрезвычайно отраднымъ и знаменательнымъ явленіемъ существованіе періодическаго журнала „Annales des sciences psychiques", печатающагося одновременно во Франціи и въ Англіи, подъ эгидой крупныхъ ученыхъ, какъ-то: Ломброзо, Фламмаріонъ, Максвель, Круксъ, Морселли и др. Какъ указываетъ его заглавіе, этотъ журналъ посвященъ изслѣдованіямъ явленій медіумизма, телепатіи, ясновидѣнія, предчувствія и проч. Изученіе вновь нарождающихся въ человѣкѣ способностей и научное изслѣдованіе явленій, которыя считаются еще многими плодомъ досужей фантазіи, несомнѣнно, является крупнымъ успѣхомъ въ исторіи духовнаго развитія современнаго человѣчества.

Однако, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить, что, для установленія существованія загробнаго міра и въ особенности для

доказательства безсмертія души, матеріализація развоплотившихся жителей земли не можетъ считаться желаннымъ и правильнымъ доказательствомъ. Важно не то, чтобы, ставъ болѣе совершенными, наши органы чувствъ научились различать незримые цвѣта и не воспринимаемые нынѣ звуки, а чтобы черезъ эти явленія человѣкъ позналъ законы вселенной и направилъ свою жизнь въ соотвѣтствіи съ ними. Дальше извѣстныхъ сферъ не проникнетъ и усовершенствованный глазъ человѣка; для этого нужно обладать другимъ зрѣніемъ, внутреннимъ, духовнымъ, развитіе котораго неразрывно связано съ работой внутренняго очищенія и роста.

Какъ говоритъ д-ръ Штейнеръ въ одной изъ своихъ статей, психизмъ есть стремленіе матеріализировать духовное, вмѣсто обратнаго процесса, т. е. одухотворенія матеріальнаго. Какъ бы блестящи ни были результаты, они неминуемо будутъ ограничены проявленіемъ формъ, болѣе и менѣе приспособленныхъ для воспріятія ихъ нашими физическими органами. Увидимъ ли мы только руку или цѣлый призракъ, услышимъ ли мы на разстояніи двухъ шаговъ или двухъ миль мелодію, производимую незримыми руками, чувства наши не облагородятся, мысли не очистятся, духовный міръ не обогатится. Удачные опыты, научно обставленные сеансы убѣдятъ воочію лишь въ томъ, что существуютъ сверхфизическія силы и тѣмъ, кому, какъ Ѳомѣ, нужно вложить руку въ рану, чтобы повѣрить въ ея реальность, явленія „духовъ“ могутъ открыть закрытые дотолѣ глаза. Но есть и опасности на томъ пути. Первой жертвой является, конечно, медіумъ, а за нимъ многія лица, которымъ подобные опыты расшатываютъ неподготовленную нервную систему. Вѣдь для того, чтобы безтрепетно пожать руку „привидѣнія“ и спокойно вынести его прикосновеніе, уже не говоря о такихъ явленіяхъ, которыя въ корень подрываютъ общепринятыя понятія о незыблемости основныхъ физическихъ законовъ (какъ напр., законъ о притяженіи), надо знать причины ихъ возникновенія. Не имѣя же того знанія и констатируя только проявленіе того, что принято называть сверхъестественнымъ, человѣку угрожаетъ потеря внутренняго равновѣсія.

Отмѣчаемъ въ 3-мъ номерѣ сего года (1 февраля) статью Пикеринга и Садгрова, въ которой указывается на существованіе двухъ метапсихическихъ школъ или теченій. Тогда, какъ англійскіе и американскіе наблюдатели придаютъ мало значенія физичискимъ явленіямъ, европейскіе изслѣдователи стоятъ за ихъ объективную, несомнѣнную реальность (за исключеніемъ Флурноа и

Жане). Это отношеніе ярко выразилось въ рѣчи проф. Рише, произнесенной имъ въ англійскомъ обществѣ психическихъ изслѣдованій, въ которой онъ указывалъ на „стуки“ безъ прикосновенія и на простыя телекинетическія движенія, какъ на установленные факты.

Что касается объясненій физическихъ явленій, то большинство европейцевъ воздерживаются отъ него или ищутъ его въ біологической энергіи сензитива и присутствующихъ. Это толкованіе объясняется тѣмъ, что большинство европейскихъ наблюдателей біологи, тогда какъ Ломброзо, какъ антропологъ и психіатръ, склоненъ допустить вмѣшательство „экстракосмическихъ“ разумныхъ силъ (intelligence ?). Къ этому мнѣнію присоединяются и нѣкоторые англійскіе и американскіе ученые.

Согласно наблюденіямъ Рише и Максвель, физическія явленія связаны съ агентомъ, проявляющимъ сознательность, волю и даже способность сужденія; съ этой точки зрѣнія его сходство съ человѣческой индивидуальностью велико. Но пока этотъ фактъ не будетъ окончательно опровергнутъ или установленъ, большого успѣха ожидать нельзя.

Существуетъ 3 соперничающихъ между собой ученія о человѣческой личности (подъ которой мы подразумѣваемъ непрерывность сознанія, связаннаго съ критической способностью, со способностью сужденія и волею).

1. По первой гипотезѣ психическая индивидуальность и единство сознанія являются просто результатомъ строенія и дѣятельности нервной системы. Это мнѣніе поддерживалось нѣкоторыми морфологами и физіологами послѣдней половины XIX столѣтія, но оно подверглось строгой критикѣ со стороны такихъ ученыхъ, какъ Sir Oliver Lodge и философъ натуралистъ Romanes.

2. Согласно второй гипотезѣ человѣческая личность есть результатъ функціональной ассоціаціи и взаимодѣйствія психической нематеріальной сущности и матеріальной нервной системы. Это мнѣніе можетъ быть двояко разсматриваемо: а) нервная система и органы чувствъ опредѣляютъ содержаніе сознанія; психическая же индивидуальность обусловливаетъ только форму его. По этому воззрѣнію, вѣра въ непрерывность памяти, отдѣленной отъ всякой психической дѣятельности, не можетъ быть принята.

3b) Психическая сущность обладаетъ непрерывной памятью, независимою отъ нервныхъ элементовъ. Форма и содержимое душевной дѣятельности всецѣло относятся къ психической сущности. Тѣло же разсматривается какъ механизмъ, предназначенный для

воспріятія впечатлѣній, идущихъ изъ физическаго міра, и какъ орудіе для воздѣйствія на тотъ же міръ. Это воззрѣніе устанавливаетъ возможность существованія человѣческой личности послѣ смерти тѣла.

Изученіе природы человѣка можетъ быть направлено или на доказательства существованія его, независимо отъ тѣла, или на доказательства того, что содержаніе сознанія можетъ подвергнуться какому нибудь вліянію безъ физическаго воздѣйствія. Если допустить, что впечатлѣнія могутъ передаваться сверхчувственными путями, то полное изслѣдованіе природы телепатіи и телестезіи должно привести къ принятію или отрицанію матеріалистическаго монизма.

Сверхчувственныя впечатлѣнія могутъ быть разсматриваемы съ 3 точекъ зрѣнія:

1. На нихъ можно просто смотрѣть, какъ на взаимодѣйствіе, происходящее въ физической средѣ, какъ на воздѣйствіе одного мозга на другой какимъ нибудь физическимъ способомъ.

2. Передача мыслей можетъ быть разсматриваема, какъ психофизическое взаимодѣйствіе, т. е. дѣйствіе психики А на мозгъ В или обратно.

3. Она можетъ быть разсматриваема, какъ прямо воздѣйствіе психики А на психику Б внѣ физической среды.

Было бы преждевременно догматизировать на счетъ того, чего мы не знаемъ, но нѣкоторые факты какъ бы показываютъ намъ, что телепатія и телестезія независимы отъ физическаго агента.

Тутъ авторъ приводитъ цѣлый рядъ случаевъ удачныхъ предсказаній и предчувствій, послѣ которыхъ онъ говоритъ: „Надо думать, что телепатія и телестезія не подвластны законамъ времени и пространства. И съ этой точки зрѣнія онѣ отличаются отъ всѣхъ явленій космоса. Когда мы признаемъ, что число несомнѣнныхъ случаевъ достаточно велико, чтобы исключить всякую случайность, то мы будемъ вынуждены признать, что они связаны съ силой, совершенно не похожей на матерію и энергію (?) *).

Изъ этого слѣдуетъ, что телепатическія впечатлѣнія не могутъ быть разсматриваемы, какъ передача вибрацій или какъ

*) Ничто проявленное не можетъ существовать внѣ пространства и времени и если мысль передается съ молніеносной быстротой, то это еще не значитъ, чтобы она (какъ и безпроволочный телеграфъ) стояла внѣ законовъ природы только потому, что ея передача происходитъ въ другой средѣ (т. е. въ эфирѣ).

Прим. Ред.

превращенія въ физической средѣ, ибо эти послѣднія явленія подвластны законамъ времени и пространства.

Если же содержаніе сознанія можетъ измѣняться подъ вліяніемъ силъ независящихъ отъ времени и пространства, то это можно признать за доказательство того, что и самосознаніе не подвластно законамъ времени и пространства и что человѣческая личность заключаетъ въ себѣ психическое начало (psyche), коренньмъ образомъ отличающееся отъ матеріи и энергіи.

Впрочемъ признаніе психической нематеріальной монады (entité) основной частью человѣческой личности не достаточно для того, чтобы оправдать вѣру въ переживаніе или въ существованіе цѣльной человѣческой личности послѣ смерти. Для этого намъ необходимы доказательства того, что содержаніе сознанія и волевая дѣятельность переживаютъ распадъ тѣла.

Быть можетъ, изученіемъ кажущейся воли той силы, которая производитъ автоматическія явленія, намъ удастся показать, что существуетъ воля, независящая отъ медіума или присуствующихъ.

Намъ кажется это вполнѣ вѣроятнымъ въ виду недавно полученныхъ результатовъ при обращеніи къ одной и той же личности черезъ нѣсколькихъ медіумовъ. Безличная психика не можетъ обладать волею; между тѣмъ опытъ S. P. R. и Максвеля какъ бы подтверждаютъ ея присутствіе".

Въ № 4 (отъ 18 февраля) того же журнала помѣщена длинная статья, разоблачающая дѣятельность мнимаго графа Сарака, въ сущности Albert'a Santini-Sgaluppi, итальянца родомъ, перешедшаго въ американское подданство. Въ своихъ рекламахъ, говоритъ авторъ статьи, это лицо называетъ себѣ апостоломъ свѣта, іогомъ, почитаемымъ учителемъ, праведникомъ, первымъ великимъ посвященнымъ Индіи, посланникомъ восточныхъ ложъ и пр. и пр., а своего малолѣтняго сына Августа—будущимъ пятымъ искупителемъ.

Насъ совсѣмъ не удивляетъ появленіе на эстрадѣ человѣка, за вознагражденіе проявляющаго свои психическія силы, или просто ловкаго фокусника; но насъ крайне удивляетъ то обстоятельство, что люди, интересующіеся духовными вопросами, могутъ предполагать, что великій посвященный какихъ бы то ни было временъ или страны будетъ показывать чудеса за деньги и объявлять себя адептомъ оккультной школы. Если посвященные и встрѣчаются среди сутолоки большихъ городовъ, то ихъ присутствіе проходитъ незамѣтно для большинства, ибо они не проявля-

ютъ его никакими сверхфизическими опытами, тѣмъ болѣе на подмосткахъ. Мнѣніе, что такова можетъ быть ихъ миссія свидѣтельствуетъ о большой наивности и, во всякомъ случаѣ, о полномъ незнакомствѣ съ сущностью оккультизма.

Въ заключеніе мы повторимъ мысль д-ра Штейнера, что познаніе сверхчувственныхъ міровъ возможно путемъ приближенія къ нимъ, путемъ развитія въ себѣ способности гармонировать съ ними (чистыя, безкорыстныя, благородныя мысли и настроенія), а не стремленіемъ получить осязательныя доказательства ихъ существованія на физическомъ планѣ. Этотъ пріемъ обратенъ эволюціонному процессу и неминуемо приводитъ къ тупику, ибо только низшія сферы, ближайшія къ физической, могутъ быть до извѣстной степени познаваемы такимъ путемъ.

М. К.

Не во благо содѣяно то дѣяніе, въ которомъ раскаивается человѣкъ и воздаяніе, за которое получаетъ онъ съ воплемъ и съ лицомъ, орошеннымъ слезами.

Нѣтъ, только то дѣяніе содѣяно во благо, въ которомъ не раскаивается человѣкъ и воздаяніе за которое получаетъ онъ въ радости и веселіи.

Злое творитъ безумецъ и думаетъ, что это медъ, но скорбью наполнится сердце его, когда созрѣютъ всѣ плоды его злого дѣянія.

Стремительный потокъ укрощенъ въ каналахъ; стрѣлокъ выпрямляетъ непослушныя стрѣлы; зодчій обтесываетъ твердое дерево; мудрый укрощаетъ свой бурный духъ.

Законъ и истину позналъ мудрый, онъ тихъ и ясенъ, какъ глубокое, свѣтлое озеро.

(Изъ „Дхеммапады").

Письма къ читателямъ.

Приближается весна, и мысль невольно стремится къ природѣ, въ памяти возникаютъ цвѣтущіе луга, молодой шопотъ зеленыхъ листьевъ, веселый звонъ ручьевъ, проносятся ароматы травъ и цвѣтовъ. Мнѣ всегда казалось, что запахъ выражаетъ душу природы: она доносится до насъ въ соленой пахучести моря, въ свѣжемъ вѣтрѣ, въ нѣжномъ ароматѣ цвѣтовъ, во всѣхъ испареніяхъ оттаявшей, захотѣвшей жить земли. Все въ мірѣ имѣетъ свою аналогію. Обнаруженное указываетъ на скрытое, явное на тайное. Кто внимательно и любовно изучаетъ природу, тотъ узнаетъ божественный разумъ и свои собственныя скрытыя глубины, кто вдумчиво изучаетъ себя самого, тотъ пойметъ и весь міръ. „Безкорыстное самопознаніе ведетъ къ Богопознанію". Когда стремишься обнажить всѣ покровы и раскрыть всѣ видимости и, глядя на явную лабораторію природы, проникнуть въ скрытую лабораторію духа, передъ сознаніемъ раскрываются безконечныя аналогіи, стройное единство явленій, видимыхъ и невидимыхъ. Въ ароматахъ природы—ея душа. Ароматъ человѣка—въ его скрытыхъ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ. Они возникаютъ въ глубинѣ его души и несутся отъ него въ тѣ невидимые міры, въ которыхъ происходитъ ихъ таинственное претвореніе въ новыя творческія силы. Но здѣсь аналогія кончается: цвѣты и травы, океанъ и горныя вершины насыщаютъ земную атмосферу своими сладкими, острыми и освѣжающими дыханіями, и дыханія эти растворяются въ воздухѣ. Ароматъ человѣческой души нѣчто безконечно болѣе цѣнное. Ни одна мысль, ни одно чувство, ни одна мечта не пропадаютъ безслѣдно. Чистыя, активныя, добрыя мысли и чувства людей создаютъ для нихъ счастливое воплощеніе въ будущемъ и творятъ свѣтлыя эпохи въ исторической судьбѣ

народовъ. Вялыя, корыстныя, эгоистическія и сладострастныя мысли и чувства создаютъ эпохи упадка.

„Древняя Мудрость" въ своихъ ученіяхъ о вибраціяхъ и о творческой силѣ мысли, объ осуществленіи въ человѣческой жизни закона причинности (Карма) и о непрерывномъ взаимодѣйствіи между видимымъ земнымъ міромъ и міромъ невидимымъ, раскрываетъ передъ нами таинственную работу духа, и, вводя насъ въ глубины общественной этики, даетъ опредѣленныя указанія на истинное значеніе внутренней культуры, которая безконечно важнѣе культуры внѣшней, потому что творитъ *она*, а послѣдняя лишь видимая ея форма. Мы всѣ постоянно выбрасываемъ изъ себя токи мыслей, цѣлыя волны чувствъ, страстей и желаній, которыя распространяются отъ насъ, какъ круги на водѣ, непрерывными рядами сильныхъ и слабыхъ, добрыхъ и злыхъ, жестокихъ и нѣжныхъ вибрацій и, ударяясь о мозгъ и нервную систему окружающихъ людей, вызываютъ въ нихъ отвѣтныя вибраціи. Если носящіяся въ пространствѣ мысли по преимуществу злыя, враждебныя и тревожныя, духовная атмосфера наполняется вредными, разлагающими элементами; наоборотъ, мысли активно-добрыя и благородныя создаютъ хорошія условія для дружной общественной работы; мысли несутъ въ себѣ или зачатки разрушенія, или помощь человѣчеству, смотря по тому, *что* двигаетъ нашимъ сознаніемъ. Большинство людей думаетъ такъ или иначе не потому, что они сдѣлали оцѣнку тому или другому общественному явленію въ глубинѣ своей совѣсти, а потому, что толпа думаетъ такъ. Наиболѣе сильные умы создаютъ опредѣленныя вибраціи мыслей, а болѣе слабые воспринимаютъ ихъ. Умъ толпы заражается вибраціями немногихъ, умѣющихъ думать сильно и опредѣленно, и эти волны мыслей усиливаются до безконечности по мѣрѣ того, какъ воспроизводятся въ тысячахъ и тысячахъ умовъ, и онѣ-то и создаютъ общественное мнѣніе. Какъ примѣръ, мнѣ вспоминается разговоръ, который я имѣлъ въ Лондонѣ съ знакомой англичанкой, сильно поразившей меня тѣмъ, что, идеалистка по натурѣ, чрезвычайно гуманная и чуткая, она выражала антипатію къ благородному Гладстону и горячо поддерживала самый безпощадный имперіализмъ, въ сущности совершенно чуждый ея натурѣ.

Отъ постоянныхъ повтореній однородныхъ мыслей возникаютъ глубоко обозначенныя линіи въ умахъ большинства, которыя и опредѣляютъ характеръ эпохи. Неизмѣримо важный жизненный смыслъ этого факта, если онъ ясно усвоенъ, долженъ вызвать въ

людяхъ глубокое чувство отвѣтственности за никому невидимую работу ихъ мыслей, чувствъ и воли.

Излагать въ короткомъ письмѣ ученіе „Древней Мудрости“ о вибраціяхъ мысли и о томъ, какъ онѣ вліяютъ на судьбу человѣчества, невозможно; ученія эти подробно разработаны въ теософ. литературѣ и доступны всѣмъ, кто желаетъ познакомиться съ ними *). Мнѣ хотѣлось лишь дать нѣсколько указаній моимъ читателямъ на фактъ передачи мыслей и чувствъ отъ мозга къ мозгу, отъ нервной системы къ нервной системѣ, а также на возможность охранить свой мозгъ отъ непрестанно бьющихъ въ него волнъ чужихъ мыслей. Основной законъ, по которому вибраціи чужихъ мыслей легко воспринимаются другимъ мозгомъ, коренится въ сродствѣ вибрацій у посылающаго и у воспринимающаго мысль. Дурно настроенный умъ будетъ легко воспринимать злыя вибраціи и безпрепятственно развиваться въ дурномъ направленіи. Точно такъ же и праздный, смутно и непослѣдовательно работающій умъ—открытое поле для всевозможныхъ воздѣйствій со стороны. Для того, чтобы создать прочный оплотъ противъ несущихся на насъ со всѣхъ сторонъ заряженныхъ всевозможными страстями мыслей, нужно научиться думать по опредѣленнымъ линіямъ, выработать собственное міросозерцаніе, поставить передъ своей душой ясный идеалъ, способный вдохновлять и вести впередъ и впередъ.

Каждая чужая мысль и каждое чувство, не соотвѣтствующее обычнымъ вибраціямъ вашей мысли и вашего чувства, будетъ отброшена отъ васъ такъ же, какъ высокій звукъ отбрасывается безъ слѣда отъ струны, способной звучать лишь низкими тонами. Если человѣкъ думаетъ и чувствуетъ правдиво, лживыя мысли не вызовутъ въ немъ отвѣтныхъ вибрацій и не проникнутъ въ него; если душа его настроена любовно, мысли ненависти и злобы пронесутся мимо нея, не причинивъ ей вреда; если желанія его благородны, низменныя желанія не затронутъ его. Беззащитность человѣка противъ чужихъ мыслей и чувствъ кончается, какъ только онъ начинаетъ вырабатывать свой духовный міръ сознательно, какъ только внутренняя культура души принимаетъ ясныя, связанныя между собой и обоснованныя линіи. Для этого нужно не уставая оберегать свою душу отъ случайныхъ вліяній и ра-

*) Ученіе о вибраціяхъ мысли можно найти въ сборникѣ „Вопросы Теософіи“ (Сила мысли) и въ лекціяхъ „Новая Психологія“ (Вѣстникъ Теософіи, №№ 1, 2, 4 и 5), въ книгѣ „Thougt Power“ A. Besant и Science of emotions Bhagavan Dâs.

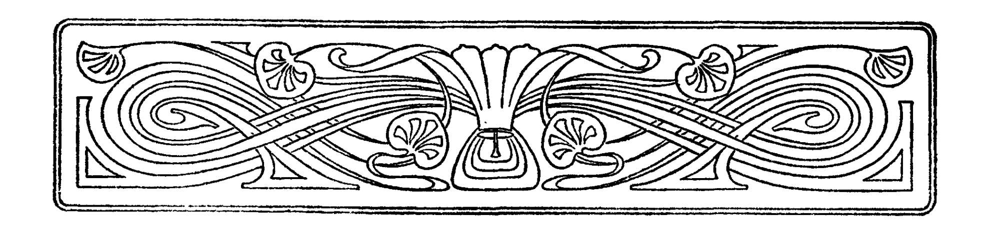
стить и укрѣплять въ ней духовную красоту. И тогда нашъ внутренній садъ расцвѣтетъ, и благоуханіе отъ его цвѣтовъ освѣжитъ и оздоровитъ окружающую насъ духовную атмосферу.

Въ особенности въ нашу эпоху перелома и переоцѣнки всей жизни, когда прокладываются новыя линіи общественнаго сознанія, неизмѣримо важна такая внутренняя культура. Вѣдь именно мы, развитые и образованные, создаемъ эти линіи и мы же будемъ и отвѣтственны за то, будетъ ли въ нихъ правда и красота, или же онѣ поведутъ нашъ народъ къ новымъ бѣдствіямъ и къ новому духовному рабству.

Кромѣ внутренней культуры, нашъ умъ оберегается отъ дурныхъ вліяній чужихъ мыслей и общеніемъ съ благородными умами, какъ въ жизни, такъ и въ книгахъ. Книги, это—кристаллизованные токи мыслей; прикасаясь къ уму читателя, онѣ оживаютъ и дѣйствуютъ на него такъ же, какъ и несущіяся на него живыя вибраціи. Вотъ почему для человѣка, знающаго всю силу и значеніе невидимаго творчества мысли, такъ тяжело и жутко видѣть распространеніе дурныхъ книгъ. Когда проходишь по улицамъ, мимо оконъ книжныхъ лавокъ и мимо столиковъ, наполненныхъ раздражающими мозгъ и нервы похожденіями разныхъ сыщиковъ, будящихъ въ молодыхъ людяхъ нехорошіе инстинкты охоты по двуногому звѣрю, или видишь порнографію во всѣхъ видахъ, разжигающую самую низменную чувственность, становится больно и страшно. Видишь внутреннимъ зрѣніемъ, какъ затаптываются душистые цвѣты въ молодыхъ душахъ, какъ грязнится свѣжая красота невидимаго сада... И невольно вырывается полный тревоги вопросъ: каковы тѣ вибраціи и токи, которые выбрасываются въ наше безмѣрно тревожное и безмѣрно важное время душою русскаго народа, и какія очертанія его будущей судьбы слагаются изъ этихъ вибрацій и токовъ, невидимыхъ для насъ и лишь смутно ощущаемыхъ всѣми?

Другъ читателя.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Не миръ, но мечъ.

(По поводу книги Д. С. Мережковскаго).

Мережковскій, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ дорогихъ, близкихъ и родныхъ писателей всѣмъ, кто подобно ему искренно и чисто ищетъ живого Бога—будь то ламаитъ, католикъ, сектантъ, православный или еврей. Не важенъ путь, а важно стремленіе, и если всѣ двигаемся къ одной цѣли, то вѣримъ, искренно вѣримъ, что время настанетъ, когда и пути совпадутъ и всѣ ручьи сольются въ общемъ морѣ.

И во имя этой конечной цѣли необходимо съ особенной чуткостью прислушиваться къ отдѣльнымъ пророческимъ голосамъ независимо отъ того, откуда они раздаются, потому что въ вопросахъ Духа даже „враги" являются, въ сущности, единственными настоящими братьями и союзниками въ борьбѣ съ Грядущимъ Хамомъ (только ли грядущимъ?!)—дуломъ безразличія, сытости и самодовольства.

Мережковскій хронологически завершаетъ собою рядъ имъ же отмѣченныхъ именъ: Новиковъ, Чаадаевъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой, Вл. Соловьевъ.

Всѣ они страдали исканіемъ Бога и, уловивъ одинъ изъ его лучей, страдали снова, что не всѣ идутъ по найденному ими пути. Порою даже это послѣднее страданье какъ будто исчезаетъ, замѣняясь не то презрѣніемъ, не то обидой: „Не хотите насъ слушать—тѣмъ хуже для васъ", но требованіе въ большинствѣ случаевъ было безусловное—„вѣрьте такъ, а не иначе".

Но Достоевскій отрекся отъ революціи во имя „исконныхъ устоевъ"—глядитъ назадъ. Толстой какъ бы перешагнулъ за то, что въ самыхъ крайнихъ предѣлахъ могла дать революція—стеръ всѣ устои.

Кто идетъ за Толстымъ долженъ отринуть Достоевскаго, а, отринувъ, тѣмъ самымъ освободиться отъ его страданія. У Мережковскаго это страданіе дѣлается коллективнымъ—онъ страдаетъ за всѣхъ, потому что всѣхъ понимаетъ, какъ понимаетъ скрытую въ каждомъ исканіи частицу истины.

Ему одинаково близка и горячая ненависть интеллигента революціонера съ его отрицаніемъ и богохульствомъ, и отрѣшенныя отъ реальной дѣйствительности переживанія мистика-сектанта, какъ близки одинокіе поиски такого проникновеннаго и своеобразнаго мыслителя какъ Розановъ. Мережковскій никого не хочетъ отметать и тѣмъ самымъ онъ обрекаетъ себя на еще одно лишнее страданіе—страданіе одиночества, потому что никто не признаетъ его совсѣмъ своимъ. Онъ всѣмъ близокъ и всѣмъ чуждъ за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, которые, подобно ему, глядятъ поверхъ всего преходящаго, временнаго, въ чаяніи града обѣтованнаго.

Въ этомъ отношеніи Мережковскій похожъ на легендарнаго швейцарскаго героя Винкельрида, который во время битвы пастуховъ-горцевъ съ войскомъ закованныхъ въ желѣзо рыцарей схватилъ, сколько могъ, концовъ непріятельскихъ копій и, соединивъ ихъ въ своей груди, далъ возможность своимъ ворваться въ неприступную твердыню вражьяго строя.

„Царство Божье внутри васъ“—только внутри—не можетъ его удовлетворить; онъ хочетъ, чтобъ тайное сдѣлалось явнымъ, сдѣлалось зримымъ не только духовнымъ, но и тѣлеснымъ очамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ черезчуръ „пророкъ“, черезчуръ прозорливецъ, чтобъ не видѣть всей мишурности человѣческихъ теорій, узости всяческихъ „платформъ“, кое-какъ скроенныхъ изъ зарубежныхъ лоскутковъ, для созиданія Царствія Божія на землѣ. Въ немъ, какъ самъ сознается, слишкомъ много чрезмѣрности: „насъ трудно сдвинуть, но разъ мы сдвинулись, намъ нѣтъ удержа—мы не идемъ, а бѣжимъ, не бѣжимъ, а летимъ, не летимъ, а падаемъ“... И точно Мережковскій не можетъ удержаться на современности, никакими реформами его нельзя подкупить. Ему нужно, чтобы „все прежнее прошло“, какъ сказано въ апокалипсисѣ, и пока все стоитъ на мѣстѣ или движется черепашьимъ шагомъ, нѣтъ покоя его душѣ и нудится она градомъ грядущимъ.

Это нетерпѣніе увидѣть спускающійся съ неба Новый Іерусалимъ, пришествіе Царства Христова на землѣ не въ идеѣ, а въ жизни, повседневной будничной жизни, заставляетъ Мережковскаго быть подчасъ несправедливымъ. Только нетерпѣніемъ и можно объяснить, что Мережковскій не понялъ, скорѣе не захотѣлъ понять, нѣкоторыхъ сторонъ

христіанства и его отдѣльныхъ представителей, какъ „послѣдняго Святого“ Серафима Саровскаго.

Одна изъ этихъ самыхъ наболѣвшихъ и недоумѣнныхъ сторонъ, затронутыхъ Мережковскимъ (а раньше его Розановымъ), несомнѣнно, вопросъ объ отношеніи церкви и всего христіанства къ браку и полу.

Съ перваго взгляда дѣйствительно есть надъ чѣмъ задуматься: съ одной стороны бракъ—таинство, таинство, освѣщаемое самой Церковью, что молится о ложѣ нескверномъ, съ другой—дѣвство, одобряемое и освящаемое самимъ Христомъ („Иже могій вмѣстити—да вмѣститъ“), и „ругань“, какъ выражается Мережковскій, Серафима Саровскаго надъ материнствомъ земнымъ.

Но недоумѣніе только кажущееся и происходитъ отъ желанія рѣшить вопросъ абсолютно: дѣвство или бракъ?

„Въ Богѣ нѣтъ ничего относительнаго,—говоритъ Мережковскій—есть только абсолютное: „или таинство брака вовсе не таинство, или оно есть утвержденіе абсолютной святости брака. И вотъ, однако, дѣвство, безбрачіе—другая столь же абсолютная и противоположная святыня. Какъ могутъ быть двѣ святыни, которыя взаимно исключаются?“ И вопросъ такъ и остается вопросомъ.

Конечно, двухъ противоположныхъ абсолютовъ *въ Богѣ* нѣтъ, но рѣчь, вѣдь, не о томъ, что въ Богѣ, т. е. завершилось, дошло до конца, „исполнилось“, а о томъ, что движется къ Нему. И вотъ въ этой полосѣ движенія на разныхъ ступеняхъ и могутъ существовать двѣ „абсолютныя“ и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположныя истины.

Новорожденный младенецъ, питаясь изъ материнской груди, поступаетъ абсолютно правильно, но въ двадцать лѣтъ этотъ абсолютъ уже не существуетъ. Что „абсолютно“ хорошо для младенца, можетъ оказаться столь же „абсолютно“ нехорошо для взрослаго.

Въ примѣрѣ Саровскаго, наставляющаго бабу какъ ходить беременной, совсѣмъ не чувствуется „ругательства“, а просто любовное, милое отношеніе къ бабѣ, „вмѣщающей“ пока лишь материнство, т. е. любовь узкую, личную, отчертившуюся отъ всего міра кругомъ *своей* семьи, *своего* дѣтеныша. Змія, видѣннаго той же бабой, Мережковскій напрасно считаетъ, *конечно*, дьяволомъ брака, такъ какъ, существуй такой дьяволъ, старецъ едва ли принесъ ему жертву, сознательно отдавая въ его власть пришедшую за совѣтомъ женщину.

Нѣтъ, этотъ змій былъ дьяволъ *не брака*, а *похоти*, и, указавъ на бракъ, старецъ далъ только нормальное направленіе слабости женщины, ограничилъ, претворилъ, заставилъ послужить орудіемъ для пробужденія въ ней высшихъ сторонъ Духа, связанныхъ съ бракомъ и материнствомъ. Нѣчто аналогичное находимъ въ Евангеліи: „Случилось,

что когда они были въ пути, нѣкто сказалъ Ему: „Господи! Я пойду за тобою, куда бы Ты ни пошелъ". Іисусъ сказалъ ему: „Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а сынъ человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить голову". А другому сказалъ: „Слѣдуй за мною" (Лук. 9, 57—60). Баба Елена пришла просить о постриженіи, но могла вмѣстить лишь бракъ; иные же дозрѣли до безбрачія, и, кто знаетъ, дальнѣйшая ступень, можетъ быть, опять приведетъ къ браку, новому, райскому, когда по слову Божьему плодились и множились безъ грѣха и были наги и не стыдились наготы своей.

Поэтому, если въ христіанствѣ бракъ не абсолютъ, то такимъ же неабсолютомъ является и аскетизмъ, и опять нельзя согласиться съ положеніемъ, что „совершенный христіанинъ—монахъ отшельникъ", а тѣмъ болѣе, что христіанство религія скопческая, а потому „*аскетическое, то есть подлинное, христіанство* *) и современная культура обоюдно непроницаемы: между ними возможно не соединеніе, а только смѣшеніе", и что „къ соединенію Святого Духа со святою плотью ближе несвятая плоть внѣ христіанскаго человѣчества, чѣмъ *безплотная* святость христіанства" (стр. 24). Вѣдь самъ Мережковскій признаетъ, что „оскверненный полъ современнаго человѣчества—одна зіяющая язва, одинъ кощунственный вопль". Если же это такъ, то не совсѣмъ понятенъ вопросъ Мережковскаго, вопросъ, звучащій утвержденіемъ: „Не ближе ли къ жениху грядущему этотъ вопль невѣсты, сдѣлавшейся блудницей, чѣмъ скопческая нѣмота христіанства" (стр. 31).

Правда, исторія знаетъ многихъ блудницъ, сдѣлавшихся невѣстами Христа, но переходомъ отъ ложа блуда къ ложу Жениха и былъ, вѣдь, аскетизмъ: не ухожденіе отъ плоти, не отрицаніе плоти, а *очищеніе* ея, излѣченіе язвы, пережиганіе скверны.

Вѣдь *Святая Плоть третьяго Царства*, о которомъ говоритъ Мережковскій, нѐ что иное, какъ преображенная плоть наша, теперешняя, несвятая. И не погубивъ, не отринувъ (временно, конечно) этой, не обрѣтешь и той.

„Аще не умретъ—не оживетъ".

Плоть нынѣшняго человѣчества уже значительно очищена, освобождена отъ нижнеоргійнаго начала и, думаю, именно благодаря великимъ трудамъ нашихъ предшественниковъ, боровшихся съ ней. И чѣмъ лютѣе былъ врагъ, тѣмъ тяжелѣе борьба, тѣмъ сильнѣе были орудія этой борьбы.

„Съ отрокомъ совсѣмъ не говори, ибо иначе онъ будетъ тебѣ въ преткновеніе".

*) Курсивъ здѣсь и дальше мой.

„Не бери за руку подлѣ тебя стоящаго брата и не касайся ланитъ его, старше ли онъ или моложе тебя“ (Антон. Велик.).

Для людей такого склада полумѣры ни къ чему. Чѣмъ окончательно побѣдить жало плоти человѣку изъ 1001 ночи, который при одномъ видѣ женщины теряетъ сознаніе? Только бѣгствомъ въ пустыню или зарывая себя въ землю по грудь подобно Іоанну Многострадальному.

Если бы Марія Египетская не ушла отъ людей и не подвергла бы своего тѣла тысячѣ страданій—не побѣдить бы ей одержавшаго его духа похоти, и тѣло ея такъ и осталось бы неготовымъ для Царства Духа, такъ какъ только у святой и можетъ быть Святая Плоть.

На пиру нельзя возлежать не въ брачной одеждѣ—а что такое тѣло, какъ не одежда духа?

И вся исторія христіанства дѣйствительно разворачиваетъ передъ нами картину упорной и тяжкой борьбы духа съ плотью, но плотью грѣховной, которую нужно не отринуть, а побѣдить. Вѣдь скопчество, какъ таковое, только уродливый наростъ на тѣлѣ христіанства, а между тѣмъ только скопчество дѣйствительно въ полнотѣ „отметаетъ“ плоть.

Истинное же христіанство требуетъ не отметанія, а побѣды, не оскопленія, а очищенія; если же и проповѣдуетъ умерщвленіе, то не въ смыслѣ медленнаго самоубійства, а перерожденія: „Говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся“ (Перв. Посл. къ Кор., XV, 51).

Нужно сдѣлаться „дважды рожденнымъ“ и не только въ одномъ лишь духѣ, но какъ бы и во плоти, т. е. пріобрѣсть особую обновленную плоть, не врага духа, а его вѣрную союзницу. Святые *)—это тѣ доменныя печи, въ которыхъ переплавляется плоть міра. Подобно бурой нечистой рудѣ, смѣшанной съ пескомъ и грязью, сыплется въ нихъ она и тамъ подъ дѣйствіемъ пламенной души избранника, очистившись огненнымъ крещеніемъ, сжегши всю грязь, мерзость и тлѣнъ, снова возвращается въ міръ для созиданія новыхъ тѣлъ.

Вотъ почему у нѣкоторыхъ святыхъ, взявшихъ на себя этотъ подвигъ, искушенія превышаютъ по своей остротѣ и силѣ все, что можемъ вообразить.

Къ нимъ потому течетъ все самое нечистое, плотское, зараженное, что не здоровымъ нуженъ врачъ, а больнымъ. Искушенія же—не

*) Мы не согласны съ этимъ опредѣленіемъ и считаемъ, что дѣятельность святыхъ освѣщена авторомъ неправильно. Вся эта часть очерка является лишь субъективнымъ толкованіемъ автора, а далеко не отраженіемъ воззрѣній Теософіи.

Прим. ред.

внѣшніе образы, а вошедшія въ самую плоть святыхъ больныя частицы міра, которыя надлежитъ очистить и исцѣлить. И чѣмъ сильнѣе духъ, тѣмъ этотъ „обмѣнъ веществъ", это претвореніе нечистаго въ чистое происходитъ скорѣе и напряженнѣе.

Дверь хижины или входъ въ пещеру, гдѣ живетъ какой-нибудь Антоній—это своего рода широкій протокъ, черезъ который вливается вся духовная нечистота міра, всѣ грѣшные помыслы, зародившіеся въ тысячѣ отдѣльныхъ головъ, всѣ вожделѣнія, слившіяся въ одну огромную мутную стремнину. И этотъ потокъ подвижникъ вбираетъ въ себя. И тутъ начинается нечеловѣческій, сверхчеловѣческій бой. Уже нѣтъ мелкихъ страстишекъ, волновавшихъ мелкія души. Теперь онѣ, эти страстишки, слились въ одну, выросли, окрѣпли, дошли до послѣдняго предѣла. Маркизъ де Садъ, Маршалъ Жилль де Рецъ, Борджіа, испившіе до дна чашу крови и сладострастія, не знали тѣхъ чудовищныхъ образовъ грѣха, которые вѣдомы святымъ.

Гюисмансъ („En route") повѣствуетъ о монастыряхъ, какъ бы спеціализовавшихся на извѣстныхъ подвигахъ для борьбы съ опредѣленнымъ грѣхомъ. Тамъ, въ глубинѣ келій, подвижники и подвижницы добровольно принимаютъ на себя искушенія другихъ и въ тяжкихъ испытаніяхъ, вѣчномъ адѣ пробиваютъ путь къ раю для всѣхъ. Въ этомъ фактѣ отвѣтъ и на другой вопросъ Мережковскаго: почему Христова заповѣдь любви къ людямъ въ Богѣ отмѣняется христіанской заповѣдью любви къ Богу помимо людей, послѣдняго уединенія человѣка въ Богѣ (стр. 135).

Съ внѣшней стороны люди ушли отъ міра, отринули міръ, прокляли его; въ дѣйствительности же они связали себя съ нимъ невидимой цѣпью, болѣе реальной, чѣмъ всѣ внѣшнія узы, и не только продолжаютъ пребывать съ міромъ, но весь міръ проходитъ черезъ нихъ.

Мережковскій цитируетъ Исаака Сирина въ образецъ ненависти къ плоти и самъ же приводитъ его описаніе послѣдней, предѣльной ступени любви человѣка къ Богу (къ Богу, замѣтьте, а не къ міру), когда упоенное любовью „сердце человѣка возгорается о птицахъ, о животныхъ, о демонахъ и о всѣхъ вообще тваряхъ, и разумныхъ и неразумныхъ, злыхъ и добрыхъ.

При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ очи человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце, оно умиляется, и человѣкъ не можетъ вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или малой печали претерпѣваемыхъ тварью"...

Выхваченное отдѣльное мѣсто: „ежели не ожесточитъ кто сердца своего и не будетъ съ усиліемъ удерживать милосердіе, то не можетъ пребывать въ безмолвіи“ дѣйствительно должно вызвать вопль протеста противъ этой жестокой святости, но въ томъ-то и дѣло, что Исаакъ, поучая, добавлялъ: „изъ сказаннаго нами никто да не беретъ и не выводитъ что-либо отдѣльно и, отложивъ въ сторону все прочее, да не удерживаетъ неразумно это одно въ рукахъ своихъ“.

Сопоставленіе же этого „ожесточенія“ съ описаніемъ предѣльнаго состоянія любви къ Богу ясно указываетъ, что „ожесточеніе“ опять-таки необходимо только какъ пріуготовленіе себя къ настоящей любви, повтореніе того же *Закона* „аще не умретъ—не оживетъ“.

Вѣдь писателю, ученому, художнику, чтобъ создать что-либо цѣнное, тоже нужно уйти, сосредоточиться, „ожесточиться“—сдѣлаться временно нечувствительнымъ эгоистомъ.

Самъ Христосъ—не слабый человѣкъ, а Богочеловѣкъ—не сразу отдалъ себя на служеніе міру. Онъ также приготовлялся, учился, а потомъ и въ пустыню ушелъ—„ожесточился“ *) на цѣлыхъ сорокъ дней. Но если Богу понадобилось сорокъ дней, то человѣку, можетъ быть, порою едва хватитъ и цѣлой жизни.

Но тогда правъ Мережковскій, говоря: „погибай міръ, только бы святымъ спастись“.

И въ самомъ дѣлѣ—на что эта святость, которая достигается лишь у двери гроба? Вотъ, кажется, человѣкъ достигъ предѣла, все побѣдилъ, все преодолѣлъ—тутъ ему и сказать свое слово міру, помочь ему, слабому, утѣшить, и вдругъ онъ уходитъ, гдѣ „нѣсть печали и воздыханія“, и снова міръ покинутъ въ своей сквернѣ, безъ помощи, безъ участія, безъ любви.

И это такъ и должно казаться тому, кто признаетъ внѣшній матеріальный міръ единственной ареной для воздѣйствія на него.

Но кромѣ міра чувственнаго есть еще и сверхчувственный, неосязаемый, невидимый и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же и даже несоизмѣримо болѣе реальный, чѣмъ этотъ міръ, въ которомъ мы живемъ или, правильнѣе сказать, думаемъ, что живемъ.

---

*) Съ психологическимъ толкованіемъ настроенія подвижника, уходящаго изъ міра для внутренняго подвига, мы также не можемъ согласиться и считаемъ выраженіе „ожесточился“ совершенно не подходящимъ. Изъ великой любви и состраданія подвижникъ временно удаляется въ пустыню, не для какихъ-либо личныхъ утѣхъ, а для того, чтобы собрать силы для новой борьбы и новаго подвига во имя міра. Толкованіе автора въ данномъ случаѣ совершенно субъективно.

Прим. ред.

И тотъ міръ не оторванъ отъ нашего, а составляетъ съ нимъ одно цѣлое: нашъ міръ—міръ феноменовъ, тамъ прообразы, нумены, скрытыя пружины того, что происходитъ здѣсь.

Но если это такъ, а мы *знаемъ, а не только вѣримъ*, что это такъ, то совсѣмъ другой смыслъ получаетъ это ухожденіе, „бездѣятельность" святыхъ.

Въ древности во время битвъ варваровъ между собою начальникомъ былъ тотъ, кто принималъ наиболѣе дѣятельное участіе въ кровопролитіи, чья рука была могучѣе, чье копье вѣрнѣе поражало врага. Но теперь, когда побѣждаетъ уже не просто грубая сила, а болѣе всего управляющій ею разумъ—личнаго участія военачальника въ бою уже не требуется; онъ зачастую находится за многія вѣрсты отъ самаго мѣста боя, но вліяніе его отъ этого не менѣе дѣйствительно. Вблизи—онъ охватилъ бы только частности, отдѣльные эпизоды. Чтобъ охватить общее нужно дѣйствительно отойти, „подняться" и не на одинъ аршинъ отъ земли, какъ Мережковскій упрекаетъ въ томъ Серафима, а на такую высоту, откуда и впрямъ не будетъ большого различія между „естествомъ пресмыкающимся" и человѣкомъ, такъ какъ всѣхъ обойметъ одинъ и тотъ же огромный потокъ любви.

Солнце равно освѣщаетъ и величайшаго мудреца и послѣднюю букашку, и едва ли можно его за это упрекать. И это почувствовалъ самъ Мережковскій, когда, упомянувъ о медвѣдѣ, котораго кормилъ изъ рукъ „послѣдній святой", говоритъ: „Вотъ гдѣ христіанская святость выходитъ изъ своихъ предѣловъ, какъ бы переливается черезъ край". Только я бы сказалъ—не выходитъ, а входитъ, потому что христіанство только тогда и сдѣлается дѣйствительно христіанствомъ, когда будетъ искуплена вся тварь и когда всѣ—дѣйствительно всѣ силою любви, *одной только любви*, смогутъ кормить изъ рукъ дикихъ звѣрей. Но тогда исполнится все и не будетъ надобности въ формѣ внѣшней общественности. Раздѣленіе между кесаревымъ и Божьимъ исчезнетъ, потому что Богъ и будетъ единственнымъ Кесаремъ.

Въ заключеніе я остановлюсь еще на небольшой цитатѣ, приведенной Мережковскимъ, но приведенной мимоходомъ, какъ иллюстрація, а между тѣмъ заключающей въ себѣ мысль, силы и значенія необычайныхъ...

Я имѣю въ виду то мѣсто, гдѣ упоминается нѣкій Авва Стефанъ, достигшій такой святости, что леопарда кормилъ изъ рукъ. „За день до кончины—цитируетъ Мережковскій—пришелъ онъ въ изступленіе и съ открытыми глазами озирался на обѣ стороны, какъ бы истязуемый и справа и слѣва".

Поистинѣ, ужасное зрѣлище было это невидимое и немилостивое истязаніе. И что всего ужаснѣе—его обвиняли въ томъ, чего онъ вовсе не дѣлалъ. Во время истязанія душа его разлучилась съ тѣломъ и „осталось неизвѣстнымъ, какое было рѣшеніе суда“ (стр. 125).

Это „осталось неизвѣстнымъ рѣшеніе суда“ въ высшей степени замѣчательно тѣмъ, что положительно вычеркиваетъ, сводитъ къ нулю всѣ приведенныя раньше ссылки Мережковскаго въ образецъ безусловной *христіанской* святости подвижниковъ Таноба и имъ подобныхъ.

Съ внѣшней стороны кормленіе леопарда изъ рукъ—достаточное доказательство святости: вѣдь это своего рода чудо, а дѣлать чудеса это свойство святыхъ. Но такъ разсуждать въ правѣ одна лишь толпа, судящая только по внѣшнимъ признакамъ. На самомъ же дѣлѣ „рѣшеніе суда остается неизвѣстнымъ“. Если въ Танобъ бѣжали люди, дѣйствительно искавшіе Бога, то туда же могли бѣжать и тѣ, что искали *только святости*—не божьей, а своей *).

И мы знаемъ, что такіе также могутъ достигнуть Силы и также творить чудеса—во имя свое и силою того, кто всегда обѣщалъ и нынѣ не перестаетъ обѣщать людямъ сдѣлать ихъ „яко бози“.

Нѣтъ нужды въ томъ, что взываютъ они ко Христу: „Господи, Господи—скажутъ они въ день суда—не отъ Твоего ли Имени мы пророчествовали? И не Твоимъ ли Именемъ бѣсовъ изгоняли? И не Твоимъ ли Именемъ многія чудеса творили? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе“ (Матѳ. 7).

Не все то христіанство, что носитъ это имя, не всюду истинная церковь, гдѣ ризы и кресты.

Гдѣ истинная Церковь Христова—пока тайна; знаемъ только, что тамъ, гдѣ двое-трое собраны во Имя Его и чтутъ его не однѣми лишь устами.

Если же хотимъ и внѣшнихъ признаковъ, то апостолъ самого Христа имъ указалъ: „Если я имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что *могу* и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто“ (Перв. Посл. къ Коринѳ., XIII, 2).

Е. Кузьминъ.

Кіевъ.
20 марта 1908 г.

---

*) Хорошей иллюстраціей можетъ послужить романъ Анатоля Франса «Thaïs».

„Рыцарь изъ Нюренберга“. Ольга Форшъ. 1908 г. Цѣна 75 к.

За яркими колоритными штрихами образнаго разсказа скрывается глубокая мысль. Стремленіе къ знанію, какъ крупная сила, создаетъ вокругъ себя холодъ и пустоту одиночества. Лишь въ союзѣ разума съ любовью достигается могучая гармонія и полнота бытія. Женщина призвана своимъ сердцемъ растворять жесткость мужчины. Лишь въ союзѣ духа съ плотью возможно гармоничное созвучіе и расцвѣтъ двухъ какъ бы противоположныхъ началъ въ одно нерасторжимое райское цѣлое. Цѣль жизни познается страданіемъ. Вотъ основныя мысли, вложенныя авторомъ въ его разсказъ, но, за обиліемъ символовъ, пониманіе ихъ требуетъ отъ читателя значительной подготовки и знакомства съ оккультизмомъ.

Разсказъ написанъ подъ гнетомъ тяжелаго чувства. Кошмаръ болѣзненнаго воображенія и реализма сквозитъ въ нѣкоторыхъ сценахъ, нарушая цѣльность впечатлѣнія отъ этого литературнаго произведенія.

Разсказъ задуманъ красиво и обработанъ съ любовью въ стилѣ современнаго импрессіонизма.

Астрологія въ наши дни. 1908 г. Цѣна. 4 р.

Предлагаемая вниманію читателей книга представляетъ отдѣльное изданіе статей, помѣщавшихся въ 1886—92 гг. въ журналѣ „Ребусъ“. Книга трактуетъ не только объ астрологіи, но и о другихъ оккультныхъ наукахъ, какъ-то: объ алхиміи, магіи, спиритизмѣ; эти отклоненія въ сторону нарушаютъ стройность изложенія. Теоретическая часть составлена на основаніи серьезнаго знакомства съ литературой и въ популярномъ содержательномъ изложеніи даетъ почти исчерпывающую картину современныхъ воззрѣній на затрагиваемые въ книгѣ

вопросы. Составитель совершенно опровергаетъ общераспространенное мнѣніе о томъ, что изученіе астрологіи приводитъ къ фатализму: рѣшающее значеніе въ направленіи судьбы играетъ разумная свободная воля человѣка. Приведенная въ согласіе съ Провидѣніемъ и знающая возможныя комбинаціи своей судьбы, твердая воля можетъ лучше направлять ходъ духовной эволюціи человѣка, и въ этомъ весь смыслъ и значеніе астрологіи какъ науки.

Вторая практическая часть къ этой книгѣ (въ отдѣльной продажѣ 1 р. 50 к.) составляетъ вполнѣ самостоятельное практическое руководство къ составленію гороскопа и комментаріи ко II части сочиненія „Свѣтъ Египта“ въ переводѣ В. Н. Запрягаева. Книга представляетъ собою компиляцію, составленную на основаніи серьезныхъ руководствъ, и изобилуетъ формулами и таблицами, разобраться въ которыхъ можетъ только спеціалистъ.

Въ совокупности обѣ части представляютъ собой трактатъ по теоріи и практикѣ астрологіи и, кромѣ того, служатъ какъ бы введеніемъ въ курсъ оккультныхъ наукъ.

Книга заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію, въ ней много опечатокъ, въ особенности въ иностранныхъ словахъ и въ собственныхъ именахъ.

„Борьба за идею развитія“. Э. **Геккель**. Пер. **Б. Г. Брауна.** СПБ. 1907 г. Цѣна 60 к.

Въ апрѣлѣ 1905 г. Э. Геккель, защитникъ и представитель эволюціоннаго ученія о механическомъ началѣ и саморазвитіи вселенной, прочелъ въ Берлинѣ 3 лекціи: 1) „Борьба за идею сознанія“ (ученіе о послѣдовательномъ происхожденіи видовъ и ученіе церкви), 2) „Борьба изъ-за родословнаго дерева“ (родство съ обезьянами и родословная позвоночныхъ животныхъ) и 3) „Борьба изъ-за души“ (Безсмертіе и понятіе Божества).

Вся вселенная представляется Геккелю въ видѣ „Бога-Природы“, дѣйствующей по неизмѣннымъ желѣзнымъ законамъ естественнаго развитія. Отмѣчая уступки, сдѣланныя католическою церковью подъ вліяніемъ ученія объ эволюціи, Геккель полагаетъ, что онъ въ корнѣ подорвалъ библейское сказаніе о твореніи міра и человѣка. „Вся органическая жизнь, по его мнѣнію, не болѣе какъ химическій и физическій процессъ“ (стр. 95), „душа есть ни что иное, какъ одна изъ функцій органической жизни“ (стр. 99), „душевная дѣятельность—такой же физико-химическій процессъ“ (стр. 95). При такой теоріи нѣтъ мѣста для идеи о личномъ Богѣ, о безсмертіи души и о свободѣ воли. Но

Геккель оговаривается, что его монистическая философія вообще и одна изъ ея частей—идея развитія въ особенности—не разрушаетъ религіи: она отвергаетъ только *мистическія* христіанскія догмы и сверхъестественную вѣру въ чудесное. „Нашъ монизмъ, пишетъ Геккель, *„какъ связующее звено между религіей и наукой"* (курсивъ нашъ) объединяетъ и охватываетъ собой Бога и міръ" (стр. 112).

„Дѣтскія представленія о Богѣ, Творцѣ, Зиждителѣ, Правителѣ Вселенной, стоящемъ въ видѣ особаго существа отдѣльно отъ матеріальнаго міра, совершенно не вяжутся (пишетъ онъ)... съ великимъ *закономъ матеріи и эволюціоннымъ ученіемъ* (курсивъ подлинника, стр. 107).

Ошибка Геккеля состоитъ въ томъ, что онъ не можетъ отрѣшиться отъ привычки буквальнаго пониманія текстовъ священнаго писанія и, за буквой, не видитъ скрытыхъ въ нихъ символовъ и аллегорій. Ошибочно также утвержденіе автора, что ученіе о безсмертіи отсутствовало у Демокрита, Эмпедокла, что его не было въ древнѣйшихъ религіяхъ востока—въ буддизмѣ и въ религіи Конфуція.

Закончимъ эпиграфомъ изъ другого произведенія проф. Э. Геккеля „Душа клѣтки и клѣтки души", изданнаго имъ въ 1878 г. (См. его „Общедоступные доклады", т. I, № 5).

„Въ каждой живой матеріи, во всякой плазмѣ мы необходимо должны признать первые элементы духовной жизни: наличность *пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній*; простѣйшую форму побужденій: *притяженіе и отталкиваніе*. Весьма различны лишь степени совершенства и сложность этой „души". Отъ тихой „души клѣтки" онѣ постепенно приводятъ насъ, черезъ длинный восходящій рядъ промежуточныхъ стадій, къ сознательной и разумной *душѣ человѣка*".

Непонятно, почему, допуская усовершенствованіе духовной природы въ рядѣ промежуточныхъ стадій, авторъ отказываетъ ей въ безсмертіи?

Рекомендуемъ книгу Э. Геккеля какъ серьезный, научный трудъ, нѣкоторые выводы котораго (напр., спиритуалистическій монизмъ) необыкновенно близко подходятъ къ положеніямъ Теософіи.

Записки спб. религіозно-философскаго общества. Выпускъ I. СПБ. 1908 г. Цѣна 60 к.

Записки обнимаютъ собою два первыя засѣданія религіозно-философскаго общества (3 и 15 октября 1907 г.) и даютъ стенографическое воспроизведеніе вступительной рѣчи предсѣдателя общества, сокращенное изложеніе доклада С. А. Аскольдова „О старомъ и новомъ

религіозномъ сознаніи", съ послѣдующими рѣчами, и возраженіе В. В. Розанова „О нуждѣ и неизбѣжности новаго религіознаго сознанія" съ дальнѣйшими преніями. Интересны и содержательны рѣчи архимандрита Михаила, В. Г. Столпнера и В. П. Свенцицкаго. Во все это вложено много исканія, душевной муки, тревоги мысли, но все поражаетъ безсиліемъ разобраться въ затронутыхъ вопросахъ. Въ этомъ безсиліи бьется какъ свѣтская, такъ и духовная мысль съ 1902 г. А, между тѣмъ, всѣ эти вопросы не существовали для первыхъ христіанъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что ключъ къ познанію религіозныхъ истинъ утерянъ и что его надо искать въ болѣе глубокихъ слояхъ сознанія?

По поводу возобновившихся собраній религіозно-философскаго общества въ газетѣ „Рѣчь" отъ 10 апрѣля с. г. помѣщенъ фельетонъ Д. С. Мережковскаго подъ заглавіемъ „Реформація или революція". Авторъ полагаетъ, что, оставаясь въ старой церкви, можно только чинить гнилыя бревна, дѣлать реформацію, для того же, чтобы создать новую церковь „не въ бревнахъ, а въ ребрахъ" (т. е. не въ клирѣ, а въ мірѣ), надо выйти изъ старой церкви. Фельетонъ написанъ горячо, но не указываетъ раціональнаго выхода изъ создавшагося положенія, какъ не указываютъ его и всѣ пренія религіозно-философскаго общества.

Христіанство, безспорно, не можетъ быть втиснуто въ бревна какой-либо одной господствующей церкви; христіанство, въ его мистическомъ или теософическомъ пониманіи, древне какъ міръ, и задача каждаго ищущаго состоитъ не въ томъ, чтобы отметать всѣ формы внѣшняго его проявленія, а въ томъ, чтобы найти его истинный смыслъ и значеніе, сокрытые подъ сѣнью символовъ.

К. Кудрявцевъ.

Вопросъ. Человѣкъ совершилъ въ молодости преступленіе (убійство), за которое онъ перенесъ наказаніе по суду. Придя въ зрѣлый возрастъ, онъ сталъ мучиться угрызеніями совѣсти, которыя отравили ему жизнь, истощили его организмъ и довели до могилы. Не были ли эти страданія его кармою, или же онъ долженъ въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ воплощеній сдѣлаться жертвою такого же злодѣянія, какое совершилъ самъ?

Отвѣтъ. Всякое зло должно быть неминуемо искуплено, но это не значитъ, что искупленіе непремѣнно приметъ ту форму, въ которой вылилось причиненное зло. Напримѣръ, докторъ Паскаль цитируетъ случай измѣны, повлекшей за собой убійство; виновникъ ея воплотился нѣмымъ въ другой жизни. Физическія дѣянія, совершенныя въ физической сферѣ, ведутъ за собою физическія послѣдствія; астральныя (т. е. чувства, страсти) искупаются въ той же сферѣ; онѣ влекутъ за собой рядъ тяжелыхъ внутреннихъ переживаній. Убійство, въ частности, одно изъ тѣхъ явленій, которыя тѣсно связываютъ убійцу съ жертвой. Въ какой же формѣ выльются страданія, какъ послѣдствіе такого преступленія, невозможно опредѣлить. Здѣсь играетъ роль вся сумма мотивовъ, толкнувшихъ убійцу на преступленіе, и совокупность кармическихъ условій, при которыхъ убійство было совершено. Часто мы видимъ, какъ страданіе непосредственно слѣдуетъ за нарушеніемъ закона любви, и въ одной и той же жизни явно уже выступаетъ карма совершеннаго.

Въ одной изъ ближайшихъ главъ „Древней Мудрости“, печатающейся въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подробно излагается ученіе о Кармѣ

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Свѣдѣнія о Теософическомъ Обществѣ.

Теософическое Общество было основано 17 Ноября 1875 г. въ Нью Іоркѣ Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттомъ. Зъ 1876 г. центръ его былъ перенесенъ въ Индію, въ Мадрасъ, гдѣ Теософическимъ Обществомъ былъ пріобрѣтенъ домъ (въ Адьярѣ, предмѣстьѣ Мадраса), служащій съ тѣхъ поръ мѣстопребываніемъ Президента Общества. Въ немъ имѣется богатѣйшая библіотека, въ которой въ теченіе 30 лѣтъ собирались книги и рѣдкія рукописи по вопросамъ эзотеризма религій, по вопросамъ философіи и оккультныхъ наукъ.

Основатели Теософическаго Общества задались цѣлью сдѣлать доступной древнюю литературу, въ которой хранятся духовныя истины величайшей цѣнности для человѣчества. Общество основано въ духѣ широкой терпимости. Цѣли Общества выражаются въ трехъ параграфахъ его Устава:

1) Основать ядро международнаго братства безъ различія расы, вѣры, пола, касты и т. п.

2) Поощрять сравнительное изученіе религій, философій и наукъ.

3) Изслѣдовать необъясненные законы природы и скрытыя силы человѣка.

Члены Общества сохраняютъ полную свободу религіозныхъ убѣжденій и, вступая въ Общество, должны обѣщать такую же терпимость по отношенію ко всякому иному убѣжденію и вѣрованію. Общество образуется изъ ищущихъ истины, изъ людей, принадлежащихъ ко всѣмъ религіямъ или совсѣмъ не имѣющихъ религіи. Связь ихъ состоитъ не въ общихъ вѣрованіяхъ, а въ общемъ стремленіи къ Истинѣ. Терпимость вытекаетъ естественно изъ убѣжденія, что Теософія есть совокупность духовныхъ истинъ, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ религій, не будучи въ исключительномъ владѣніи ни одной. Она даетъ философію, освѣщающую смыслъ жизни и дающую познаніе законовъ психическихъ и духовныхъ. Она ставитъ смерть на свое истинное мѣсто, какъ одинъ изъ мимолетныхъ инцидентовъ безконечной жизни, раскрывая путь къ болѣе полному и свѣтлому существованію. Она возвращаетъ міру духовное вѣдѣніе, изучая человѣка, какъ духовную сущность, а тѣло и умъ его — какъ орудія и слугъ этой сущности. Она раскрываетъ болѣе глубокое значеніе Св. Писаній и религіозныхъ ученій и, такимъ образомъ, оправдываетъ религію въ глазахъ разума съ такой же силой, съ какой всегда оправдываетъ ее интуиція.

Адресъ Редакціи: СПБ., Кабинетская 7, кв. 1.

Спб. Городская Типографія, Садовая 55, уг. Вознесенскаго.